

Элена ЛАСКАРЕВА

русский романс

Элена ЛАСКАРЕВА

«Все так буднично — и так необычно.
Ведь вы не на земле.
Вы летите по воздуху.
Гигантская стальная птица
несет вас в своем чреве...»

Стюардесса

Стюардесса

русский романс

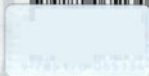
Она — авантюристка, которая не терпит постоянства и летит, опережая время...

Она — стюардесса, которой удалось с внутренних рейсов прорваться в «высшую касту» — на международные авиалинии...

Она никогда не хотела спокойной жизни — но не могла предвидеть, что во время первого же рейса за границу окажется втянутой в махинации контрабандистов...

И в смертельной игре, где надо рассчитывать только на себя, где нельзя полагаться даже на того, ради кого идешь на риск, сама ее мятежная непредсказуемость должна либо погубить ее, либо стать козырем, приносящим победу...

ISBN 5-17-006513-2

Женские судьбы

Елена ЛАСКАРЕВА

Етюардесса

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО ОЛИМП
МОСКВА
2001

УДК 820/89
ББК 84(2Рос-Рус)6
Л26

Серийное оформление
Волченко Е. Н., Кудрявцев А. А.

Компьютерный дизайн
Волченко Е. Н.

Ласкарева Е. Н.

Л26 Стюардесса: Роман. — М.: «Издательство «Олимп», «Издательство АСТ», 2001. — 368 с.

ISBN 5-17-006513-2.

Она — авантюристка, которая не терпит постоянства и летит, опережая время...

Она — стюардесса, которой удалось с внутренних рейсов прорваться в «высшую касту» — на международные авиалинии...

Она никогда не хотела спокойной жизни — но не могла предвидеть, что во время первого же рейса за границу окажется втянутой в махинации контрабандистов...

И в смертельной игре, где надо рассчитывать только на себя, где нельзя полагаться даже на того, ради кого идешь на риск, сама ее мятежная непредсказуемость должна либо погубить ее, либо стать козырем, приносящим победу...

УДК 820/89
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 5-17-006513-2 («Издательство АСТ»)
ISBN 5-8195-0172-1 («Издательство «Олимп»)

© «Издательство «Олимп», 2000
© «Издательство Астрель», 2000

Глава 1

— Attention, please... — Дина перевела дыхание и попыталась продолжить. Не получалось.

Английские слова давались с трудом, язык словно распух и едва ворочался во рту. Казалось, никто ее не понимает и сейчас в салоне раздастся возмущенный гул голосов. Столько усилий — и все псу под хвост!

Динка переложила микрофон из руки в руку и незаметно вытерла вспотевшую ладонь о форменную юбку. На секунду мелькнула озорная мысль: взять и смыться за шторку, а вместо себя вытолкнуть эту надменную дуру Наташу... Но Динка тут же с досадой призналась себе, что английским стерва Наташка владеет что надо, так и чешет, как трещотка. Наверное, это она всех подговорила поставить на объявления новенькую. Такая проверочка...

Вот и фиг вам! От злости у Динки что-то переключилось в голове, речевой спазм прошел так же внезапно, как и возник, и она бойко отбарабанила за-

ученное обращение к пассажирам, сообщила им запланированное время полета и перешла к демонстрации правил пользования спасательными жилетами и знакомству с запасными выходами.

Пассажиры бизнес-класса смотрели на нее с нескрываемым удивлением. Динка очаровательно улыбнулась всем им и каждому в отдельности... вдруг ее осенило: «Вот черт! Купили как первоклашку! Ведь на международных рейсах трансляция идет автоматически!»

Дина с достоинством повернулась, покинула салон и включила громкую трансляцию. Из динамиков послышался красивый, бархатный баритон командира корабля, капитана первого класса Антона Потемкина.

Для своих сорока с копейками Антон выглядел очень неплохо: густая русая шевелюра пока еще без седины, ярко-синие насмешливые глаза, обрамленные мелкой сеткой морщинок, потрясаяще красивый загар, особенно удивительный в конце ноября, когда все в Москве уже успели позабыть о летнем солнце.

Динка с досадой подумала, что Наташка обязательно расскажет Антону о ее дурацкой оплошности. Еще бы! Такой случай выставить новенькую перед командиром в глупом виде. И все потому, что командир как-то слишком пристально смотрел на нее при знакомстве... Типичный бабский приемчик...

— Никак не отделаешься от своих провинциальных замашек? — ехидно спросила Наташка.

Безразлично пожав плечами, Динка с пафосом процитировала:

— «Привычка свыше нам дана...»

— Привычка? — усмехнулась Наташка. — Ты хочешь сказать, что в рейсах на Верхнезасранск и Нижнемухобойск ты шпарила по-английски?

— Ты разве не в курсе? — подхватила издевку Сашенька Тарасова. — Ведь там летает такая изысканная публика, сплошь лорды да леди...

Сашенька недавно окончила Питерский авиационно-транспортный колледж, а теперь заочно училась в инязе, поэтому считала себя ужасно умной и образованной. Она не скрывала, что не собирается засиживаться в стюардессах, а получит специальность по-престижнее.

Сашенька уже успела заявить Динке, что в молодости работать надо головой, а не ногами. И что если Динка всю жизнь мечтала стать бортпроводницей в Шереметьеве, то Сашеньке жаль ее за эту убогую мечту.

Но самым обидным было то, что старшая стюардесса — Наташка, хоть и старше Дины на каких-то шесть-семь лет, требовала, чтоб ее уважительно называли по имени-отчеству. Ну просто язык не поворачивался...

— Кстати, знаешь, Диночка, сколько тебе понадобится, чтоб научиться летать? — с хитрой усмешечкой поинтересовалась Сашенька. — Девять, не меньше...

— Чего? Месяцев? — почувствовав подвох, но еще не поняв, в чем он заключается, спросила Динка.

— Самолетов! — закатилась Сашенька.

Наталья с радостью подхватила ее веселье.

Только Валентин, единственный в их женском коллективе мужчина-стюард, не принимал участия в глупых пересмешках. Он невозмутимо высыпал на поднос груды сосательных карамелек и направился в салон. Перед выходом он повернулся и незаметно для остальных подмигнул Динке.

— Наталья Михайловна, — нарочито почтительно произнесла Динка, — только по молодости я совершила глупую ошибку. Прошу простить. Преклоняясь перед вашим опытом, который приходит только с возрастом, я понимаю, что мне еще очень далеко до вас...

Девчонки прыснули со смеху. Наташка строго посмотрела на них и ледяным тоном велела заткнуться, потому что полет не цирк, а если кто-то любит клоунаду, то пусть подумает о смене профессии.

— Сколько у вас? — деловым тоном спросила она Валентина.

— Согласно посадочным талонам, восемьдесят два.

— У нас двадцать пять, — сообщила Сашенька. — Все совпадает.

— Хорошо. — Наташка сделала пометку в сводной ведомости и передала сведения в кабину: — Антон Васильевич, на борту сто семь человек. Данные подсчета совпадают с данными наземной службы.

— Черт, — раздался в динамике приглушенный голос Антона. — Опять недогруз. — И уже громче: — В смысле хорошо, Наташа.

Динка поняла, почему эти сведения были непри-

ятны командиру экипажа. Из ста сорока мест в салонах свободна почти четверть. А это значит — не хотят пассажиры летать нашими лайнерами, предпочитают западные авиакомпании, ставят выше и их сервис, и безопасность. Обидно...

Антон запросил у диспетчера разрешение на взлет и посмотрел на второго пилота. Костя сидел подчеркнуто небрежно, и во всей его позе чувствовалось презрение к правилам и порядкам. Если бы позволяли размеры кабины, он бы, пожалуй, разлегся, как на пляже.

Костя явно раздражал командира, но, сколько Антон ни бился, сколько ни писал рапорты, Костю в другой экипаж не переводили. Честно говоря, работать с ним желающих не было.

Антон с горечью подумал, что психологическая совместимость экипажа для руководителей полетов просто пустой звук. Хоть плешь им проешь — все едино: не видим целесообразности...

Некрасивый, с длинными худыми руками, Костя Акимов пользовался у женщин совершенно необъяснимой популярностью. И красавчик Антон совершенно не мог понять этих дур. К тому же Костя был пилотом от Бога.

В другой стране и в других условиях именно Костя был бы командиром корабля, а не Антон. Но служебный рост сдерживало количество летных часов и на-

шивок, что не давало Косте возможности перепрыгнуть через пару ступенек вверх. И он постоянно демонстрировал, как ему надоело заниматься скучным делом, быть в подчинении у того, кто уступает ему в профессиональных качествах. Он словно отбывал повинность, нехотя выполняя все распоряжения командира.

Особенно бесили Антона те ситуации, когда Костя быстро и безошибочно находил решения, которые складывались в голове Антона гораздо позже. Тогда Костя делал некое неуловимое движение и в ответ на команду первого пилота лениво выдавливал из себя, что уже давно все сделал, и обязательно добавлял, что если бы ждал, пока ему прикажут, то старенький Ил давно стал бы коллективным гробом...

Еще лет двадцать назад мощный и комфортабельный Ил-62М был флагманом отечественного самолетостроения и одним своим видом вызывал законную гордость: вот ведь умеем же!

А сейчас по соседству с застывшими на влажном темном бетоне «боингами» и А-310 он казался чересчур неуклюжим, слишком обшарпанным и совершенно безнадежно устаревшим.

За четверть века техника сделала гигантский прыжок вперед, обесценив прошлые достижения. Но теперь, как ни затягивай пояс, мы уже не могли оказаться впереди планеты всей, поскольку и в ракеты, и в балет, и в самолеты необходимо было вкладывать деньги. Хотя Аэрофлот для дальних перелетов и закупал «бо-

инги», но на европейских трассах по-прежнему преимущество оставалось за старичками Илами.

С двух сторон замелькали огни взлетно-посадочной полосы, лайнер понесся по прямой, постепенно набирая ход. Рукоятка руля на себя, толчок... и вот пробег уже перешел в полет...

Антон мастерски оторвал тяжелую махину от бетонной полосы, легко приподнял, точно пушинку. Он покосился на Костю, но тот скорчил кислую рожу. Опять недоволен, гаденыш. Опять думает, что он здесь единственный и неповторимый виртуоз, ас воздушных трасс... Щенок!

После набора высоты Дина подготовила поднос с напитками и отправилась в салон экономкласса. Более престижный бизнес-класс обслуживали Наташка с Сашенькой, а им с Валентином досталось что попроще. Впрочем, Динка не протестовала, она и не думала, что с первого рейса ей доверят привередливых пассажиров первого или бизнес-класса. Здесь тоже своя иерархия среди obsługi. И хотя на Иле первого класса, по сути, нет — из-за отсутствия достойных условий так называли первый салон на двенадцать мест, в котором кресла располагались не по три, а по два в ряд, — ей и бизнес-класс показался верхом роскоши. Удивительно только, почему Валентин сам выразил желание работать с ней в паре.

Он вообще был странный... Динка думала, что стю-

ардесса — чисто женская профессия, но оказалось, что на международных линиях работает довольно много мужчин. Неужели им интересно разносить конфетки и подавать обеды? Неужели они не нашли себе в жизни более достойного применения? Высокий, широкоплечий Валентин так странно смотрелся с подносом в руках... Форма сидела на нем безукоризненно, как влитая, и тот, кто не разбирается в знаках отличия, мог бы запросто принять его за настоящего летчика, а вовсе не за официанта.

Из всех членов экипажа он единственный отнесся к Динке по-человечески, по крайней мере не строил козни и не хихикал за ее спиной, а просто работал рядом спокойно и дружелюбно.

— Я обычно беру больше минералки без газа. А фанта у нас плохо идет, — мельком глянув на поднос, сказал он.

— Спасибо, — кивнула Дина. — Учту.

Валентин прав, она забыла, что здешний контингент усиленно следит за здоровьем, не то что на внутренних рейсах, где народ предпочитает сладкий дешевый лимонад.

Она изобразила на лице приветливую улыбку и понесла по салону напитки, останавливаясь перед каждым рядом кресел.

После тесного, убогого Як-42, на котором Динка начинала летать, салон Ила был просто Бродвеем. Широкий проход, просторные кресла, по три с каждой стороны, столики оставляют достаточно места, а не

впиваются в живот, как на Яке. Да и на ее бедрах не будет синяков, а то она вечно задевала за ручки кресел.

Публика в салоне была разномастная. Маленький вьетнамец взял стаканчик с фантой и залопотал что-то, указывая пальцем вверх. Динка перехватила поднос одной рукой, а второй направила на него воздухопровод кондиционера. Кажется, угадала. Он улыбнулся и кивнул ей. За вьетнамцем сидела итальянская семья: супруги и трое детей. Причем шумели эти трое словно — двадцать. Они только и ждали, когда папа разрешит им отстегнуть ремни и побегать по салону.

Не прекращая улыбаться ни на секунду, Динка с интересом вглядывалась в лица. Девица с короткой стрижкой и нахальным взглядом, пожилая чета, еще семейная пара, нервный парень с бегающими глазами... Он взял первый стакан, быстро выпил и тут же взял следующий.

— Хотите пить? Принести вам бутылку? — спросила по-английски Дина.

— Чего? — протянул он.

— Могу принести целую бутылку, — перешла на русский Динка.

— Не, не стоит. — Он отвернулся и закрыл глаза.

На противоположной стороне расположились явно наши соотечественники: кожаные куртки, стриженные затылки и почему-то крахмальные рубашки с галстуками. Смешно... Сидели они в самом конце, у прохода к туалетам, хотя в салоне было довольно много свободных мест.

— Вы можете пересесть, если хотите, после набора высоты, — любезно предложила им Дина.

— Нам здесь в самый раз, — буркнул тот, что сидел у самого прохода.

Он почему-то сразу Динке не понравился. Взгляд такой колющий, исподлобья, брови густые, сросшиеся на переносице. Он все время теребил воротник рубашки.

«Наверное, братва... — подумала Динка. — Для них эти галстуки как карнавальные костюмы».

— И все же вам будет удобнее впереди.

Она продолжала настаивать еще и потому, что три ряда перед братвой были свободны, и если переместить этих несговорчивых, то Динке придется меньше ходить, путь по салону сократится на несколько метров.

— Нет, — жестко отрезал бровастый. — Я сказал.

— Ну как хотите. — Она пожала плечами и повернулась. Пошла по проходу, чувствуя, как острый взгляд бровастого буравит ее между лопаток.

Что уставился? По спине пробежал неприятный холодок, и Дина передернула плечами.

— У тебя осталось еще? — нервный парень тронул ее за локоть, когда Дина поравнялась с ним.

— Нет, к сожалению.

Она собирала пустые стаканчики. Он глянул на них и хрипло сказал:

— Принеси.

— Pepsi, колу, фанту?

Он сглотнул.

— А покрепче ничего нет?

— Крепкие напитки мы предложим вам через несколько минут...

— Фу, черт! — буркнул он. — Что ты как заводная? Я хочу сейчас, ясно?

— Ясно, — кивнула Дина, продолжая улыбаться. — Вы летите в первый раз?

— С чего ты взяла? — фыркнул парень.

— Вы нервничаете, — пояснила она.

— Так заметно? — Он перегнулся в проход и огляделся.

— Со стороны — да.

Парень криво усмехнулся и процедил:

— Ну ты психолог...

У выхода из салона Дина оглянулась. Парень закрыл глаза и откинулся на спинку кресла, делая вид, что спит. Только руки нервно подрагивали на подлокотниках.

И еще она успела заметить, что бровастый из конца салона все еще смотрит на нее...

Дина провезла по проходу тележку с крепкими напитками, потом подала молодой китаяночке плед, помогла пожилой чете откинуть кресла, как снова раздался вызов. Кресло 6Г... Нервный парень. Никак не угомонится!

Дине показалось, что Валентин посмотрел на нее

с сочувствием: первый рейс, и сразу капризный пассажир. Она вздохнула и нехотя пошла в салон.

Привереды (или как их называли между собой: стержовы) попадались далеко не на каждом рейсе. Бывало, что все пассажиры были как на подбор: вежливые и спокойные, не дергали попусту. А бывало, что попадется один, начнет качать права, требовать, настаивать, вызывать то за одним, то за другим, а глядя на него, и остальные берут пример. Вот тогда наступает для стюардессы «райская жизнь»... Хотя обычно стержовыми оказывались женщины. Молодой парень был редким исключением.

— Что вам угодно?

— Обед скоро? — спросил он.

— Через час.

— Хорошо. — Парень опять закрыл глаза и откинулся на спинку кресла.

Дина оглядела салон. Все уже утомонились. Большинство дремало, кто-то читал, смотрел в иллюминатор, отодвинув пластиковую шторку. Даже итальянские дети устали шуметь и свернулись клубочками в креслах.

Дина принесла им пледы, помогла укрыть малышей и получила в награду белозубую улыбку итальянца.

Прежде чем успокоиться, все с удовольствием выпили кто по бутылочке сухого вина, кто по порции виски. Нервный парень с места 6Г взял одну двухсотграммовую бутылочку вина, потом подозвал Динку и добавил еще несколько.

Пора было готовить контейнеры с обедами, Наташка с Сашенькой тоже перестали цепляться — не до того было, в это время самая суета.

— Набегалась? — Валентин налил в чашку кофе и дал Дине. — Передохни.

— Спасибо...

Все-таки он удивительно чуткий... Динка с благодарностью подумала, что самую противную и нудную подготовительную работу ее напарник по-мужски взял на себя, а ей предоставил только прогулки по салону. Хотя... неизвестно, что труднее, если учесть, что за четыре часа полета ей надо пройти по нему из конца в конец раз пятьдесят — да на тонких модельных шпильках, да с полными подносами или с тяжело нагруженной тележкой.

Кстати, как она повезет контейнер с обедами? Пожалуй, он по ширине займет весь проход... Ведь на Иле весь салон в ширину всего три с половиной метра. Минус кресла пассажиров. Сколько остается на проход стюардессы?

Она отхлебнула кофе. Интересно, Антону-то кофе Наташка готовит? Она там впереди, наверное, постоянно к нему в кабину заглядывает...

Динка вдруг почувствовала слабенький укол ревности. И зависти, хотя по натуре вовсе не была завистливой. Просто красавец командир способен заинтересовать любую девушку. А Динка из впечатлительных, она может влюбиться не то что с первого взгляда, даже не видя человека, в звук голоса, скажем...

В незнакомом экипаже даже посплетничать не с кем. А интересно, женат этот Антон или нет? Дина даже это не успела выяснить.

Раздался сигнал. Она подняла глаза. Опять 6Г. Осточертел! Но правила предписывают являться по первому требованию пассажира. Если она проигнорирует хотя бы один вызов, особенно в первом рейсе, Наташка с удовольствием настроит на нее докладную. Так и выговор схлопотать недолго... А после трех выговоров у них в компании принято снимать провинившегося с международных рейсов.

— Водки дай, — велел парень.

Динка прикинула в уме. Он уже выпил несколько бутылочек «Пино» и «Мерлот». Вдруг его развезет внезапно, перед самой посадкой?

Динка помнила инструкцию, что стюардесса не имеет права отказывать в выпивке, но должна сама определять степень кондиции пассажира. Мягко посоветовать не усугублять она может, только если опьянение явно бросается в глаза окружающим. Тогда ее действия не вызовут осуждения и будут оправданны. А парень держался прекрасно, как огурчик. Но если ему алкоголь ударит в голову внезапно и его также внезапно стошнит?

Девочки рассказывали о таких случаях. Чаще всего перебирали финны и шведы. Вроде и лететь всего пару часов, а они успевали так быстро набраться, что стюардессы только диву давались. А потом хлопот не оберешься. И убирать противно, и пассажиры жалуются...

— Так я жду, — напомнил парень.

Дина быстро принесла ему порцию. Тут же нашлись желающие добавить. Чтоб не ходить несколько раз, Динка прошла в конец салона и предложила водку братве. Те отрицательно покачали головами.

Странные... Русские, а не пьют. И по виду уж никак не язвенники. Динка вспомнила, что они и вино не брали, но тогда она подумала, что сухое вино для них слишком слабенькое, явно потребуют коньячок...

— Может, коньяк? — предложила Дина.

Она захватила и водку, и коньяк, и виски, зная, что обычно стоит одному захотеть, как начинается цепная реакция.

— Ты о муже так заботься, зайка, — вроде ласково, но недобро сказал сосед бровастого. — А нас оставь в покое.

— А я не замужем, — зачем-то сообщила Динка.

— Бывает, — ухмыльнулся бровастый.

Дина вспыхнула. Хамы! Надели галстуки и думают, что свою бандитскую сущность замаскировали! Быдло! Даже стыдно, что такие летают за границу, а потом там судят по этим отморозкам обо всех русских.

Наконец покончили с аперитивами. Перед обедом Дина разнесла блюда спецзаказа (сегодня на борту оказалось трое диабетиков и малыш, итальянцы своим троим детишкам отдельное меню не заказывали). Потом настал черед рыбных блюд, их могли выбрать

те, кто не ел мяса. Динка появилась в салоне, двигая перед собой высокий контейнер с обедами. Валентин покосился на нее и сам взялся за поручень.

Дина наблюдала, как ловко он раздавал направо и налево пластиковые упаковки. Словно танцевал какой-то странный танец: наклон вправо — наклон влево — толчок — шаг...

Дина наконец-то допила свой кофе. Он уже успел остыть, пока она разносила выпивку и заказы. Интересно, обычно экипаж обедает до пассажиров или после? Хм... что-то у нее сегодня мысли постоянно вертятся вокруг командира...

Антон предпочитал обедать первым, раньше всех. Если стюардессы приносили ему поднос после того, как обслужили пассажиров, Антон не мог отделаться от брезгливого чувства, что ест остатки, чуть ли не объедки. В конце концов, кто здесь главный? Кто первое лицо? Он. Вот и пусть относятся к нему соответственно.

А Костя из вредности отказывался от раннего обеда. И назло Антону упрямо жевал позже всех, когда все уже было убрано. У Кости на этот счет позиция была сугубо принципиальной. Он считал, что главные на борту — пассажиры. Они платят за полет, у них и привилегии. А себя Костя относил к обслуживанию. Он не раз злил Антона, сравнивая профессию пилота с работой таксиста.

— Извозчик! — дурашливым голоском тоненько тянул он, подражая Утесову. — Я не извозчик. — А кто ты такой? — А я воздушный извозчик...

Антон это корбило. Он считал шутку глупой. А Костя нарочно начинал доказывать, что скоро авиация вытеснит автомобили и перед пенсией они будут бороздить воздушные просторы не по показаниям приборов, а под капризные повеления пассажиров:

— А теперь направо, шеф... А здесь вниз метров на триста... Круче вверх, там у нас воздушная яма... никак не починят, заразы.

Штурман Олег Петрович Васин, бортинженер Саша Смирнов и радист Игорь Игоревич Петраков в конфликт двух пилотов не вмешивались, но молчаливо разделяли точку зрения командира. Так что когда весь экипаж дружно двигал челюстями, Костя мужественно глотал слюнки.

Наташа забрала у Антона поднос с остатками трапезы и подала Косте его порцию. Он приподнял пластиковую крышку и разочарованно протянул:

— Курица? У нас же были порции с антрекотом.

— Увы, — развела руками Наташа. — Сегодня все почему-то просят мясо.

Антон ухмыльнулся про себя. Поделом. Нечего выпендриваться. Пассажиры у него главные, видишь ли! Вот и лопай что осталось. Молодец Наташка! Хотя так проучила этого выскочку.

Наташа летала с ними уже не первый год и прекрасно знала, что Костя терпеть не может кур. Он

как-то признался, что на всю жизнь наелся в молодости, на внутренних рейсах, аэрофлотовских порций, включающих в себя неприменный кусок жилистой плохо проваренной курицы.

Эти советские куры по виду напоминали синюшных дистрофиков с кожей в пупырышках, жесткое мясо с трудом отрывалось от костей и надолго застревало в зубах. Но дело в том, что Костя тогда был молодым, вечно голодным специалистом и потому с удовольствием доедал все оставшиеся на борту порции. Он даже в летную общагу брал с собой холодный паек. И вот результат: теперь при одном упоминании о курице у Кости сводило челюсти.

Но Наталья столько лет была подругой Антона, что уже привыкла считать его друзей и недругов своими и старалась, словно невзначай, досадить Косте, делая вид, что забыла, не учла, не уследила... Хоть и мелкая месть, зато Антону приятно...

Она быстро глянула на Антона и спрятала улыбку. Костя двумя пальцами аккуратно отодвинул куриное крылышко в сторону и принялся за рис.

Динка собрала пустые подносы и на всякий случай уточнила у пассажира с места 6Г:

— Вам больше ничего не нужно?

Он приоткрыл глаз и посмотрел на нее.

— Сейчас... Дай подумать... Пожалуй, чашечку кофе, а то в сон клонит.

— Минуту.

Динка чертыхнулась про себя. Она была бы совсем не против, если б капризный пассажир наконец заснул и не тревожил ее до конца полета. А ему взбодриться, видишь ли!

— Опять тот же? — сочувственно спросил Валентин.

— Совсем задергал, — пожаловалась Динка.

— Может, ты ему понравилась? — улыбнулся Валентин.

Дина пренебрежительно передернула плечами. Она и так должна всем нравиться, но вовсе не обязательно из-за этого гонять ее туда-сюда, как собачонку!

— Давай я отнесу, — предложил Валентин.

Динка вручила ему кофейник и чайничек с заваркой:

— Там на двенадцатом ряду китайцы просили чаю.

Фу, наконец можно немного расслабиться. Дина уселась и вытянула ноги. Но только прикрыла глаза, как из салона послышался возмущенный голос капризного парня:

— И это вы называете кофе? Да у вас совесть есть?

Держа в руках пластиковый стаканчик, он резко откинул шторку и шагнул к ней в закуток. Динка вскочила, приготовившись дать отповедь нахалу, но он вдруг стал очень серьезным и приложил палец к губам:

— Тише. Молчи... Возьми спрячь, быстро.

Он сунул ей в руки сверток размером с книгу и громко продолжил:

— Сами такую же бурду пьете?

Динка раскрыла рот и машинально взяла сверток. Также машинально она сунула его в пакет с зимними сапогами и поставила в нишу для одежды.

Парень кивнул и одними губами сказал:

— Ты за него жизнью отвечаешь. Ясно?

Динка кивнула, совершенно ничего не понимая.

— Как тебя зовут?

— Дина... — пролепетала она. — Лебедева...

— Я тебя найду.

Парень посмотрел на нее в упор. Взгляд у него был тяжелым, суровым и каким-то отчаянным. Динке стало не по себе, и она поежилась.

Валентин поспешил на шум, шагнул в закуток, быстро глянул на Динку, на парня и осторожно взял его под локоть:

— Покиньте служебное помещение. Вам сюда нельзя.

— Отцепись, шеф! Руки прочь! — скандальным пьяным голосом громко завопил он.

Парень буквально выпал в салон, хотя Динка видела, что Валентин его не толкал, и возмущенно загомонил там:

— Совсем обнаглели! Ворье! Экономят на нас, скоты!

— Что он хотел? — быстро спросил Валентин.

— Ты сам слышал, — пожала плечами Динка. — Говорит, кофе некрепкий.

Валентин опять пристально глянул на нее, потом повернулся и поспешил в салон — утихомиривать разбушевавшегося парня и успокаивать пассажиров.

Глава 2

Лайнер замедлил бег и остановился у пассажирского терминала. Рим встречал путешественников полетному ярким солнцем.

Пассажиры сразу оживились, загомонили, выглядывая в иллюминаторы. Дина прошла к выходу, дождалась, пока зажегся сигнал, показывающий полную стыковку лайнера с терминалом, и открыла дверь.

Китаяночка сменила свитер на яркую шелковую блузку и подкрасила губки, итальянские сорванцы умудрились ущипнуть Динку за обтянутую форменной юбкой попку, а их отец хоть и шлепнул старшего, но, похоже, остался доволен шуткой своих малышей. Наверное, он и сам был бы не прочь повторить их вольность, да опасался строгого нрава своей внушительных размеров супруги. Все пассажиры приветливо улыбались Динке на прощание, и она в ответ кивала и улыбалась.

Наши соотечественники покидали салон одними из первых, хотя и сидели дальше всех от двери, в семнадцати ряду. Первым вышел бровастый. Он задержался немного, словно замешкался, дождался, пока с ним поравняется нервный парень с места 6Г, и по-

ложил руку ему на плечо. Следом быстро шагнул его неприятный сосед, он подхватил парня под руку с другой стороны, а третий браток замкнул процессию. Напоследок он оглянулся на Динку. Ей стало не по себе.

— Счастливого пути, — пролепетала она, строя из себя полную дуру.

Нахмуренное лицо братка на секунду разгладилось. Он окинул Динку взглядом и процедил:

— Счастливо, куколка...

Дина смотрела им вслед. Все-таки странно... Они словно взяли парня в кольцо, ведут как под конвоем... Впрочем, может, они друзья? Но почему тогда весь полет не общались да и сидели порознь? Могли ведь попросить места рядом... да и пересесть можно было — салон полупустой...

Нет, все не то! Они следили за ним. А парень их боялся. И вот не сумел улизнуть. Интересно, что там, в этом свертке? Динка интуитивно чувствовала, что разгадка странного поведения ее пассажиров именно в нем...

— Что так смотришь? — ухмыльнулся Валентин. — Не веришь своему счастью? Или хочешь, чтоб он вернулся?

— Странно идут. Как под арестом, — тихо ответила Динка.

Валентин резко развернул ее и быстро сказал:

— Не наше дело. Запомни. Все, что за бортом, нас не касается.

...Вот те раз! Это что? Неужели настоящие? Не может быть...

Динка дрожащими пальцами перебирала купюры. Сколько здесь? Новенькие, хрустящие, серовато-зеленые, с портретом президента Франклина... Они были уложены в тонкие пачки. Десять по сто — тысяча долларов в каждой пачке, а пачек этих... Ой, мама! Сколько же? Сто? Выходит, у нее в руках целых сто тысяч баксов? Целое состояние...

Динке даже трудно было осознать громадность этой суммы. А уж перевести ее в рубли и вовсе невозможно.

Сто тысяч! Нет, не может быть. Разум отказывался верить в реальность происходящего. Динка крепко уцепилась за руку. Больно! Значит, это правда.

И главное, такая маленькая пачечка... а столько деньжищ!

Небольшую, потускневшую от времени дощечку с иконописным ликом Богородицы Динка сначала отложила в сторону. Иконка и пачка долларов были упакованы в фольгу и несколько раз завернуты в три целлофановых пакета. В свертке они казались обычной книгой. Пересчитав доллары, Динка опять завернула их в фольгу и взяла икону.

Лик Богородицы был темным, только по краям краски были заметно ярче, — видимо, там раньше был оклад. Дина вытянула руку с иконой и прищурилась, поводила ею вправо-влево...

Странно. Казалось, что Богородица отовсюду смотрит прямо на нее. Темные зрачки святого лика были

нарисованы ровно посередине светло-коричневой радужной оболочки, и от этого возникало странное ощущение, что Богородица наблюдает за каждым движением Динки.

— Ну что смотришь? — шепотом сказала ей Динка. — Я, что ли, тебя свистнула?

В том, что икона ворованная, она даже не сомневалась. Иначе зачем ее вынули из оклада, почему она, вместо того чтобы радовать верующих в храме, лежит тут, в туалете аэропорта города Рима.

Динка заперлась в аэропортовском служебном туалете, чтобы утолить свое любопытство. Ей не терпелось узнать, что там, в таинственном свертке... И вот узнала...

Наверное, эти громилы в крахмальных рубашках хотели отнять деньги у парня, вот он и нервничал... Теперь по крайней мере ясно, почему он так себя вел. А они его взяли на выходе в кружок... и... Пшик!

Динка хихикнула, представив, как вытянулись лица братков от такого облома. Они ведь не знают, что денежки уже тю-тю...

А парнишка-то оказался умнее! Скинул сверток — и чистенький. И никто не догадается, что баксы у Динки. Вот только...

Динка вздохнула и опять завернула икону вместе с долларами в фольгу и упаковала в целлофановые пакеты. Вот только жаль, что все это богатство ей не принадлежит. Она просто выполняет функции камеры хранения. Через пару дней странный парень отыщет ее и заберет свое.

О том, чтобы спрятаться и не отдать чужие баксы, у Динки даже мысли не возникло. А поэтому стало очень грустно. Вот ведь везет же кому-то... У кого-то целое состояние, а она с трудом дотягивает от зарплаты до аванса. И главное, парнишка ничем не примечательный, откуда у него такая сумма? И что он такой везучий? И почему не везет ей?

Глубокие философские вопросы круговорота жизни Динку, честно говоря, волновали мало. Что толку рассуждать о несправедливости Промысла Божьего, раз уж ей выпало родиться в этой стране, в это время, да еще в среднестатистической семье, где мама врач, а папа инженер.

Сколько она себя помнила, они всегда еле сводили концы с концами, ужинали жареной картошкой и пустым чаем, зато покупали книги и путешествовали дикарями. Духовное родители всегда ставили выше материального. И может быть, из чувства противоречия Динка всегда мечтала жить наоборот, не так, как они.

Ей хотелось, не думая о деньгах, покупать то, что нравится, не боясь остаться на месяц голодной, красиво одеваться, стричься у дорогих мастеров, ходить на массаж, в солярий и куда там еще.

И вот теперь вещественное, осязаемое воплощение ее мечты лежит у нее на коленях. Ну как тут не загрустить! Обидно... Судьба будто поманила, показала, подразнила... а теперь отнимет...

Самое смешное, что Динка даже не представляла, как может потратить сто тысяч. Купить квартиру? Но

у нее есть однокомнатная, доставшаяся от бабушки, так что можно не покупать, а обменять с доплатой. Сделать ремонт, обставить... Нет, сначала машину и шубу. Две шубы... и длинный кожаный плащ, как у Наташки. И сапоги, а то эти совсем старенькие... Да вот и все, пожалуй... Все мечты... Но это далеко не на сто тысяч, больше половины еще останется.

А ведь такой маленький сверточек мог осчастливить ее с избытком. Как мало ей, оказывается, нужно в жизни... Ведь все Динкины материальные запросы легко осуществить с помощью нескольких зеленых бумажек.

— Динка, ты здесь? Имей совесть! Нам сейчас питание принимать, — забарабанила в дверь Сашенька.

— Иду, иду.

Дина быстро спрятала сверток под свитер и открыла дверь.

В Риме стояло настоящее бабье лето. Теплый воздух, напоенный ароматами спелого винограда и теплого хлеба, приятно щекотал ноздри. Несмотря на то что был уже вечер, на улице все еще светило солнце.

Стюардессы уже успели прибрать салон и принять на борт воду и пластиковые подносы с ужином. Оставалось два часа на отдых перед вылетом. Пока лайнер заправлялся топливом на дальней стоянке, Динка не утерпела и выскочила на улицу. Хотя одним глазком взглянуть на Вечный город!

Сверток сунула во внутренний карман куртки. Ос-

тавить деньги в салоне самолета она не рискнула, но в теплом пуховике нараспашку теперь выглядела неплохо в толпе легко одетых прохожих. Мужчины здесь ходили просто в пиджаках, женщины в плащах или легких курточках. Не объяснять же каждому, что в Москве уже лежит снег...

— Не замерзнешь, дорогая? — раздался над ухом ехидный голосок.

Дина обернулась. Наташка держала под руку Антона и насмешливо смотрела на нее. Сама Наталья уже успела переодеться в симпатичный замшевый костюмчик, а Антон щеголял в форменном кителе с золотыми нашивками и в фуражке. Вместе они смотрелись прекрасной парой.

— Хочешь посмотреть город? — спросил Антон, приветливо улыбнувшись Динке.

— Да.

— Правильно, — кивнул он. — Вечный Рим — столица мира. Ты начни с Колизея, так сказать — с истоков. Сумеешь добраться самостоятельно?

— Попробую, — кивнула Динка.

Зря она английский зубрила, что ли? Сумеет объяснить.

— Смотри не опоздай, — строго напомнила Наташка. — Ждать тебя никто не будет. А времени в обрез.

— А хочешь, присоединяйся к нам, — вдруг предложил Антон. — Мы идем в собор Святого Петра.

Наташка метнула на него недовольный взгляд и скорчила кислую мину.

— С удовольствием, — ответила Динка.

...В соборе было душно и людно, пуховик пришлось снять, и Динка крепко сжимала его в руках, опасаясь, что сверток выпадет ненароком из внутреннего кармана. Антон удивленно косился на нее, но ничего не говорил. А Наташка не удержалась и отпустила шпильку: дескать, вцепилась в свою куртешку, словно у нее там миллион лежит... Знала бы она, глупая, насколько была близка к истине!

Жаль, что Динка не могла в полной мере насладиться величественными красотами знаменитого собора. Заботы о сохранности презренных денежных знаков не способствуют думам о высоком, а соседство обаятельного пилота отвлекает от помыслов о вечном.

Антон устроил девушкам что-то вроде экскурсии: он уже не первый раз был в Риме и знал все местные достопримечательности получше любого гида.

Знаменитая скульптура «Пьета» работы Леонардо да Винчи с распростертым на коленях у Девы Марии Христом, огромные фрески во всю стену, высоченные сводчатые купола, щедро украшенные золотой резьбой, — все впечатляло и поражало воображение. Они подошли к статуе святого Петра, и Антон сказал им, что если прикоснуться к правой ноге святого и загадать желание, то оно непременно сбудется.

Почерневший от времени святой Петр сидел в кресле, стоящем на высоком постаменте. Динка посмотрела на ногу святого и не удержалась от смеха. За несколько столетий от прикосновений множества людей камень истончился, и правая ступня теперь

была в два раза тоньше левой. Подошва сандалии совсем истерлась, а большой палец вообще превратился в крючковатый, острый отросток.

Какая-то женщина в черной косынке и длинном черном платье неодобрительно покосилась на Динку и что-то сказала на резком гортанном наречии. Люди подходили к статуе, быстро касались ноги, крестились по-католически и отходили. Ни шума, ни суеты, ни давки. Вообще, в огромном пространстве собора человек казался муравьем, маленьким и ничтожным.

Вслед за Антоном и Наташкой Дина тоже подошла к Петру и тронула отполированный веками уродливый большой палец. Но ничего путного из желаний в голову не лезло. Носились какие-то бессвязные обрывки мыслей, какая-то чепуха.

Динка перекрестилась и решила, что святой и сам не дурак и лучше ее знает, что Динке нужно.

Глава 3

Деньги и ценности принято хранить в сейфе. Все об этом знают, вот и Динка решила спрятать в него свое богатство. Правда, сейф этот представлял собой металлический ящик в одной из секций мебельной стенки. Он запирался на вертушку, и открыть его можно было, слегка подколупнув ногтем.

Вернувшись из рейса, Динка первым делом отыскала девочек, которые дежурили на регистрации в

день отлета. Хорошо, что среди них оказалась знакомая, Тамара, с которой Динка работала вместе еще на Внуковских авиалиниях.

Тамара без звука и без лишних расспросов отыскала списки пассажиров римского рейса. Мало ли зачем стюардессе понадобилось узнать данные клиента. Он мог оставить что-то в салоне или, наоборот, прихватить с собой... а мог просто понравиться...

Тамара решила, что причина именно в этом, едва глянула на год рождения пассажира с места 6Г.

— Кондаков Павел Миронович, — сообщила она Динке. — Двадцать девять лет. Вот только нет сведений, женат или холост... Ну там сама разберешься.

— Разберусь, — кивнула Динка и глуповато хихикнула.

Она спрятала бумажку с паспортными данными Павла Кондакова, еще немного поболтала с Тамарой о преимуществах работы в Шереметьеве.

Динка с трудом отыскала Юрку Никифорова, аэропортовского механика, брат которого работал в .ОВИРе компьютерщиком. Динка знала, что к нему многие обращались, когда нужно было срочно и дешево сделать знакомым загранпаспорт.

— Юрка, твой брат может по этим данным найти человека? — спросила она.

— Сейчас узнаю, — безразлично отозвался Юрка.

Он зашел в чей-то пустой кабинет и позвонил брату. Через несколько минут Динка уже знала и адрес, и телефон, и семейное положение Павла Мироновича

Кондакова, 1970 года рождения, обладателя заграничного паспорта указанных серии и номера. Великая вещь — компьютерная база данных!

Спрятав сверток в сейф, Динка приняла душ, съела яичницу и выпила кофе. Потом улеглась на тахту, укрылась пледом и взяла трубку радиотелефона. Дина набрала номер Кондакова.

Вряд ли он уже вернулся, ведь их рейс был единственным, а на обратном пути Павла в салоне не было. Динка даже в бизнес-класс заглядывала. Но теоретически он мог прилететь рейсом итальянской компании, с посадкой в Неаполе, который отправлялся на два часа раньше.

Динке не терпелось избавиться от опасного груза. Проклятые баксы просто жгли руки. Ну их на фиг, от греха подальше! Еще, не дай бог, что с ними случится, а Динке потом отвечать! Даже если этого Павла еще нет в Москве, пусть жена передаст ему, что стюардесса Дина Лебедева ждет не дождется, когда сможет вернуть кое-что...

Никто не брал трубку. И Динка сама не заметила, как заснула, уютно свернувшись калачиком. Устала за день. Он выдался таким неправдоподобно длинным. Даже не верится, что еще с утра она была в Москве, потом летала в Рим, получила этот дурацкий сверток, погуляла по Ватикану и опять вернулась на ту же тахту, с которой встала шестнадцать часов назад.

...Проснулась она, когда солнце уже вовсю заглядывало в комнату сквозь незадернутые шторы. Динка расслабленно потянулась под пледом, закурила, поставив пепельницу рядом с собой на тахту, и снова потянулась к трубке.

Несколько секунд слушала длинные гудки. Ну конечно, никого нет дома! Она уже собиралась нажать отбой, как на том конце провода наконец-то подняли трубку.

— Будьте любезны Павла, — как можно строже сказала Динка.

Она терпеть не могла общаться с женами: услышав женский голос, они обычно становились нервными и склочными.

— Его нет, — глухо ответила молодая женщина на другом конце провода.

— А когда он будет?

— Никогда.

В ухо ударили резкие гудки отбоя.

Вот хамка! Динка оторопела от неожиданности. Да как она смеет с ней так разговаривать?! Недолго думая, Дина вновь нажала повтор набора.

— Не бросайте трубочку, девушка, — с долей ехидства и презрения заявила она. — У меня есть кое-что, в чем Павел сильно нуждается...

— Он уже ни в чем не нуждается... — Женщина всхлипнула. — Простите, я не могу говорить...

— Нет уж, будьте любезны, — сварливо настаивала Динка. — У меня к нему важное дело.

— Паша погиб. В Риме... — каждое слово, видимо, давалось его женщине с усилием. — Мне позвонили из посольства. Его нашли на улице...

— Как — погиб? — обалдела Динка.

— Наверное, его убили... Я чувствую... Так что вы больше не звоните.

Динка вертела в руках трубку и пыталась осознать услышанное. Еще вчера этот странный Павел был жив. Днем он покинул борт ее самолета в сопровождении троих неприятных типов. Выходит, они его убили? Из-за этого свертка? Ну да, такие из-за денег на все готовы... Для них жизнь человеческая копейки не стоит.

От приятной расслабленности не осталось и следа. Динка вскочила и нервно заметалась по комнате. А если они узнают, что Павел отдал деньги ей? Ведь он мог сказать...

О боже! Уму непостижимо! Быть может, в то самое время, когда она гуляла по Ватикану, эти ублюдки издевались над человеком, а потом... Как они его убили? Застрелили, задушили? Нет, лучше не думать об этом, а то с ума можно сойти.

Если раньше Павел Кондаков с места 6Г был Динке неприятен, то сейчас она чувствовала чуть ли не родство с ним. Как говорится, теперь они повязаны... вот она и ощущает эту связь — стоимостью в старую икону и сто тысяч баксов... Уж куда прочнее!

Динка бросилась к стенке, вынула из сейфа сверток. Надо избавиться от него, иначе и ей конец... Его прежнему хозяину уже пришлось расстаться с жизнью.

Нет, нельзя... если Павел сказал им, кому отдал деньги, то ее непременно найдут. И тогда надо будет вернуть сверток им... Но Динка вовсе не была уверена, что после этого останется жива. Кому нужен лишний свидетель?

Ей хотелось завить от отчаяния и безысходности. Замкнутый круг. Странно подумать, что сутки назад она пересчитывала хрустящие гринны и млела от счастья... Нет, деньги, тем более чужие, счастья не приносят, от них лишь беды жди.

Стоп! Лучше всего вообще прикинуться шлангом. Ничего не знаю, никакого свертка и в глаза не видела. Никто никому ничего не давал! Где свидетели? Во-первых, остается шанс, что Павел не сказал про нее своим мучителям. Даже наверняка не сказал. Ведь он надеялся вырваться, выпутаться и вернуть свое состояние.

Динка села, закурила и попыталась рассуждать логично. Может, все не так уж скверно? Из любого безвыходного положения всегда найдется выход. И даже два. Значит, если исходить из того, что о ней неизвестно, то и волноваться не стоит. Надо лишь затаиться на время, переждать опасную ситуацию.

А если допустить худшее... Что ж, и из такой пакости можно выпутаться. Главное — стоять на своем. Пусть думают, что Павел соврал им, направил по ложному следу. У Динки неплохо получается строить из себя наивную дуручку. У нее и внешность подходящая. Ни одному самоуверенному самцу, который посмотрит в

ее небесно-голубые глазки, не придет в голову предположить, что в них есть и ум, и интеллект. А уж если они опустят взор ниже, на длинные стройные ножки, то об интеллекте и подавно забывают. Динка всегда с удовольствием пользовалась своим тайным оружием.

Одно плохо. Она, конечно, может убедить их в своей непричастности, но вопрос в другом: хватит ли у нее на это времени? Вернее, дадут ли ей его? У этих братков разговор короткий, а Динка очень боится боли... Впрочем, за сто тысяч можно и потерпеть...

Она даже подскочила от неожиданно пришедшей ей в голову мысли. Ради ста тысяч... Ну да! Ведь если все удастся, то они останутся у нее...

Господи! Святой Петр! Неужели он услышал ее сокровенное желание? Наверное, через сумбурную чепуху в мыслях пробилося потаенное: Динке ужасно хотелось оставить эти деньги себе...

Но радоваться рано. Прежде всего надо спрятать их получше. Вопрос: куда? Хлипкий сейф для братков не преграда. Дома вообще держать опасно. Надо положить деньги в такое место, чтобы и самой Динке было трудно до них добраться, иначе она не удержится и начнет понемногу тратить. И тогда засечь ее — раз плюнуть. В подавляющей массе прочитанных Динкой детективов герои засыпались именно на этом.

Она перебрала в уме всех знакомых. У родителей опасно. На даче тоже. Если начнут искать, то вычислят тут же. У подруг? Тоже опасно. Нет ни одной, в ком Динка была бы на сто процентов уверена. Каждая из

них, оставь ей сверточек на хранение, непременно сунет в него нос.

Динка судила по себе. Она же сунула... И как потом объяснять им, откуда у нее такая сумма? Да и начнут трепать языком, обсуждать и охать. Нельзя в таких делах доверять женщинам. Тогда уж лучше выйти на перекресток, разложить баксы веером и громко кричать: «Вот она я! Берите все!»

Остаются мужчины. В них у Динки недостатка не было. Но, как ни странно, среди ее многочисленных возлюбленных не было ни одного москвича. Вот такая любопытная закономерность: Динка влюблялась преимущественно в жителей тех городов, куда ее заносила «перелетная» судьба.

А что? Очень удобно. Куда ни прилетишь, везде встречают, радуются. Можно сходить в ресторан, можно переночевать в уюте, а не в летной гостинице.

Правда, на Яке они летали, что называется, с оборота, едва приземлятся, заправятся, и через пару часов обратно. Но если действовать с умом, то и эти два часа можно неплохо провести. И потом, старенький Як часто барахлил, рейс откладывали из-за ремонта, и Динка использовала образовавшуюся паузу на всю катушку.

В таких отношениях был задор, своеобразный кураж. Ей нравилось чувствовать себя не синицей в руках, а журавлем в небе.

К кому же обратиться? Сережа в Казани, Шура в Челябинске, в Анапе Алик, Вадик в Сочи, Артем в

Саратове. В принципе все они одинаковы, исходить надо из возможности устроить в их жилище тайник. Динка решила никого не посвящать в свою тайну. Незачем рисковать.

Шура сразу отпадает: он живет в малосемейке. Хотя и похоже на квартиру, а все одно общага, проходной двор. У Сережи отдельная однокомнатная, но обстановки в ней спартанский минимум, спрятать сверток там просто негде. Артем живет с мамой, и любопытная старушка может ненароком сунуть нос куда не надо или устроить некстати генеральную уборку. Остаются Алик и Вадик. Анапа и Сочи.

Динка быстро оделась и выскочила из дома. Куда будут билеты, туда она и полетит.

Рейс на Сочи был на три часа раньше, и она выбрала его. Да и, поразмыслив, Дина признала за Вадиком существенное преимущество: у него был свой дом на окраине Сочи. Дом, огород, садик, сарай — раздолье!

— Динка, ты?! — Вадик удивился и обрадовался, когда она заявила к нему. — А говорила, что на международку переходишь...

— Да подружка попросила подменить, — соврала Динка. — Вот и пришлось свои оттулы потратить.

— Ты надолго?

— Нет, — разочаровала она Вадика. — С оборота. Через три часа вылет.

— Ну, тогда не будем тратить время даром, — решил он.

Выбравшись из постели, Дина потребовала кофе и, пока Вадик хлопотал на кухне, выглянула в окно. Ее внимание привлек стоявший поодаль сарай. Рядом с ним была аккуратно сложенная поленища дров.

— А там у тебя что?

— Да тяпки, лопаты, велик старый. Барахло всякое, в общем, — подытожил он. — Все собираюсь его под баньку переоборудовать, да руки не доходят, — засмеялся Вадик.

— А дрова зачем? У тебя же газ.

— А пусть лежат! — беспечно махнул рукой Вадик. — Вот как сделаю баньку, так пригодятся на растопку.

Динка чмокнула его в щеку:

— Хозяйственный ты мужик! Пойду подышу.

Она накинула куртку и вышла на участок. Прошла для виду по огородику, подпрыгнув, сорвала с дерева терпкую спелую айву и надкусила вяжущую мякоть. Оглянулась на дом. Вадик смотрел на нее в окно. Динка раскинула руки, потянулась и глубоко вдохнула прозрачный осенний воздух.

— Морем пахнет! — крикнула она.

Дождавшись, пока Вадим отвлекся, она юркнула в сарай, огляделась и быстро спрятала сверток между выступом стены и полкой с пыльными стеклянными банками.

Можно не волноваться, Вадик сюда еще долго носа не сунет. Судя по пыли и паутине, в этот сарай он уже лет пять не заглядывал.

Динка вышла, отряхнула ладони и посмотрела на часы. Что-то совсем не хочется никуда спешить... Да и зачем ей срочно возвращаться в Москву? У нее два дня отгулов, только вчера вечером она была в Риме, да и темнеет уже... Она зевнула и поняла, что смертельно хочет спать.

Черт с ним, можно полететь и завтра. А сейчас лучше лечь в постельку и заняться там чем-нибудь приятным. За что она ценила Вадима, так это за пионерскую готовность и пылкий темперамент, а еще за то, что он никогда не лез к ней с задушевными разговорами. Прилетела Динка — рад и счастлив, нет ее — не докучает звонками. Конечно, можно было предположить, что на ее месте частенько оказываются другие, но стоит ли напрягаться? Пока Динку все устраивало.

Глава 4

Хмурая бортпроводница покрикивала на столпившихся на летном поле озябших пассажиров:

— По одному встаньте! А то не буду пускать! Ишь толкучку устроили!

В Адлере моросил нудный дождь, и стоять на открытом, продуваемом ветрами летном поле было, мягко говоря, неудобно. Обшарпанный Як-42 выглядел больным сиротой.

Динка усмехнулась ненавязчивости отечественного

сервиса. От здания аэропорта до самолета они дошли сами, никто и не подумал подать автобус. А теперь держат под дождем, заставляя строиться, как пионеров.

Бригада, с которой она прилетела, была незнакомая, но сегодняшнюю стюардессу Динка знала понаслышке. Кажется, ее звали Галей и она раньше работала с Зинаидой Андреевной, бывшей Динкиной напарницей.

Вот уж, наверное, парочка была! Динка живо представила: старая, неповоротливая гримза Зинаида и эта угрюмая Галя.

Динка встала в конец очереди и надвинула на лицо капюшон, чтоб не привлекать к себе лишнего внимания.

Галине самой надоело мерзнуть, она подула на озябшие руки и взяла билет у стоявшей первой женщины. Очередь понемногу начала двигаться, просачиваясь в салон самолета.

Динка была рада, что место ей попало у окна. Она села, откинула спинку кресла и закрыла глаза. Мужчина впереди тоже откинул спинку, и сразу стало так тесно, что не повернуться.

Как Динка ненавидела эти убогие самолетики! Во всех уважающих себя странах уже давным-давно заботятся об удобстве пассажиров, и только у нас небесные просторы еще бороздят эти бронтозавры. Нет спору, они экономичны и надежны, но в креслах не шелохнуться. А запах! Ее просто тошнило от этого

специфического запаха пыльных чехлов, плохо промытых туалетов и какой-то смазки.

Долгих пять лет Динка вкалывала на этих Яках. Как только выдержала! Теперь даже вспомнить страшно. Но ей так хотелось летать на международных линиях, что ради этого она готова была вытерпеть что угодно. И она терпела. Таскала подносы с водой, катала тележки с бутербродами, больно ударяясь ногами о подлокотники кресел, зажимая нос, мыла туалеты, раздавала пассажирам «тошниловки» — плотные пакеты противного болотного цвета.

Никакой романтики в профессии с красивым иноземным названием «стюардесса» Динка не находила. Не то официантка, не то уборщица... в общем, та же проводница, только воздушная. Утомительные рейсы, взлеты, посадки, нелетная погода, воздушные ямы, когда сердце обрывается и летит вниз, опережая желудок... Бр-р...

Родители были в шоке, когда Диночка объявила им, что учиться ей осточертело и теперь она будет работать. В их представлении без высшего образования в жизни нельзя было ничего достичь. А тут — стюардесса!

Папа заявил, что дочка заболела «дешевой романтикой» и не надо ей препятствовать: сама поймет, что почем. Он был уверен, что через месяц Динка оставит эту затею. Мама же стояла насмерть, умоляя дочку не

терять времени зря и все-таки попытаться сдать экзамены в институт.

— Я буду учиться на курсах, — сказала Динка. — Разве свет клином сошелся на высшем образовании?! И вообще, я все продумала. В жизни надо тратить время только на то, что тебе интересно.

Ах, как она была не права! Разве она могла тогда предположить, на что у нее уйдет целых пять лет?!

На курсах бортпроводников в аэропорту Внуково учили всего месяц. Но и его Динке оказалось достаточно за глаза! С общежитием было туго, и ей приходилось каждое утро полтора часа тратить на дорогу до аэропорта, толкаясь в маршрутке рядом со своими будущими пассажирами.

Тесные «газели» были забиты вещами, люди спотыкались в проходах, ругались, и до места учебы Динка добиралась невыспавшейся и с головной болью.

После учебы ее распределили во Внуковский авиаотряд, а вовсе не в Шереметьево, куда она так мечтала попасть. И Динка узнала, что неправильно выбрала курсы, потому что для международных линий стюардесс готовят в Шереметьеве, и не месяц, а полгода. Да к тому же на кафедре специальной языковой подготовки необходимо сдать профессионально ориентированный курс английского. Вот тут-то и оказалась зарыта собака!

Проклятый английский никак не давался Динке. Да и языковые курсы она посещала урывками — слишком уставала после перелетов. Да еще надо было

отработать на подготовке и уборке, а это время засчитывалось только за половину летного.

Мечта о суперлайнерах и заграничных рейсах становилась все призрачнее. Серые будни в коллективе, который ей совсем не нравился, выматывали душу.

Первый пилот дядя Коля давно мечтал о пенсии. Каждый раз, поднимая машину в небо, он словно выполнял тяжкий труд. Белки глаз у него были постоянно красными, и сами глаза слезились. Динка даже думала, что он наверняка плохо видит, но умудряется пока обманывать медкомиссию.

Штурман Василий Ильич был тихим пьяницей. На борт он всегда поднимался трезвым, но с изрядного бодуна. Руки у него дрожали, а из воротника форменной рубашки высывалась тонкая морщинистая шея. Динка всегда торопилась отвернуться, испытывая к нему смешанное чувство жалости и стыда.

Динкина напарница Зинаида Андреевна всегда норовила поручить ей работу погрязнее и потяжелее. Она сразу невзлюбила Динку, презрительно звала «принцессой» и зло бурчала, готовя бутерброды для разноски:

— В белую косточку хочешь выбиться? По Америкам летать? А пойдик-ка помой сортир, голубушка. Небось ручки не испортишь!

Третья стюардесса, тихая Оля, никогда не встревала в их разборки. Динка ее голоса вообще не слышала. Ольга шуршала по борту, как мышка. Была она невзрачной, неприметной, возраста неопределенного.

Динка однажды с удивлением узнала, что у Ольги двое взрослых детей и муж-красавец, авиамеханик.

Ольга смотрела всегда как будто сквозь Динку, словно та была пустым местом. Она не хамила, не дерзила, но это молчаливое игнорирование было для Динки еще обиднее Зинаидиных воплей.

Ну что она им сделала? За что они так? За то, что красивая, высокая, с длинными ногами? За то, что учит язык и мечтает о загранице? Разве мечтать запрещено? И кто виноват, что они сами застряли на вонючих Яках? Разве Динка им мешала?

Ее откровенно выживали, но не на ту напали! Упрямыства ей было не занимать. Она из принципа не просилась в другой экипаж, а, сжав зубы, терпела. Не навсегда же это, не на всю жизнь. И эти убогие тетки, и родители — все хотят, чтоб она бросила авиацию. Ну так не дождутся!

Но больше всего ее удручало то, что в их экипаже не было нормальных мужиков. Зинаиде и Ольге было наплевать, с кем работать, а вот Динка без мужского внимания чахла. Ей просто физически было необходимо кокетничать, строить глазки, держать себя «в тонусе».

Может быть, это и стало подспудной причиной того, что Динка пустилась во все тяжкие, заводя любовников чуть ли не в каждом городе. Назло Зинке с Ольгой, назло судьбе.

Как они бесились, когда Динка, едва приземлившись, исчезала до самого отлета! А как она радовалась,

нежась в объятиях очередного возлюбленного, что эти старые кошелки сейчас маются в тесной комнате отдыха экипажей, в которой порой из-за сбоев в расписании сесть было негде, не то что отдохнуть по-человечески. А уж если из-за непогоды приходилось оставаться на ночь, то Динка гордо сообщала, что напарницы могут располагать ее местом в летной гостинице. Там вечно кишели тараканы, белье было серым и влажным, а в южных аэропортах зачастую не было воды.

И тогда сияющая Динка появлялась перед напарницами, выпавшаяся, умытая, с чистыми волосами. И уже никакие нападки и придирки не могли потом испортить ей этого кайфа — ведь надо было видеть их помятые рожи и злые глаза! Динке так нравилось выводить их из себя, что потом можно было и расплатиться за это удовольствие.

Галина пронесла по салону пластиковые стаканчики с водой. Динка скосила глаза — так и есть: на плохо промытом пластике серые разводы, а водички просто на донышке. Зато экипаж экономит за рейс пару бутылок газировки.

Противно! Что за мелочность?! Ее бесило это стремление обязательно хоть немножко да украсть. Пусть чепуху, бутылку лимонада, горсть конфет или банку икры. Особенно раздражало то, что одноразовую посуду норовили использовать несколько раз, а выдан-

ные упаковки со стаканчиками растаскивали по домам для дачных пикников.

Динка отвернулась к окну и закрыла глаза. Вспомнилось, как обидно было возвращаться в свою бригаду после очередных заваленных экзаменов.

Трижды пересдавала проклятый английский. Динке казалось, что она уже все вызубрила, так нет — обязательно какой-нибудь экзаменатор с ехидной улыбочкой норовил под занавес задать каверзный вопросик. Причем так заворачивал фразу, что Динка вообще не понимала, о чем речь.

На видном месте, рядом с аудиторией висели хвастливые статистические сведения, где сообщалось, что за десять лет славная Кафедра специальной языковой подготовки для экипажей международных линий, инженерно-технического состава в международных аэропортах и бортпроводников выпустила 600 членов экипажей, 300 бортинженеров и 400 представителей Аэрофлота за рубежом.

И Динка, читая эти цифры, чувствовала себя единственной тупицей из всего числа выпускников. Тысяча триста курсантов благополучно сдали экзамены, и только она, тысяча триста первая, все время проваливается!

Сколько она выплакала слез от злости и обиды! Казалось, еще чуть-чуть — и заветная корочка и перевод на заграничьи в кармане. Но непременно что-то мешало.

Незаметно для себя Динка задремала. А когда от-

крыла глаза и глянула в иллюминатор, то удивилась, увидев совсем низко под крылом самолета темно-серое, свинцовое море. Она посмотрела на часы. Что за черт! Чепуха какая-то. По расписанию через пятьдесят минут они должны приземлиться во Внукове. Неужели развернули обратно?

Рядом в салоне волновались пассажиры. Они прильнули к иллюминаторам и возмущенно спрашивали друг у друга:

— Мы что, обратно в Адлер?

— Нет, это Анапа! Точно! Я узнала...

— Какая Анапа? Это Новороссийск.

— Да вы что? В Новороссийске горы! И потом, там аэродром маленький, он только местные линии обслуживает.

— Не говорите чепухи, еще пять лет назад там такие же Яки садились.

— Господи! Почему Анапа?!

— Говорят, Москва не принимает...

Хмурая Галина прошла по салону и, ничего не объясняя, ткнула в каждый ряд кресел поднос со «Взлетными» карамельками.

— Мы что, возвращаемся? — спросила ее Динка.

Стюардесса даже не удостоила ее взглядом.

Пассажиры взволновались еще больше. Выдвигали версии одна фантастичнее другой. И о том, что в Москве переворот, и об урагане невиданной силы, и о воздушных террористах на борту, и о возможной бомбе...

Внизу показалась кромка берега, самолет накренился, разворачиваясь на посадку, стали видны верхушки пирамидальных тополей с облетевшей листвой. Вдали, у линии горизонта, просматривались силуэты кораблей и портовые сооружения.

Динка прислушалась к шуму двигателей. Привычный натужный гул сменился едва заметным всхлипыванием, словно сердце работало с перебоями, замирая на долю секунды, а потом словно спохватываясь и наверстывая упущенное.

Самолет плавно снижался, быстро приближалась земля, покрытая клочками пожухлой травы, потом понеслась навстречу посадочная полоса.

Динка напряженно замерла в кресле, не в силах оторвать глаз от вращающегося в нескольких метрах от ее иллюминатора винта. Ей почему-то казалось, что сейчас он разломится на несколько частей и задрожит, а вместе с ним самолет завалится набок, нелепо перекувырнется в воздухе и рухнет прямо на мокрый бетон, потому что времени для маневра у летчиков уже не остается...

Странно, но она никогда не боялась воздушной катастрофы, пока сама была членом экипажа. Тогда полет воспринимался Динкой как обычная будничная работа, а разве в работе могут быть опасности? Никогда она не вслушивалась в шум мотора, слепо веря тому, что с ней абсолютно ничего не может случиться.

Даже если дядя Коля обнаруживал какие-то неполадки, то сообщал о них таким сонным, безразличным

голосом, словно речь шла о перегоревшей лампочке на кухне. Даже когда однажды они попали в грозу и самолет начало нещадно болтать, Динка была больше озабочена тем, чтоб не опозориться и удержать внутри съеденный обед, чем возможностью кувырнуться с небес без парашюта.

Теперь она вдруг почувствовала обычный страх и свою зависимость от действий абсолютно чужих и уже заранее неприятных ей людей.

Ну что это такое? Неужели трудно сообщить пассажирам, что происходит? Это ведь прямая обязанность стюардессы — успокоить людей. А она сует им конфетки.

Самолет резко тряхнуло от соприкосновения шасси с землей, и он покатился по бетонке, постепенно замедляя бег.

Динка облегченно вздохнула. А Галина наконец-то соизволила взять в руки микрофон.

— Внимание, — гнусавым голосом сказала она. — Наш самолет произвел посадку в аэропорту города Жданова. Ой, простите, Мариуполя...

— Мариуполя?! — хором выдохнули пассажиры. — Это ведь Украина! Как же так? А когда в Москву? Что случилось?

— После полной остановки двигателей я прошу всех покинуть самолет и проследовать в здание аэровокзала, — невозмутимо продолжила Галина. — О времени отправления нашего рейса будет объявлено дополнительно.

Вместе с толпой чертыхающихся, обозленных товарищей по несчастью Динка выбралась наружу. Ей еще повезло, она летела налегке, а остальным велели забрать из грузового отсека свои вещи. По этой детали Динка поняла, что самолет вряд ли отправится дальше.

Таможенники в украинской форме попытались было заставить прибывших заполнить декларации, но те подняли такой крик, что проще оказалось отодвинуть заслон и пропустить всю толпу без досмотра.

Найти хоть какую-то информацию в аэропорту было также проблематично. У справочного бюро и у кабинета начальника аэровокзала толпились и шумели возмущенные пассажиры. В одном месте их убеждали, что через час будет объявлена посадка, в другом обещали матерей с детьми разместить на ночь в гостинице. Люди метались от одного начальника к другому и не могли понять, что происходит.

Динка не теряя времени подошла к кассе. Как оказалось, очень кстати, потому что девушка-кассир тщательно пыталась докричаться до страждущих улететь, что на ближайший московский рейс есть несколько мест.

Динка быстро перерегистрировала билет, доплатила разницу и поспешила на посадку. Как осточертел этот родной привычный бардак! Особенно тронула сердце непередаваемая «чуткость» начальника смены, который в ответ на жалобы заорал:

— Куда лететь? Какая Москва?! Да вы скажите спасибо, что живы остались! У вас ведь мотор... накрылся!

Глава 5

Ничего не понимая, она замерла на пороге. Может, не туда попала? Перепутала дверь? Но ведь ключ подошел...

Минутное оцепенение объяснялось просто: вся Динкина квартира была перевернута вверх дном. Книги из шкафа валялись на полу, постельные принадлежности и белье тоже, даже из нижнего ящика тахты выброшены одеяла и подушки. На кухне вообще творилось что-то невообразимое. Кастрюли, банки, крупа, сахар — все вперемешку, даже ступить некуда.

Мелькнула мысль, что в квартире побывали воры. Но телевизор с видиком на месте, магнитофон тоже, новая дубленка валяется поверх груды вещей на полу.

Господи, что здесь произошло? Динке стало жутко, даже ноги задрожали. Почему-то показалось, что сейчас под кипой вещей она наткнется на чей-нибудь труп.

Металлические дверцы сейфа были распахнуты, но документы аккуратной стопочкой лежали на месте. И еще что-то диссонансом выбивалось из общей картины разорения. Но что?

Динка обратила внимание, что для журнального столика посреди комнаты словно расчищено место. А на его полированной поверхности лежат ее золотая цепочка, пара колечек и двести долларов, которые она копила на отпуск.

Странные воры обнаружили ее нехитрые сокрови-

ща, но почему-то, вместо того чтобы забрать, выставили напоказ. На, мол, смотри, мы все нашли, но нам это не нужно. Оставь свою мелочишку при себе...

Динка похолодела... Ну да, они искали крупную сумму... Она даже знала какую. И могла догадаться, кто побывал в ее квартире.

Итак, на нее вышли... Теперь узнать бы, Павел им сказал или же они сами шерстят все мало-мальски возможные варианты?

Суровые ребята. И времени зря не теряли. Какое счастье, что ее не было дома! Как вовремя она увезла треклятый сверток!

Динке стало жутко при мысли о том, что к ней могут вломиться в любую минуту, открыть замок, войти... А если бы она оказалась дома? Что тогда? Ее убили бы? Или пытали? Ой, да она сама бы все сразу отдала с перепугу...

Теперь ей хотелось поскорее убежать из дома без оглядки куда угодно, спрятаться, чтоб никто не нашел. Но куда она могла деться? На оставшиеся двести долларов далеко не убежишь. И где гарантия, что ее не найдут?

Трясаясь от страха, Динка заставила себя подойти к телефону и набрала номер родителей.

— Диночка, где ты была? Мы так волновались! — сразу закричала в трубку мама. — У тебя все в порядке?

— Все хорошо, — торопливо заверила Динка. — Я была в гостях. А что случилось?

Родители привыкли к тому, что она постоянно в

отъезде, и ни разу раньше не проявляли пустого беспокойства. Для того чтобы они так паниковали, должно было произойти что-то из ряда вон выходящее.

— Мы вернулись с дачи, а у нас все вверх дном! — всхлипнула мама. — Ты бы видела это! Ужас!

Динка прекрасно могла представить, что случилось, для этого достаточно было посмотреть по сторонам. Но она придала голосу изумление:

— Вас обокрали?!

— Да нет... — Мама замешкалась. — Кажется, нет... По крайней мере, деньги на месте... Но все книги! Диночка! Это какие-то варвары! Все потоптано, корешки оторваны!

Динка сморщилась, как от боли. У родителей всю стену в большой комнате занимали книжные стеллажи. Библиотека была тщательно подобрана, они экономили деньги и покупали не абы что, а только любимое и дорогое сердцу. Маму мог хватить инфаркт при виде одного только сального пятна на обложке книги. Можно представить, что она пережила, обнаружив такой погром.

— И еще у нас украли икону, — сообщила мама. — Бабушкину. И у кого рука поднялась? Это же грех — иконы красть!

— Какую икону? — обомлела Динка.

— Владимирскую Божью Матерь. Маленькая такая, без оклада. Да она и ценности никакой не представляет, я хранила как память...

Динка невесело усмехнулась. Мама всегда была ате-

исткой, и бабушкина икона, вместо того чтобы стоять в красном углу, хранилась в ящичке мебельной стенки вместе с парадными посеребренными ложками.

Теперь у Динки исчезли последние сомнения в том, что было нужно странным ворами.

— Ты приезжай побыстрее, поможешь с уборкой! — В голосе мамы уже зазвучали деятельные, нетерпеливые нотки. — Мне одной здесь два дня разгребать!

— Мамуль, не могу, — решительно перебила ее Динка. — Я заскочила переодеться. У меня сейчас рейс.

— Какая жалость! А когда обратно?

— Пока не знаю, — соврала Динка. — Вы, главное, не волнуйтесь. Ну, я вас целую...

Она положила трубку, схватила со столика милостиво оставленные ей деньги и золото, сунула в карман и выскочила на площадку. Захлопнула дверь и огляделась. Почему-то даже в собственном подъезде было страшно.

Снизу слышались шаги и чьи-то голоса. Динка замерла и затаила дыхание. Шаги стихли, потом хлопнула дверь этажом ниже.

Фу, черт! Так недолго стать неврастеничкой. Еще не хватало! Динка потряхнула головой и демонстративно громко застучала каблуками по лестнице.

Пусть знают, что она их не боится! Потому что ей некого бояться! Она понятия не имеет, что у нее искикали! И если эти типы решат за ней проследить, пусть видят, что она не прячется, не скрывается, потому что совесть у нее чиста.

...— Динка, ты слышала?! — Тамара округлила глаза и перешла на свистящий шепот. — Это какой-то ужас!

Она почему-то сидела на полу перед расстеленным куском ватмана и приклеивала к нему крупную фотографию Валентина.

Валентин на ней был гораздо моложе. Он улыбался, шурился, откинув назад голову. Воротник форменной рубашки расстегнут, а китель переброшен через плечо.

— У Вальки что, юбилей? — поинтересовалась Дина. — Скидываться будем?

Тамара с ужасом посмотрела на нее:

— Какой юбилей! Убили Вальку...

Она принялась обводить фотографию жирной черной каймой.

Ноги у Динки вдруг стали ватными. Она опустилась на свободный стул и молча уставилась на фотографию.

Тамара закончила траурную рамку и вывела под фото две даты: рождения и смерти.

— Когда? — сумела наконец выдавить Динка.

— Мы вчера узнали, — вздохнула Тамара. — Здесь менты всех шерстили. Говорят, Валька у них на крючке был. Его давно пасли.

— Погоди. Кто пас?

— Ну, руоповцы, — пояснила Тамара. — Он же контрабандой подрабатывал. — Она посмотрела на удивленное лицо Динки и хихикнула: — Ты что, девочка, не в курсе? Так многие делают. Надо только клиентуру заиметь. Берешь у них в аэропорту валюту

и проносишь через служебный вход мимо таможни. А на борту отдаешь обратно.

— Зачем? — тупо спросила Динка.

— Чтоб без декларации. — Тамара посмотрела на нее как на дурочку.

— А за границей они как же?

Тамара фыркнула:

— Так это вывоз ограничен. Аввозить можно сколько влезет. Там только рады будут. — Она помрачнела. — Вот Валька и зарвался последнее время. Кто-то из клиентов его и... того...

Дина кивнула. Она тоже боялась именно этого. Теперь понятно, почему Валька не хотел светиться рядом с Павлом, а посылал Динку выполнять его капризы.

Но ведь кто-то все равно узнал, что он посредник...

Динка почувствовала, как по коже пробежали мурашки... Господи! Эти типы не нашли у Павла денег и решили, что их присвоил Валька... Выходит, они понимали, как действует схема передачи валюты, и знали, кто этим промышляет.

— Я пойду подышу, — проямлила Динка. — Мне что-то нехорошо...

Она с ужасом поняла, что тоже виновна в этой смерти. Ведь если бы Павел Кондаков с места 6Г не отдал ей деньги, то Валентин был бы сейчас жив.

Но она же не знала... Она не подозревала, что Валька как-то причастен к этому. Да он на этого Павла и внимания не обращал. Отводил от себя подозрения... Да если бы можно было все переиграть и воскресить

Вальку, то она тотчас же вернула бы браткам треклятый сверток!

Динка куталась в пуховик, но все равно мерзла. Озноб шел изнутри, и Динка чувствовала, что губы дрожат, дрожат щеки, даже руки подрагивают, как у алкоголика.

Это из-за нее погиб человек. Из-за ее жадности. Оттого, что ей баксы глаза застили, захотелось их прикарманить втихаря...

«Нет, — тут же отгоняла от себя эту мысль Динка. — Нет! Этот нервный Павел попросил меня сохранить что-то... Я ведь не знала что. Я могла и не глянуть даже... И он ни слова не сказал о Вальке. Павел не думал, что его убьют. И Валентин не думал... Он вообще не знал, что его операция по перекачке валюты дала сбой. Он был уверен, что все нормально. И я не обязана была искать этого Кондакова. И не знала бы, что он умер. И не связала бы это с убийством Валентина. Валька сам виноват, он ведь не предупредил меня...»

Но как ни пыталась Динка заглушить голос совести, проклятая мысль опять возвращалась: «Это из-за меня его убили... Из-за того, что я взяла эти деньги...»

Валентина нашли накануне в его же квартире. Лицо и тело его были обезображены следами пыток, и потому хоронить решили в закрытом гробу.

В аэропорту только об этом и говорили. Валькина

смерть стала поводом для множества домыслов и предположений. Но все в принципе сходились в одном: Валентин кого-то кинул, а клиент решил разобраться.

Полдня прошло в какой-то сумбурной лихорадке. Собирали деньги на венок, обсуждали, кто займется похоронами. Динку хотели было отрядить помогать матери Валентина, но она сумела отбрыкаться. Оказаться так близко от убитых горем людей, прикосаться к вещам Валентина было выше ее сил.

Из обрывков разговоров она поняла, что убийство произошло примерно в то время, когда она брала билет на Сочи. Скорее всего, Валька вернулся из рейса, зашел в магазин... (В прихожей нашли неразобранный пакет с продуктами.) Почему-то этот пакет врезался Динке в память. Сыр, молоко и сосиски... Валентин собирался пообедать, но на кухне его ждали.

На кухне его и нашли. Соседи заметили, что дверь приоткрыта...

— У него что-то искали? — спросила Динка.

— Да, говорят, там все вверх дном...

Про попытки Динка слушать не могла. Поспешила отойти. Наверное, после Вальки убийцы поехали к ней. Интересно, а окажись она дома... Фу! Жуть!

К вечеру появился Антон. И как-то сразу образовалась компания: несколько незнакомых Динке летчиков, он, Наташка и аэропортовский механик Юрка Никифоров. Они отправились в ресторан, и как-то само собой получилось, что Динка пошла с ними.

Она не слишком хорошо понимала, что происходит

вокруг, голова была словно в тумане. Внутри все сковал животный страх. Уже два человека заплатились жизнью за попавший к ней в руки сверток. И следующей может быть она...

Антон разлил по стопкам водку. Чокаться не стали.

— Допрыгался, мать его! — тихо сказал Антон. — Я же предупреждал!

Наташка зыркнула на Динку и тронула его за руку.

— А, ладно! — отмахнулся он. — Все в курсе. Нет, ну ты скажи, что за жадность? Все ему мало было, все мало...

— Думаешь, кинул? — спросил Юрка.

— Как пить дать.

— И на сколько?

Динка заметила, что Антон побледнел.

— Если бы знать, — буркнул он. — Уж, наверное, не на сто баксов.

— Да уж...

Они выпили еще.

— С тобой следовательно беседовал? — вдруг спросил у Динки Антон.

— Нет еще.

— Смотри, лишнего не болтай, — предупредил он.

Динка сделала глупое лицо:

— О чем? Я ничего не знаю...

— Вот именно, — кивнул Антон. — И не знай. Меньше знаешь, крепче спишь.

На закуску официантка принесла им тарталетки и мясное ассорти, но Динке кусок в горло не лез. Водка

неожиданно резко ударила в голову: сказалась бессонная ночь, проведенная с Вадиком, и утомительный перелет с незапланированной посадкой. Да и остаток дня добавил впечатлений.

Дина смертельно устала. Сейчас бы забраться в теплую ванну, а потом растянуться на мягкой постельке... Все тело ноет. Шутка ли — двое суток летать без передышки. Но возвращаться в разоренную квартиру было страшно. Ведь Валентина убили дома... и ее адрес уже известен, и родительский...

Она выпила еще рюмку и почувствовала, что глаза слипаются. Надо найти какой-нибудь закуток и подремать там. Все же в аэропорту безопаснее, здесь люди...

Антон заметил, что Динка поднялась, и тоже встал:

— Тебе плохо?

— Очень, — кивнула она.

— Может, помочь?

Наташка злобно прищурилась и попыталась остановить Антона, но он отмахнулся:

— Отстань! Не видишь, девчонка не в себе...

Он крепко поддерживал Динку под локоть, пока вел к выходу, а за дверью ресторана вдруг прижал к себе и шепнул:

— Поехали к тебе. Ко мне может Наташка явиться.

— Нет, — отпрянула от него Динка. — Ко мне нельзя!

— Мама дома? — усмехнулся Антон. — Тогда есть идея получше...

Он подошел к стоянке такси, усадил Динку и сел рядом, по-хозяйски обняв ее за плечи.

— Шереметьево-1, — велел он таксисту. — К летной гостинице.

В номере стояла стандартная кровать, шкаф и тумбочка. Антон задернул шторы и повернулся к Динке:

— Что стоишь? Раздевайся.

— Зачем мы сюда приехали, Антон Васильевич?

— Просто Антон, — велел он. — Я что, такой старый?

— Нет... — Динка расстегнула пуховик и села на край кровати. — У меня голова кружится.

— Сейчас еще больше закружится, — пообещал Антон. Он сел рядом с Динкой, запрокинул ей голову и крепко поцеловал.

От выпитой натошак водки, а может, от усталости у Динки действительно все поплыло перед глазами. Показалось, что она куда-то улетает, но не на самолете, а как птица... Дыхание сбилось, сознание померкло. Осталось только сладкое ощущение, что она тает, медленно растворяется, что ее выпивают до дна...

Губы у Антона были твердыми и горячими, язык уверенно разжал Динкины зубы и скользнул внутрь. Она застонала и ответила на его поцелуй.

— О! — оценил он, оторвавшись от ее губ. — Сладкая девочка. Я сразу понял, что мы споемся...

— А как же Наташа?

— А никак, — усмехнулся он. — Какая Наташа? Ее здесь нет.

Он ловко освобождал Динку от одежды, попутно раздевался сам и разбирал постель, и все так споровисто, что она опомнилась, только когда он уже прижался к ней обнаженным телом.

— Ну давай, малышка, расслабься... — шепнул Антон. — Ты ведь этого хочешь. Я же видел, как ты на меня смотрела...

На секунду Динка пришла в себя и ужаснулась тому, что делает. Но тут же прогнала сомнения. В конце концов, она свободна, Антон тоже, и он ей нравится. А все остальное — условности и чепуха. Пустая мораль. Если два человека тянутся друг к другу, то какая разница, раньше они лягут в постель или позже?

Сутки назад она так же обнимала Вадика... Ну и что? А Антон ночевал с Наташкой. Просто тогда они еще не подозревали, как ладно подходят их тела друг к другу, как тонко они чувствуют ритм, как понимают все без слов...

И прежде чем достичь высшего пика блаженства, Динка вдруг подумала, что, может быть, испытывает это в последний раз...

Глава 6

— Лебедева Диана Филипповна?

— Да, — скромно кивнула Динка.

Она сидела перед следователем на самом краешке стула, сложив на коленях руки.

— Расскажите подробно, как проходил ваш последний полет. Может, вы заметили что-то необычное?

— Нет... Абсолютно ничего.

Следователь был невысокого роста с уже заметно намечающейся лысиной. Маленькие глазки словно буравили Динку. Казалось, он заранее подозревает ее во всех смертных грехах.

— Не может быть! — Он даже как будто обрадовался, словно поймал ее на лжи. — Ведь это был ваш первый рейс в новой бригаде?

— Ну?

— Значит, все впечатления должны быть особенно яркими.

Он выжидающе уставился на Динку. Психолог хренов!

— Вы совершенно правы, — кивнула она. — Я очень волновалась. И поэтому почти ничего не помню.

— А пассажиры? — нетерпеливо спросил он. — Кто вам запомнился? Ведь вы были напарницей погибшего. Он к кому-то подходил? Разговаривал? Может, ссора была?

Динка медленно покачала головой.

— Может, кто вел себя необычно?

Она пожала плечами. Следователь начинал раздражаться, подозревая в Динке непроходимую тупость.

— Диана Филипповна, я прошу вас сосредоточиться и вспомнить. Ведь погиб ваш товарищ.

— Я понимаю, — уныло кивнула Динка и всхлинула. — Но я абсолютно ничего не заметила. Вы только

не злитесь. Если хотите, я вспомню. Только скажите, что надо...

— Ничего! — Следователь раскрыл лежавшую перед ним папку и протянул Динке елисок пассажиров экономкласса. — Вот взгляните, здесь указаны места, выданные при регистрации. Может, это вам поможет?

В глаза сразу бросилась фамилия Кондаков и место 6Г. Динка быстро проглядела список. Последними, словно в насмешку, были вписаны три говорящие фамилии: Иванов, Петров и Сидоров.

Интересно, они совсем идиоты или у братков есть чувство юмора?

— Ну? — нетерпеливо спросил следователь.

— Вот... эти, кажется... — Динка ткнула пальцем в конец списка. — Где-то я их слышала... Или фильм такой есть? — Она подняла на следователя глаза и наивно похлопала ими. — Вы не помните?

— Что? — не понял он. — Какой фильм?

— Ну точно! — воскликнула Динка и позволила себе лучезарно улыбнуться. — «Иванов, Петров, Сидоров»! Нет, там, кажется, Иванцов...

Следователь выхватил у нее список, глянул и виртуозно выругался.

— А внешне их помните?

— Не-а, — наморщила носик Динка. — Да они ничего не просили, я в конец салона и не ходила даже...

— Но вы помните, что они не просили, — тут же ухватился следователь.

Черт, какой въедливый!

— Помню, — с досадой ответила Динка. — У меня склероза пока нет. Только я запоминаю не людей, а места. Понимаете, такая специфика. Я знаю, что 13А хочет кофе, а 8Г просит плед, и иду к этому месту. Я помню расположение кресел в салоне, помню, что куда подавала. Но люди... — Динка вздохнула. — Если бы вы знали, сколько лиц я вижу каждый день! Просто калейдоскоп перед глазами.

Следователь посмотрел на нее в замешательстве.

— Впервые слышу о таком феномене. Обычно и проводницы, и официантки запоминают клиента.

— Так они с ними дольше общаются, — заметила Динка. — Официантки на чаевые рассчитывают, приглядываются, а у нас все в стоимость билета входит. Чего ж на них смотреть?

— Да-а... — озадаченно протянул следователь. — Хорошая у вас философия. Если нечего поиметь, то и человека можно не заметить, так?

— Я этого не говорила, — нахмурилась Динка. — Что вы к словам цепляетесь?

Все такие умные вокруг, такие грамотные, а бандиты по липовым паспортам у них под носом летают туда-сюда, людей убивают. И чего он докапывается?! Можно подумать, что если Динка ему опишет эту троицу, то он их в два счета поймает. Как бы не так!

А вот «Иванов, Петров и Сидоров» ее из-под земли достанут, если она язычок распустит.

Если бы Динка была уверена в родной милиции, то, конечно, сказала бы и о подозрительной троице,

и о своих предположениях, и баксы с иконкой принесла бы в качестве вещдока. Если бы это помогло найти Валькиных убийц, если бы приблизило возмездие... Вот только интересно было, куда в процессе следствия этот вещдок потом исчез бы? В каких карманах растворился?

Да заговори она сейчас, этот зануда еще и ей дело пришьет. Как-никак она тоже теперь повинна в контрабанде: провезла сверток через две границы.

— У меня скоро рейс. Я могу идти?

— Идите, — раздраженно махнул следователь и протянул ей визитку. — Вот мой телефон на всякий случай. Вдруг что вспомните.

Динка пожала плечами.

— Да, кстати, — окликнул он ее уже в дверях. — Сколько валюты Валентин пронес на последний рейс?

Динка похолодела. Она медленно повернулась к следователю и состроила глупую рожицу.

— Какой валюты? Он что, мне говорил? Мы зарплату вообще-то в рублях получаем...

Из-за этого зануды следователя Динка едва не опоздала на примерку. В аэрофлотовском ателье ей подгоняли новый комплект формы, и Динка очень переживала, чтоб все получилось как надо.

Тамара по-свойски устроила ее к лучшей портнихе, Карине Ивановне. Динке целых две недели пришлось ждать своей очереди, она даже в первый рейс отпра-

вилась в старом комплекте. Но уж теперь-то, когда Карина Ивановна твердо назначила день и время, пропустить его из-за какого-то обормота было по меньшей мере обидно.

Динка глянула на часы и бегом припустила в сторону ателье.

Форму для бортпроводниц на международных линиях шили по индивидуальным меркам. А на внутренних выдавали по размеру, и девчонкам приходилось подгонять ее самостоятельно.

Может, у кого-то и пропадали все задатки модельера, а у Динки руки совсем не из того места росли, она пуговицу с трудом пришивала, а сложнее шарфика в резиночку и связать ничего не могла. Так что ушитая крупными стежками юбка и наспех приталенный жакетик ее совсем не украшали. Правда, и не портили, поскольку идеально стройную девичью фигуру трудно испортить плохо сшитой тряпкой. Но какая женщина не мечтает быть одетой от кутюр?!

В данном случае в шереметьевском ателье от кутюр означало — от Марины Ивановны.

Динка, запыхавшись, влетела в ателье, все же опоздав на пятнадцать минут. Карина Ивановна славилась своей пунктуальностью, и Динка уже не надеялась, что она ее дождется.

Приемщица подняла голову и посмотрела на Динку.

— Я Лебедева. Знаете, меня следователь задержал...

— А! Это у вас стюарда убили! — оживилась приемщица, с интересом глядя на Динку.

Новости по обоим Шереметьевам распространялись мгновенно.

— Да, напарника моего, — кивнула Динка.

— Карина Ивановна! — крикнула в глубину помещения приемщица. — Это девушка из того экипажа!

— Ну и что? — зычно раздалось из соседней комнаты. — Это не повод для опоздания. Я не кавалер.

И из темноты коридора в тесноватое фойе плавно всплыла дородная тетка с усиками и необъятной грудью. Она строго посмотрела на Динку и велела:

— Ну-ка повернись! Да не так шустро. Помедленней.

Динка медленно повернулась на цыпочках и заслужила одобрителный возглас:

— Хорошо. Как раз под крой! Садись и жди.

И Карина Ивановна также плавно уплыла обратно, больше не удостоив Динку взглядом.

— А как же примерка? — растерянно пролепетала Динка.

— Садись, — махнула ей приемщица и шепотом добавила: — Сейчас форму получишь! Повезло тебе. Под Каринину руку попала.

— Под какую руку?

У Динки возникла только одна ассоциация: попасть под горячую руку. А этого ей совсем не хотелось бы. Хватит, передышка тоже необходима...

— Ты не в курсе? — удивилась приемщица. — А! Ты же новенькая! У Карины Ивановны такая особенность. Она обычно с утра делает крой под настроение. На глаз. И знаешь, за пару дней обязательно находится та, которой это впору без примерок. Так что садись и жди, раз велено.

Динка опустилась на потертую банкетку и взяла в руки лежавшие на столике красочные проспекты. С глянцевых картинок на нее смотрели улыбчивые девушки в летной форме разных авиакомпаний. И бирюзово-сероватые итальянки, и ярко-синие корейнки, и небесно-голубые англичанки. И наша темно-синяя форма была представлена длинноногой тонкой блондинкой с пышными кудрями.

Динка усмехнулась. По инструкции им запрещалось распускать волосы во время работы в салоне. Не дай бог, пассажир обнаружит в тарелке волосок! Скандал! Длинные пряди всегда некстати свешивались в тарелку или в чашку, мешали смотреть по сторонам, их неудобно было откидывать со лба, когда руки заняты подносом.

Динка была согласна с этими требованиями и всегда гладко зачесывала волосы под форменную шапочку. Даже Наташка, обладательница роскошной длинной косы, и та прятала свою красу, закалывая на затылке тугой пучок. А эта девчонка никакая не стюардесса, а просто моделька. Иначе она юбку сделала бы чуть ниже. Неудобно же нагибаться. И пиджачок не так бы заузила в плечах — работать ведь неудобно.

Динка вспомнила, как засмотрелась в Риме на стюардов итальянской компании. Вот уж красавцы, как на подбор! Все высокие, гибкие, с кошачьей пластикой, мягкими движениями. Все с черными усами и темно-карими глазами, взгляд которых обволакивает и проникает в самую душу. И женщинам кажется, что так он смотрит лишь на нее одну...

Ну ладно, наши мужчины тоже ничего, Динка в этом смысле патриотка. Но какая у итальяшек форма! Если бы Антону примерить такой бирюзовый китель! Если бы Динке надеть такую шляпку-таблетку! У итальянок и блузки не белые, а какие-то кремоватые, и от этого форма смотрится элегантным нарядом.

Динку всегда раздражало это совковое: белый верх, темный низ. Хорошо хоть сейчас разрешили юбки укорачивать, а то раньше, говорят, ладонью мерили расстояние от края юбки до коленок. Чтоб ни-ни, не больше!

А зато у вьетнамок и в Северной Корее юбки вообще по коленку! Как они, бедные, по салону ковыляют? Миниатюрными шажками.

А в Южной Корее и в Гонконге такие девахи! Ножки от ушей, юбчонки по самое это самое. Как будто не в салоне работать, а на подиум выходить.

Динка задумалась и не заметила, как промелькнули полчаса. И вот наконец из таинственных глубин ателье торжественно выплыла Карина Ивановна, держа на вытянутых руках вешалку с новенькой формой.

— Ну-ка примерь, милая, — ласково пробасила она. — Должно быть впору.

...Динка летела по улице к основному корпусу, едва накинув на плечи пуховик. Не хотелось мять, скрывать под верхней одеждой такую красоту.

У Карины и вправду глаз-алмаз! Ни сантиметра не пришлось ни убавлять, ни прибавлять. Словно она Динку всю жизнь знала!

Тем, кто привык одеваться у знаменитых кутюрье и в супердорогих бутиках, не понять тех, кто всегда из экономии покупает на барахолках ширпотреб у челноков. А вот Динка могла в полной мере оценить достоинство золотых рук Карины Ивановны. Пожалуй, впервые в жизни она чувствовала, что на ней словно вторая кожа — так все было ладно подогнано!

А уж от удачной одежды у женщины обязательно поднимается настроение, каждая видит себя красавицей. И Динка с удовольствием поглядывала на свое отражение в зеркальных стеклах.

Старую форму с вытянутой, залоснившейся юбочкой и застиранной блузкой она несла в пакете, выбросить сразу было почему-то жалко. Хотя первым побуждением было оставить ее в ателье и больше не вспоминать об этом позоре.

Мягкая шерсть плотно обхватывает бедра, две невидимки удерживают на голове овальную шляпку с красивой кокардой, кипенно-белая блузка чуть видна из-под кокетливо полурасстегнутого кителя.

Наталья принимала на борт питание. Она мельком глянула на Динку и буркнула, продолжая считать коробки:

— Тебя брат искал. Я уж не стала говорить, что ты койки с чужими мужиками обминаешь...

— Какой брат? — удивилась Динка. Она даже пропустила мимо ушей Наталино замечание о койках. — У меня нет брата.

— Ну да, ну да, — ехидно кивнула та. — Я поняла, что не брат. Тебе как раз такие и должны нравиться. Бычок-качок.

— Ты можешь нормально объяснить? — вспылила Динка. — Что за качок? Чего ему надо? Я же русским языком тебе говорю: у меня нет брата.

— Зато любовников до фига! — парировала Наталья. — Я что, всех запоминать обязана? Отойди, не мешай!

Динка подошла к Сашеньке Тарасовой:

— Объясни по-человечески, кто меня искал. Это важно.

Сашенька пожала плечами и посмотрела на Динку с нескрываемым интересом:

— Ты что, у Наташки Антошу увела?

— С чего ты взяла? — смутилась Динка. Они специально добирались до аэропорта порознь, чтобы сплетен не было.

— Так все говорят, — удивилась та. — Вы же в шереметьевской общаге вместе были.

— В гостинице, — фыркнула Динка.

— Один хрен, — расхохоталась Сашенька. — А у стен глаза и уши на макушке. А этот твой злой был!

Небось всю ночь тебя искал. Говорил так вежливо, вкрадчиво, а сразу видно, что злой.

— Саш, ты можешь по порядку? — взмолилась Динка.

— Да я и не слышала толком, с ним Наташка разговаривала. Он нас в аэропорту нашел, говорит: а где Дина Лебедева? Мол, сеструха моя... А Наташка ему: свисти больше. Какая она тебе сеструха? Небось рожки чешутся?

— Идиотка... — простонала Динка. — Ну а он?

— А он желваками поиграл, брови сдвинул. Страшный... Вот уж не думала, что тебе такие уроды нравятся. Бровеносец!

Бровастый... обомлела Динка. Все правильно. Вычислили...

— Говорит, Дина с вами летит? — продолжала Саша. — Мне ее повидать надо срочно.

— Ну?!

— Да ладно, не бойся, — усмехнулась Сашенька. — Наташка стерва, но не настолько же. Какой ей смысл, чтоб тебе перед вылетом морду расквасили? Тебя тогда или менять надо срочно, или «без одной» крутиться. Морока лишняя. Она сказала, что ты на шестнадцать ноль-пять летишь. Пусть ищет!

— Здорово! — Динка выжала из себя улыбку.

— Кто ищет, тот всегда найдет? — подмигнула ей Сашенька и с удовольствием расхохоталась. — Ой, ну цирк с вами! А как Антон Васильевич, ничего? С виду крепенький...

— Крепенький, — в тон ей ответила Динка, думая о том, что бровастый рано или поздно обнаружит обман и все равно выйдет на нее.

Ой, что тогда будет...

— А у тебя форма новая! — заметила Сашенька. — Долго шили?

— Полчаса, — машинально ответила Динка.

Ее уже не радовала форма, она и забыла, что несколько минут назад была на седьмом небе от счастья.

— Что, Карине под руку попала? — завистливо вздохнула Сашенька. — Повезло! А мне Маринка шила. Ты только посмотри! — И она крутанулась перед Динкой, демонстрируя себя. — Юбку в талии на три сантиметра шире сделала! Из вредности! Приходится булавкой закалывать.

Штурман Олег Петрович поравнялся с ними, и Сашенька моментально согнала с лица усмешку, нацепила маску пай-девочки и потупилась.

Олег Петрович глянул на нее, улыбнулся и достал из кармана кителя шоколадку.

— Ой, спасибо, — прошептала Сашенька.

— Как настроение, молодежь?

— Отлично.

— Как учеба?

— Пока нормально... Вот через месяц сессия, — пожаловалась Сашенька.

— Ты обращайся, если что нужно.

— Спасибо, обязательно...

Сашенька посмотрела ему вслед, скорчила рожицу и показала язык.

— Ты чего? — спросила Динка.

— Да ну, старый козел! В дочки меня определил, конфеты носит.

— А что в этом плохого?

— Потом расскажу, — вздохнула Сашенька. — Я его просто не перевариваю. Кстати, ты знаешь, у нас ведь новенькая, вместо Валентина, — спохватилась она. — Танька Шохина. Тебе с ней сегодня в паре работать.

— Не с ней, а со мной, — хмуро буркнула Наталья, остановившись с ними рядом. — Я что, с ума спрыгнула, двух новеньких в пару ставить? Ты Таньку возьмишь, — велела она Саше. — В экономкласс. А наша секс-бомба под моим присмотром потрудится.

Все уже было готово к полету. В этом Наталья с Динкой были похожи: обе любили выполнить нудную часть работы заранее, чтобы потом не метаться как сумасшедшим.

Антон с Костей прошли мимо них в кабину. Динка отвернулась, но успела заметить, что Антон посмотрел в ее сторону с удивленной улыбкой.

— Быстро кофе сделай, — велела Наталья. — Антоша любит выпить чашечку перед самым взлетом.

— Сама делай, — фыркнула Динка. — Я еще не успела изучить его вкусы.

Наталя метнула на нее гневный взгляд, но решила не спорить. Налила в чашку кофе, положила сахар. И тут по внутренней связи раздался вкрадчивый голос Антона:

— Диночка, будь добра, принеси мне кофейку взбодриться. Да побыстрее.

Наташка покраснела и со злостью шмякнула чашку на поднос. Динка невозмутимо вытерла расплескавшиеся капли, взяла поднос и, медленно покачивая бедрами, прошествовала мимо Натали к кабине.

— Динка, Динка, злая, словно льдинка, — пошутил Антон. Он потянул ее за руку и усадил на подлокотник кресла. — Ну как спалось? Что-то у тебя под глазами круги.

— Спасибо, хорошо, — «скромно» потупилась Динка, быстро покосившись на Костю.

— Хорошо? — уточнил Антон.

— Просто великолепно.

Динка услышала, как позади нее выразительно хмыкнул штурман Олег Петрович.

— Я рад. Я просто счастлив. А ты? — по-кошачьи мурлыкнул Антон.

— Ну... и я тоже.

— Не слышу энтузиазма в голосе, — обиделся он. — Вот я, например, готов без самолета, на крыльях улететь.

— Сто двенадцать — шесть — два, доложите готовность, — раздался приглушенный голос диспетчера.

— Я сто двенадцать — шесть — два, — четко отозвался Антон. — Готов. Разрешите занять полосу.

Он быстро глотнул кофе, отставил чашку и отвернулся от Динки, словно потерял к ней интерес. В этом была некоторая рисовка, он будто демонстрировал ей, что «первым делом самолеты, ну а девушки потом».

Ну и черт с ним, пусть себе фасонит. Динка усмехнулась про себя и вытянулась в струнку, браво шелкнув каблучками.

— Товарищ командир, разрешите обратиться, — звонко выпалила она.

Антон с Костей разом оглянулись.

— Разрешаю... — выдавил Антон, не понимая, какая муха ее укусила.

— Я могу уносить кофе?

— Можете...

— Разрешите идти? — Она вскинула руку к форменной пилоточке, отдавая честь.

— Идите. — Антон довольно заржал.

— Есть!

Глаза их встретились, и несколько долгих секунд они не могли отвести их друг от друга. Точно магическая нить протянулась между ними. И у Динки в голове, словно в калейдоскопе, пронеслись дивные подробности минувшей ночи.

Черт возьми! Как он ей нравится... Неужели влюбилась? Нет, только не расслабляться, сейчас не время.

Надо думать о собственной шкуре, а не о горячем, ласковом теле Антона...

Динка почувствовала, что коленки предательски ослабли. Наверное, сейчас у нее на лице глупая мечтательная улыбка. Она ненавидела свою неспособность скрывать чувства. Если человек ей не нравился, то губы сами сжимались в струнку, а глаза метали молнии, а уж если нравился...

Костя засмеялся. Конечно, смешно. Стоит глупая смазливая девчонка, пялится на героического командира и от счастья дар речи потеряла.

Динка с усилием отвела взгляд, быстро отвернулась и выскочила из кабины.

После того как Ил набрал положенную высоту, Антон переключил управление на автопилот и откинулся в кресле.

Мысли сами собой возвращались к новенькой. Какие глазищи, с ума сойти! Она так смотрела на него, что Антон готов был прямо тут же в кабине содрать с нее форменную юбчонку. Если бы не Костя, он так и сделал бы.

Однажды они с Натальей устроили небольшую «разминку» на высоте семь тысяч метров. Надо согласиться, что ощущение опасности и выплеск в кровь порции адреналина существенно усиливают удовольствие.

Тогда вместо Кости с ним еще летал Сан Саныч,

хороший молчаливый дядька предпенсионного возраста, с которым всегда можно было договориться. А уж Игорь Игоревич и Сашка с Олегом всегда понимали своего командира с полуслова. И сам Антон был помоложе и погорячее, да и Наташка была свежим бутончиком...

Антон потянулся и подумал, что они с Натальей уже семь лет вместе, почти как супруги. И надоела она ему уже как жена. Говорят, семь лет — критический срок для семейных пар. Расходиться пора, а они еще и свадьбы не играли... Кстати, почему говорят: сыграть свадьбу?

— Ну и что ты об этом думаешь?

— О чем? — встрепенулся Антон.

Костя прервал приятное течение его мыслей. Он требовательно смотрел на Антона.

— О Вальке. Я ведь знаю, вы этим на пару занимались.

— Ты что, — быстро возразил Антон. — Я к его делам отношения не имею.

Костя поморщился:

— Ты меня за дурака не держи. Ты же командир. Тебе Валентин процент отстегивал. Или с зарплаты за год вторую машину меняешь?

Антон резко повернулся к Косте. Щеки прочертили резкие складки, и от этого он словно стал на десять лет старше. Щенок! Как же он умеет вывести из себя!

— Это не твое дело, — отрывисто бросил он. — Запомни. Он мне ничего не давал. Никогда. Моя вина

только в том, что я смотрел на это сквозь пальцы. Но ведь и ты знал. Может, это ты был в доле?

— Что ты так нервничаешь? — усмехнулся Костя. Жареным запахло?

— А что ты ухмыляешься? — вспыхнул Антон. — Ведь человека убили. Или тебе все по барабану?

— Пройдите сюда, здесь вам будет удобнее.

Динка проводила из середины салона к первому ряду симпатичную блондинку с грудным ребенком. Она разложила откидную люльку и помогла опустить в нее младенца.

— Спасибо, — улыбнулась блондинка и с наслаждением расправила затекшие руки.

— Почему же вы не попросили первое место при регистрации?

— А я не знала про люльку, — пожала плечами та. — Обычно я люблю сидеть в середине салона.

Блондиночка была моложе Динки, но держалась с неподражаемой уверенностью в себе, свойственной по-настоящему богатым людям. Динка с завистью окинула ее оценивающим взглядом. Такой «скромный» свитерок от Труссарди стоит бешеных денег, на пальце колечко с крупным бриллиантом, а перед взлетом Динка сама взяла у нее, чтоб повесить в шкаф, симпатичную норковую накидку.

«Ну и воображала! — фыркнула про себя Динка. — Скоро я такую же куплю. И даже лучше. Денег хватит».

И тут же одернула себя. Ей бы живой остаться, а она о шмотках думает. Уже двоих убили. Все-таки пути женской логики неисповедимы.

Глава 7

Наталья медленно шла по проходу первого салона, машинально разливала по чашечкам кофе и чай, подавала пассажирам, сохраняя на лице профессиональную улыбочку, а у самой все внутри кипело от возмущения. Слезы так и подступали к глазам, чуть-чуть — и потекут по щекам. Но Наташка прогоняла их усилием воли. Черт возьми! Еще не хватало, чтоб она разрыдалась из-за этой шлюшки!

Но ведь обидно... Семь лет! Целых семь лет. Вся молодость! Лучшие годы! Она была чуть старше этой кикиморы Динки, когда ее определили в экипаж Антона. И сразу же они друг в друга влюбились. И все семь лет Наташка чувствовала себя его единственной подругой. Да что там подругой — женой!

Они ведь с Антоном почти не расставались. И в полете, и в гостинице, и дома — всегда вместе.

Правда, Антон не позволял ей перевезти к нему свои вещи, он говорил, что, для того чтобы чувство оставалось ярким, ему надо знать, что он свободен. Просто такая игра, самообман. Вполне безобидный.

Только Наташке не всегда было удобно мотаться на свою квартиру, чтобы переодеться или взять что-то

необходимое. Особенно в межсезонье, когда то тепло, а то наутро снег выпадет. Но это мелочи по сравнению с тем, как она была счастлива с Антоном.

И он говорил ей, что любит, что она его красавица... Наталья видела, что ему нравилось, когда на нее обожались мужики. Антон тогда раздувался от гордости, как павлин. Он ей дарил красивые шмотки, а потом радовался, если Наташка привлекала чье-то внимание.

А Наталья была по-настоящему красива. Не то что эта морковка Динка, ни рожи, ни кожи. У Натальи кожа была белоснежно-матовая, прямо-таки жемчужная, с нежным румянцем. Ее все спрашивали, какой косметикой она пользуется, а это был природный дар. Длинные русые волосы Наталья укладывала в косу и закалывала на затылке. Получалось очень стильно, иностранцы ахали и сразу западали на русскую красавицу.

И что Антон нашел в Динке? Еще понятно, если бы он решил закрутить роман с Сашенькой Тарасовой. Саша была под стать Наталье, тоже длинноногая блондинка с пухлыми губами. Но Динка?! Просто насмешка... Или его на новенькое потянуло?

Наталья покачнулась и расплескала кофе на столик.

— Сорри, — быстро сказала она и тут же протерла пластиковую поверхность губкой.

— Гос-споди... — процедила со вздохом стильная тетка. — Наш сервис самый ненавязчивый в мире. Неужели обязательно набирать на работу таких не-

умех? Да на Западе вас в два счета бы рассчитали, милочка!

Она указала на крохотное пятнышко кофе, попавшее ей на кожаный пиджак.

— Простите, я сейчас вытру. — Наталья потянулась к пятну губкой, но тетка в ужасе отпрянула:

— Да вы что! С ума сошли?! Модель от Гуччи грязной тряпкой! Немедленно позовите мне вашего командира!

— Кого? — Наташа подумала, что ослышалась.

— Командира, — повторила тетка. — Вы же ему подчиняетесь. У вас какое звание?

— Простите, но вы летите самолетом гражданской авиации, — ответила Наталья.

— Я знаю, — фыркнула тетка. — Не считайте меня за дурочку. Я в курсе, что вы все работаете на «контору». Так что звание у вас все-таки есть.

Наталья вздохнула и мысленно посчитала до десяти.

— Да что вы все улыбаетесь?! — вспыхнула тетка. — Просто хамство! Зовите командира.

Наташка с удовольствием опустила уголки губ и нахмурилась. Не нравится улыбка, и не надо. Надоело вежливо и приветливо обращаться к каждой вздорной идиотке.

— А вы считаете, что у командира нет других дел? — ехидно осведомилась она. — Вы хотите, чтоб он бросил управление лайнером и побежал вытирать ваш пиджак? Кстати, уже все высохло.

Тетка глянула на пиджак и поджала губы.

— Как вы разговариваете?! Я на вас управу найду!

— Ищите, — бросила Наталья и пошла дальше, продолжая улыбаться недоумевающим пассажирам, словно ничего и не произошло.

Но через пару шагов она вдруг резко повернулась и заспешила обратно. Едва успела выбежать из салона и рвануть на себя дверь туалета.

Ее выворачивало наизнанку так, что в глазах потемнело. Тошнота подступала к горлу, желудок сводило спазмами, из глаз хлынули слезы. Все, предел ее терпению. Она рыдала в голос, вытирала губы туалетной бумагой, всхлипывала и опять наклонялась над унитазом. Ей было так плохо, что хотелось лечь здесь и тихо умереть, чтоб никто больше не беспокоил.

У командира нет других дел, ему некогда заниматься управлением лайнера, он опять позвал в кабину эту выскочку Динку. Бутербродика ему захотелось, видишь ли...

— Наташа, ты там? — раздался за дверью голос второго пилота Кости Акимова. — Тебе плохо? Открой.

— Нет. Уже лучше... — с трудом выдавила Наталья.

Но оттого что Костя не в кабине, стало еще хуже. Его попросили выйти на минутку? Они с Антоном когда-то тоже даже в полете стремились остаться вдвоем... Только они не нагнали до такой степени, чтоб превращать кабину в сексодром. Они все же стеснялись, уединялись в туалете, чтоб никто, не дай бог, не заподозрил... Когда-то давно, на заре знакомства,

когда страсть была горячей и нетерпеливой. Потом Антон стал заботиться о своем имидже командира, да и жить она перебралась к нему — и потребность в быстрых дневных ласках отпала.

Наташа поднялась, плеснула в лицо водой, посмотрела в зеркало и поправила волосы. Хорошо, что она почти не пользуется косметикой, иначе все бы размазалось, а косметичка в сумке.

Костя пристально посмотрел на нее, когда она вышла с привычной улыбочкой на лице.

— У тебя точно все в порядке?

— Точно, — заверила Наталья. — А где Дина? Нам пора разносить обеды.

Костя поспешно отвел взгляд и буркнул:

— Она скоро придет.

Наталья оглянулась и заметила в конце салона долговязую фигуру радиста Игоря Игоревича, а Сашка с Олегом Петровичем как ни в чем не бывало потягивали кофе в закутке стюардесс.

— Ясно, — усмехнулась она, почувствовав, как лицо покрывается красными пятнами. — Пятнадцати минут им хватит?

— Ну это как пойдет... — многозначительно протянул Сашка и ухмыльнулся.

Антон крепко обхватил ее бедра руками и с силой усадил к себе. Динка вскрикнула. Она закрыла глаза, чтоб ничего не видеть, а только чувствовать его руки, его тело, его дыхание у себя на шее...

Вот он застонал и крепко прижал ее к себе. Дина открыла глаза и ахнула. Прямо на нее неслось небо. Она влетала в облака. Никогда еще она не видела небо так близко из кабины пилота, стекло было прямо перед ее глазами, казалось, протяни руку — и дотронешься до густого белого тумана, который быстро обволакивал кабину.

Антон приподнял ее, чуть отодвинул и взялся за штурвал. Легкий поворот, и лайнер взмыл чуть выше облака, и опять перед глазами раскинулся бескрайний ярко-голубой простор.

— Ой, даже дух захватило... — прошептала Динка.

— Правда? — польщенно ухмыльнулся Антон. — Потерпи до вечера, не так еще захватит.

Она быстро поднялась, одернула юбку и хмыкнула. Он ей очень нравится, она почти влюбилась... Но до чего же он глуп и самоуверен! Впрочем, все мужчины такие, успокоила себя Динка. И поспешила к двери.

Ужас сколько они тут кувыркались! Неудобно. Экипаж по их милости прогуливается. Что Костя подумает?

А впрочем, что еще он может подумать, если Антон, никого не стесняясь, усадил Динку на ручку кресла, обнял за талию и попросил второго пилота посмотреть, не провис ли лонжерон... Динка хоть и ничего не понимает в технике, знает, что лонжерон находится на крыле и провиснуть никак не может и незачем на него смотреть...

Самое смешное, что, услышав про лонжерон, и

бортинженер, и механик тоже заторопились выйти за дверь, только Олега Петровича пришлось Сашке чуть ли не силой утаскивать.

Штурман Олег Петрович Васин покосился на командира, но ничего не сказал.

Что-то странное творится с экипажем в последние дни. Конечно, гибель стюарда многих выбила из колеи, неприятно это все, но... Чувствуется какое-то напряжение, точно воздух наэлектризован. Особенно Антон Васильевич нервничает. Это заметно.

Или он с бабами своими никак не разберется? Черт знает что устроил. Где это видано, чтоб в одном экипаже двух держать? Уже открепил бы тогда или Наталью, или эту, новенькую...

Вон и Костя начинает отпускать шуточки, у командира авторитет падает...

Штурман недолюбливал Константина и всегда старался одернуть, но сейчас Антон себя сам под удар подставляет.

Олег Петрович придерживался строгих взглядов и, глядя на эти летные амурчики да на гостиничные ночевки, считал, что жениться на стюардессах нельзя ни в коем случае. Хочешь иметь семью — пусть жена дома сидит, щи варит да мужа ждет. А эти свистушки налетаются, хвостом навертят, а потом ждут, что их какой-нибудь идиот в жены возьмет.

Вот Наталья с ним семь лет летает, в Антона мертвой

хваткой вцепилась, и на глазах все время... А ведь до этого с Витькой Маликовым летала. А Витька парень не промах... А если в другой экипаже ее откомандируют? Антону по аэропорту посмешищем ходить?

И пусть даже не говорят, что есть на свете порядочные женщины. В авиации таких нет!

У штурмана Васина был личный печальный опыт. Его бывшая супруга, Алка. Вот уж неумная была, прости господи...

Алку Васину все знали. В Домодедовском авиаотряде рейсы на Чукотку и Владивосток шли с ночевкой, вот она и оттягивалась на всю катушку. Скакала по экипажам — то с одним, то с другим. А он ей верил. Любил, как помешанный, никого слушать не хотел.

Теперь даже странно, как можно было не замечать очевидного. Опомнился, когда сам в Хабаровске застукал ее с Мишкой Деминым. Даже вспоминать не хочется.

И Ленка, дочка, поди угадай, от него ли? И Артемка подозрительно на Демина смахивает.

Олег Петрович выгнал Алку, перевелся в Шереметьево, а детям отчисляет алименты через бухгалтерию. Уже лет десять их не видел.

Да... как раз под Новый год будет десять. Это Ленке семнадцать скоро, школу заканчивает, а Артемке тринадцать...

Нет, не стоит о них думать, душу травить. Можно представить, чему Ленку такая мать научит...

Хотя одну стюардессу он все-таки любил тепло, по-отечески. Пытаясь заменить ею брошенную дочь.

Сашенька Тарасова всего на пару лет была старше Ленки и, по мнению Олега Петровича, обладала несомненными достоинствами: с парнями не крутила, училась, что вызывало у Олега Петровича несомненное уважение.

— Явилась! — фыркнула Наталья. — Вези! — И она ткнула Динке рукоятку контейнера.

Дина заметила, что Наташка была какой-то бледной, губы бесцветные, волосы на лбу мокрые. На секунду ей стало неловко.

Наверное, Наташка плакала. И конечно же из-за нее. Но она тут же отогнала эту мысль. Наташка Антону не жена, а любовница. И сама небось не раз с ним так в полетах...

Надо сказать, что в сексе под облаками что-то есть.

Сашенька Тарасова заглянула к ним в бизнес-класс и дурашливо пропела Динке:

Стюардесса по имени Жанна,
Обожаема ты и желанна!
Ангел мой неземной,
Ты повсюду со мной...

Динка залилась краской и прошипела:

— Заткнись.

— Все, молчу, молчу, — довольно хихикнула Сашенька.

Костя шел им навстречу по салону, и Динка посторонилась, чтобы пропустить его. Широкий кон-

тейнер мешал им разминуться, и Костя протиснулся к ней впритык, чуть царапнув по щеке пуговицей кителя.

Динка потупилась и вжалась спиной в контейнер, а когда подняла глаза, то словно обожглась о Костин взгляд. Он смотрел на нее так... странно... И с презрением, и с удивлением, и с вопросом, и еще что-то было в его глазах, чего Динка не успела угадать, потому что Костя отвернулся и быстро зашагал к пилотской кабине.

Наташка сидела на откидном стульчике и тупо смотрела на свои дрожащие руки. Странно, никогда с ней такого не было.

Антон вышел из кабины и скрылся в туалете, весело насвистывая что-то себе под нос. Наташка почувствовала, что еще чуть-чуть — и вцепится ногтями в его довольную физиономию. Она с силой сжала кулаки и вонзила ногти себе в ладони.

От резкой боли в руках на сердце как будто стало легче. Она попыталась подняться, чтоб собрать пустые подносы, но ноги стали совершенно ватными.

Динка посмотрела на нее с удивлением. На Наталью это было непохоже. Она деятельная, деловитая, постоянно раздаёт распоряжения.

— Тебе дать что-нибудь? Минералки? Может, таблетку? — предложила Динка.

— Нет, ничего. Спасибо, — едва шевельнула губа-

ми Наталья, а потом вдруг коснулась Динкиной руки ледяными пальцами: — Подожди.

Динка откинула сиденье и примостилась на краешек.

— Скажи, — Наташка облизнула губы, — тебе это нравится?

— Что? — не поняла Динка. Может, Наташка имеет в виду ее отношения с Антоном?

— Ну бегать, подавать, убирать. На нас каждый наорать может, поиздеваться всласть, а мы должны только улыбаться. Тебе это кажется нормальным?

Динка неподдельно удивилась. Она никогда не думала о себе как об обслуживающем персонале. Скорее как о хозяйке, которая принимает гостей, угощает их, старается, чтобы им было удобно...

— Тебе кто-то нахамил? — догадалась она.

Наталья кивнула.

— Я даже знаю кто! — воскликнула Динка. — В третьем ряду в первом салоне такая вредная тетка сидит. Она и ко мне цеплялась, что у нас нет той минеральной воды, к которой она привыкла.

— Скажите на милость! — со злостью буркнула Наталья. — Десять лет назад эта стерва стояла в очереди за колбасой и не знала ничего, кроме нарзана. А теперь, видишь ли, крутую корчит.

— Ага, — с готовностью поддержала Динка. — А от тебя она чего хотела?

— Я ее кофе облила.

— Ты?! — округлила глаза Динка.

— Я, а что? — Наташка вдруг улыбнулась. — И на старуху бывает проруха.

— Ты разве старуха? — фыркнула Динка. — Ты еще ого-го!

— Ты так считаешь? — У Натальи в голосе проскользнули ехидные нотки.

Динка посмотрела ей прямо в глаза. Странно, сейчас она не испытывала к Наташке ничего, кроме симпатии. А ведь должна бы или опасаться, или ненавидеть. Ведь Наталья не отдаст ей Антона просто так.

— Я вообще не понимаю, почему... — Динка запнулась.

— Почему сменил меня на тебя? — уточнила Наталья.

— Ну да.

— Я и сама не понимаю, — невесело усмехнулась она. — Я ведь лучше.

— Скромность тебе к лицу, — фыркнула Динка.

— Ну если сам себя не похвалишь...

— И то верно.

— 4Б вызывает, — глянула на схему Наталья. — Подойдешь? Мне что-то нехорошо...

— Может, давление? — предположила Динка. — У мамы часто скачет. Она тоже так бледнеет, и тошнит ее.

— Да, похоже, — согласилась Наталья.

— Ты тогда посиди лучше, я сама справлюсь, — великодушно предложила Динка.

Глава 8

Наташкину слабость и плаксивость Динка расценила по-своему. Она вспомнила, на чье место пришла в этот экипаж. И по ее мнению, после всего случившегося капля пролитого Наташкой кофе вполне могла надолго выбить ее из колеи.

Черноглазая красавица Вика была Наташкиной напарницей, и та с ужасом думала, что это несчастье вполне могло случиться не с Викой, а с ней.

В тот злополучный рейс они тоже летели на Рим.

Еще с утра Вика жаловалась, что новые туфли слишком тесные, полчаса походишь, и ноги отекают.

— Возьми мои старые, — предложила Наталья.

— Спасибо, — Вика покосилась на изрядно стоптанные плетеночки и отказалась.

Она предпочитала ковылять по салону на высоченных шпильках. Лучше морщиться от боли, но сознавать, что из-под короткой юбочки видны длинные стройные ножки, чем уродовать себя старенькой обувью.

Первый час полета прошел благополучно. Вдвоем с Натальей они разнесли холодные напитки и легкую закуску, а потом Вика взяла поднос с кофе.

Ей было лень ходить по салону несколько раз, все же каждый шаг давался с трудом, и поэтому она нагромоздила на поднос высокую стопку пластиковых стаканчиков, разливочный чайник и кофейник. Нести

его было тяжело, проход плохо видно, и Вика опустила поднос пониже.

— Девушка, можно чашечку? — улыбнулся ей симпатичный итальянец из правого ряда.

— Конечно.

Вика профессионально послала ему ответную улыбку, изящно повернулась и высвободила из-под подноса одну руку. Ею она виртуозно выхватила из стопки стаканчик, поставила его на откидной столик, сняла с подноса кофейник и уже хотела налить кофе, как вдруг проклятый каблук за что-то зацепился, за какую-то морщинку в напольном покрытии салона.

Нога подвернулась, Вика нелепо взмахнула руками, пытаясь удержать равновесие. Кофейник накренился... и вдруг слева послышался чей-то душераздирающий крик.

Вика повернулась и с ужасом увидела, что струя кипятка из носика кофейника хлещет прямо на личико грудного младенца, которого держала на руках сидящая в крайнем к проходу кресле женщина. Женщина закричала, перекрывая своим воплем захлебывающийся плач младенца.

— Простите, — пролепетала Вика.

Она растерялась и застыла в ступоре, не зная, что предпринять. Прибежавшая на шум Наталья вытолкнула Вику из салона. Сама же метнулась к портативному холодильнику, вытряхнула в салфетку приготовленный для напитков колотый лед и поспешила в салон.

— Вот, надо приложить... — протянула она лед женщине.

Не помня себя от ужаса, она пролетела первый салон и рванула дверь кабины:

— Антон! У нас ЧП! Запроси посадку!

Те, кто думает, что при первом же ЧП на борту самолет может с легкостью сесть где угодно, глубоко заблуждаются.

Руководитель полетов в киевском аэропорту Борисполь растерялся, услышав, что борт сто двенадцать — шесть — два просит посадку. Все-таки лайнер зарубежный, на борту иностранные граждане... Но обстоятельства чрезвычайные...

Добро на посадку лайнера дали только через полчаса.

Самолет уже пятнадцать минут стоял на дальней стоянке аэропорта Борисполь, а машину «скорой помощи» не пропускали на поле.

Начальство никак не могло решить, как украинским врачам подняться на борт иностранного воздушного судна. Ведь территория лайнера является, по сути, границей.

Наталья нетерпеливо выглядывала в иллюминатор. «Скорая» маячила у кромки поля, а вокруг сустились таможенники.

Радист уже в сотый раз связывался с контрольно-диспетчерским пунктом, но ответ был один: ждите.

И они ждали. Наталье удалось уговорить мать и сделать ребенку обезболивающий укол. От болевого шока младенец потерял сознание, дыхание едва прослушивалось.

Наконец «скорая» приблизилась к лайнеру и им подогнали трап. Наталья трясущимися руками откатила дверь и проверила стыковку.

Пожилая врач с красным, рассерженным лицом с удивительной для своих лет легкостью стремительно взлетела на борт.

Она хотела взять ребенка, но мать вцепилась в него, прижала к себе, и оторвать его можно было только силой.

— Дайте мне, пожалуйста. Я врач.

Но итальянка смотрела на нее невидящим взглядом. К тому же она ни слова не понимала по-русски.

— Ребенка надо отвезти в больницу, — перевела ей Наталья. — Отдайте его доктору.

Итальянка прижала дитя еще сильнее и покачала головой.

— Хорошо, — решила врачиха. — Идемте со мной.

Наташка помогла итальянке подняться и повела к выходу, поддерживая за плечи. Врач шла впереди, поминутно оглядываясь на ребенка и сокрушенно качая головой.

— Как вы думаете, есть шансы? — тихо спросила у нее Наталья.

— Не знаю, — вздохнула та. — Вряд ли... Я, конечно, сделаю, что могу... Но если бы сразу...

...Таможенник неожиданно преградил итальянке путь, когда она уже собиралась усесться в «скорую».

— Паспорт! Виза! — требовательно протянул он руку.

Наталья открыла висящую через плечо сумочку итальянки, нашла паспорт.

— Где виза?! — торжествующе ткнул он пальцем в раскрытую страничку. — Вы находитесь на территории суверенного государства!

Несчастливая итальянка с сынишкой умчались из Борисполя в Киевский ожоговый центр под завывание сирены «скорой».

Они так никогда и не узнали, выжил мальчик или нет и как потом добиралась до Италии его мать.

Подняв машину в воздух, Антон занял предложенный эшелон, лег на курс и вызвал в кабину Вику. Она вошла заплаканная, дрожащая, прячущая глаза. Когда помощь наконец пришла и ребенка забрали с борта, силы оставили Вику и она ревела не переставая.

— Ты больше не будешь летать в моем экипаже, — не оборачиваясь, бросил ей Антон. — Ясно?

— Да, Антон Васильевич, — кивнула она.

— Мне такие ЧП не нужны. На три страны нас опозорила, дура!

— Да, — согласно кивнула Вика.

— Убирайся!

Вика всхлипнула и тихо вышла из кабины.

— Антон... — укоризненно начал Костя.

Но тот оборвал его:

— Ты лучше думай, как нам теперь быть. Из-за этой дуры два часа потеряли. Горючего хватит?

— Да.

— Запроси у Варшавы, по какому коридору нам следовать. Теперь будут давать что похуже!

Едва вернувшись в Москву, Вика принялась писать объяснительные, ее то и дело вызывали на летную комиссию, угрожали открыть дело. К счастью, под суд она не пошла, но из авиации ее уволили за профнепригодность.

На ее место и поступила в экипаж Динка Лебедева.

Леденящую душу историю об ошпаренном младенце передавали друг другу стюардессы всех авиалиний, приукрашивая ее все новыми подробностями. Но верную версию Динка узнала, только придя в экипаж. Сашенька разболтала по секрету, поскольку сама Наталья категорически запретила им трепаться о произошедшем.

В Сашином изложении все выглядело еще более драматично. Она хоть и находилась в тот момент в соседнем салоне, но описывала так, словно видела все собственными глазами.

И Динка решила, что ненароком пролитый кофе натолкнул Наталью на тяжелые воспоминания, вот она и разнервничалась из-за пустяка.

А еще мелькнула неприятная мысль, что и ее злоключения в этом экипаже как бы запрограммированы заранее. Ведь Динку взяли на несчастливое место. Чего еще ждать?!

Глава 9

Вечный город Рим встретил лайнер хмурой осенней погодой. Дождь и слякоть, листья срываются с ветвей, и облетевшие деревца стоят странным контрастом вечнозеленым кустарникам. Даже не верится, что еще неделю назад здесь было по-летнему жарко.

Из гостиницы выходить совсем не хотелось. Экипажу объявили, что и завтра, возможно, вылет будет отложен: на город надвигался грозовой фронт.

Все сидели по своим номерам. Причем расселились, как и положено, девочки с девочками, мальчики с мальчиками. Наталья поселилась с Сашенькой, а Динке досталась новенькая, Танька Шохина.

Танька сидела у окна, тоскливо смотрела на сплошную стену дождя и вздыхала:

— Вот же не везет так не везет... И почему мне всегда такая непруха? Я так мечтала посмотреть Рим!

— Насмотришься еще. Надоесть успеет.

Динка лежала на кровати и смотрела в потолок. Она терпеть не могла дождь, в дождливую погоду ей хотелось плакать и плакать, без конца, заунывно,

долго, пока все слезы внутри не кончатся. Танькино нытье ее раздражало. И без того тошно.

— Да... тебе хорошо... ты уже насмотрелась... — продолжала Танька.

— Чего я насмотрелась? — Динка приподнялась на локте. — Я вообще второй раз за границей. Давай тоже начну тебе подвывать, что непруха! Тебе бы мою невезучесть!

Дуреха! Рим она в первый рейс не увидела! Невелика потеря! Ей бы, как Динке, получить в первом рейсе «нычку», а потом трястись за свою шкуру, мигом бы забыла о своем «несчастье».

За окном быстро темнело. Динка повернулась на бок и попыталась задремать. Не получается. Неожиданно захотелось есть. Она вспомнила, что забыла пообедать в самолете. А можно ли купить еду в гостинице, Динка не знала.

— Мы есть пойдем? — спросила Танька. — Ты не в курсе, здесь надо лирами платить или по карточке?

— А у тебя есть карточка? — огрызнулась Динка. — Может, еще и золотая? Тогда можешь заказать ужин в ресторане.

— Было бы неплохо, — мечтательно потянулась Танька. — Я мечтала поесть настоящую пазлью. Говорят, в Италии в нее добавляют осьминога.

— Понятия не имею, — буркнула Динка.

— Я читала, что рис обязательно надо брать дикий, черный...

— Ради бога, замолчи! — не вытерпела Динка. —

Свои кулинарные познания продемонстрируешь в другой раз.

Танька отвернулась и достала из сумочки два упакованных в целлофан пирожных, которые они разносили к кофе. Одно протянула Динке.

— О! Да ты запасливый хомячок! — обрадовалась та.

— Дуське взяла, — почему-то смутилась Танька. — Но они до завтра все равно пропадут без холодильника.

Динка откусила сразу полпирожного и поинтересовалась с набитым ртом:

— Дуська — это собака?

— Дуська — дочка, — вздохнула Танька. — Ей два года. — Она посмотрела на часы, прикинула разницу во времени. — Сейчас, наверное, спит уже...

— С ней муж сидит?

— Муж объелся груш, — с независимой улыбкой сообщила Танька. — Слава богу, у нас есть бабушка. Дуська ее мамой называет...

— Почему?

— Потому что чаще видит, — усмехнулась Танька. — А обо мне она знаешь как говорит? «Тю-тю мама, га-га-га мама»...

— Га-га-га? — не поняла Динка.

— Ну, улетела, — Танька помахала «крылышками». — «Гуси-лебеди» читала?

Тут в дверь постучали — и бортинженер Сашка Смирнов деликатно протиснулся в номер:

— Милые дамы, не соизволите откусать с нами чем бог послал?

— Соизволим! — тут же завопила Динка и вскочила с кровати. — Куда идти?

— К Антону, — засмеялся Сашка. — Проголодались?

И пока Танька в ванной натягивала джинсы, он объяснил, что в этой летной гостинице экипаж при ночевке получает талоны на комплексное питание. Ужин, правда, жиденький, ничем не отличается от тех порций, что они подают в полете, но лучше что-нибудь, чем ничего. Поэтому все российские экипажи при непредвиденной задержке рейса предпочитают лопать что дают и не тратить драгоценные лиры на еду.

Антон расположился в двухкомнатном одноместном номере со всеми удобствами. Ему, как командиру экипажа, по международным меркам полагался люкс. Но люксов в экспресс-гостинице не было, поэтому за них выдавали то, что было.

В «гостиной», довольно большой, длинной комнате с диваном и креслами, стоял журнальный столик, щедро уставленный бутылками водки. Тут же на нескольких тарелках лежали крупно порезанная копченая колбаса, сыр и черный московский хлеб. На краю один на другом стояли пластиковые контейнеры с летным ужином.

Все уже были в сборе, и Наташка с Сашенькой, и

Антон, и Олег, и радист Игорь Игоревич, не было только второго пилота.

— Знаете, кто самый счастливый человек на земле? — развлекала собравшихся Сашенька. — Папа римский! Каждое утро, придя на работу, он видит своего начальника, распятого на кресте...

Мужчины вежливо посмеивались, косясь на Антона.

— Ой, к вам, Антон Васильевич, это не относится! — спохватилась Сашенька.

— А где Костя? — спросила Динка, оглядев компанию.

За столом повисло неловкое молчание.

— Да он не хочет, — сказал штурман Олег Петрович.

— Он у нас человек некомпанейский, — подхватила Наталья.

— Да и хрен с ним, — сказал Сашка. — Семеро одного не ждут. Давайте вздрогнем. — И он разлил по стаканам водку.

— А за что пьем? — весело спросила Танька.

Игорь Игоревич посмотрел на нее сумрачно.

— За предшественника твоего, Валентина. Вот раз уж собрались всем экипажем, так всем вместе и помянуть надо, а то не по-людски. Его ведь сегодня хоронят.

— Сегодня? — ужаснулась Динка и решительно поставила свой стакан.

— Нет, так нельзя. Я схожу за Костей. Это же поминки, а не просто пьянка.

Сашенька смущенно потупилась, а Сашка недовольно буркнул:

— Как хочешь. Он в двести пятом.

Динка постучала в дверь номера.

— Открыто! — крикнул Костя.

Он лежал на кровати одетый, поверх одеяла и читал книгу. Динка вошла и остановилась посреди номера. Костя смотрел на нее и выжидательно молчал.

— Мы Валентина поминаем, — сказала Динка.

Костя молчал.

— Мне кажется, надо бы... всем вместе...

— Ты так думаешь? — со скрытой насмешкой спросил Костя.

— Вас все ждут, — растерялась Динка.

Этот Костя действительно был каким-то странным.

— Это твоя инициатива? — спросил он.

— Вы о чем, Константин Иванович?

— Ладно. — Он нехотя поднялся, сунул ноги в ботинки и накинул китель. — Заставлять ждать себя нехорошо, так ведь?

— Так, — кивнула Динка.

— Значит, придется уважить коллектив.

— За что вы всех не любите? — не выдержала Динка. — Вы всех презираете, да?

Он остановился рядом с ней и насмешливо прищурился.

— Да просто не люблю я пустой треп. Лучше книжку

почитать. Но раз леди настаивает, если ей без меня скучно...

Динка вспыхнула и уже пожалела, что пришла за ним.

— Вы мне одолжение делаете? — фыркнула она. — Я просто хотела, чтоб было по-человечески...

— Ладно, понял. — Костя посерьезнел. — Придется исполнить свой долг, хоть меня там никто и не ждет.

Динка подумала, что Костя был прав. Ему молча протянули рюмку... и больше не обращали внимания, словно избегали смотреть в его сторону.

Костя сидел со скучающим, отсутствующим видом, словно отработывал тяжкую повинность. Динка в который раз пожалела, что позвала его. Не стоило его насильно тащить. Будет теперь демонстрировать свое недовольство.

Костино появление внесло в коллектив какое-то напряжение. Все занервничали.

— По-хорошему нам бы на похоронах быть, но раз уж экипажу не пошли навстречу... — раздраженно сказал Игорь Игоревич.

— Кто не пошел? — перебила Динка.

— Начальство, — бортмеханик тихонько ругнулся. — Всем по барабану, им лишь бы график не срывать. Вот Антон просил-просил...

— Да ладно, не будем об этом, — заторопился Антон. — Давайте помянем...

— Нет, ты ж просил, ходил, так? — продолжал Игорь Игоревич.

— Так.

— А к кому ходил? К Шестопалову? Или к Резнику?

— Да какая разница?! — Антон начал нервничать. — Я же сказал, что нас менять нецелесообразно, летит весь недельный график.

— Это я понял, — кивнул радист. — Но в порядке исключения... Что такое недельный график по сравнению с человеческой жизнью? Тьфу!

— Это вы мне говорите?! — вспыхнул Антон. — Это вы им скажите. Я вчера допоздна в приемной просидел, и сегодня с утра, перед рейсом...

Динка про себя так и ахнула, но промолчала. И вчерашний вечер, и сегодняшнее утро Антон провел с ней. Вот только непонятно, зачем он врет? Почему не хотел, чтоб экипаж остался на похороны? Или дело в другом? Пообещал народу, а сам расслабился с девочкой и обо всем забыл, а теперь неловко признаться?

Но как бы то ни было, а ей совсем неохота было тащиться на похороны. Лишний повод дать себя побыстрее найти. Хотя...

Динка залпом махнула рюмку, не дожидаясь остальных, и погрустнела. Ведь ее рано или поздно все равно найдут. Если она им понадобится, то, сколько ни бегай, все равно далеко не убежишь.

Ей лучше вести себя как ни в чем не бывало, не прятаться и не сбегать. Тогда они поверят, что стюардесса ни сном ни духом... Но легко сказать. Вот она

только услышала, что бровастый о ней справки наводил, так сердце сразу в пятки ушло.

Танька передернула плечами:

— Бр-р. Просто мороз по коже. У меня сегодня весь день настроение какое-то мерзкое.

— Брось, девочка, — Антон перегнулся через стол и успокаивающе похлопал Таньку по руке. — Ты слишком впечатлительная.

— Нет, правда, — почувствовав к себе внимание командира, сразу закокетничала Танька и выразительно посмотрела на него.

Наталя и Динка одновременно взглянули на Антона. А он, словно кот, тронул Таньку мягкой лапкой и тут же отдернул ее, сделав вид, что ничего не произошло.

«Ого! — подумала Динка. — Еще, как говорится, кровать не остыла, а он уже другую окучивает. Интересно, скольких Наташка ему уже простила? И чего ради прощает?»

Динка легко относилась к связям с мужчинами и считала, что каждый волен делать что хочет. Но ее все-таки задело, что Антон начинает оказывать знаки внимания другой с такой неприличной поспешностью.

Мужчины разлили по новой, разговоры стали громче и бессвязнее и опять крутились вокруг гибели Валентина. Сейчас эта тема волновала всех.

— Ко мне тоже в терминале однажды подкатился один тип, — вспоминала Наталя. — Дескать, вы не

могли бы взять на борт один маленький пакетик? А я вам за это сто баксов дам.

— Ой, надуть хотел! — воскликнула Сашенька. — «Зарядка» борта меньше двухсот не стоит.

— А ты откуда знаешь? — резко повернулся к ней Антон.

— Ой, Антон Васильевич, кто ж этого не знает?! — хихикнула Сашенька. — Все девчонки в курсе. Только многие боятся, мало ли на кого нарвешься. Вдруг подстава? Тогда уволют по статье, и что тогда? Куда сейчас приткнешься?

— Правда, — вздохнула Наталья. — У меня тоже руки просто чесались взять, да рожа его показала подозрительной.

— А у Вальки своя клиентура была, — заявила Сашенька. — Он, кстати, не только сам возил, а и другим экипажам отдавал. Пронесет через служебку к борту, отдаст стюарду, а процент с ним пополам делит.

— Да ему иногда просто звонили, и он подъезжал в аэропорт, даже если в отгулах был, — вставил Олег Петрович. — Я его частенько видел. Покрутится у выхода на поле, шмыгнет туда-сюда и домой.

Антон хмыкнул и передернул плечами:

— Я поражаюсь! Все, оказывается, в курсе! Остается удивляться, почему вы тогда до сих пор на свободе?

— Шила в мешке не утаишь, — философски заметил Игорь Игоревич. — Не слепые же вокруг, не глухие.

«К сожалению... — подумала Динка. — И не немые,

а даже слишком разговорчивые. Услышал бы кто-нибудь из заинтересованных лиц их беседу!»

— Да это еще что! — фыркнула Сашенька. — У нас валюту носят, а в Домодедове слышали, что было?! Там арбуз из Средней Азии передать попросили. Огромный такой, спелый... Ну стюардесса взяла. А на выходе к ней собака бросилась, прям как взбесилась, ни шагу не дает ступить. Наркотики почуяла. Ну этот арбуз вскрыли, а там в красных резиновых шариках пять кило героина! Ловко?!

— А как же они его туда запихнули? Арбуз-то целый был? — спросила Танька.

— С виду целый. А в боку крошечная круглая дырочка. Через нее всю мякоть отсосали и новую начинку наштапиковали. А потом кусочек незаметно вклеили.

— Не повезло девке, — вздохнул Сашка.

— Прикинь, какой облом! — засмеялась Сашенька. — Взяла передачку на свою голову! Теперь сидит в кутузке как наркокурьер.

Антон опять перегнулся через стол к Таньке, теперь он что-то шептал ей на ухо.

Динка вышла в туалет. А когда вернулась, немного подвинула Таньку, так что она оказалась на диване почти что рядом с Антоном, а сама села с краю, рядом с Костей. Он закинул руку на спинку дивана, а потом принялся осторожно перемещать ее на Динкино плечо. Она резко отодвинулась.

Антон тут жеотреагировал, поднялся, обошел стол и склонился над Динкой:

— Ты чего, малыш? Хочешь убежать? А я думал, останешься со мной...

От его дыхания стало щекотно, Динка передернула плечами и отстранилась. Покосилась на Наталью. Та делала вид, что рассматривает картинку на стене: пошлый, дешевенький эстамп.

Танька тоже отвернулась, нарочито оживленно что-то обсуждая с бортинженером Сашкой Смирновым. Конечно, все такие деликатные: якобы никого ничего не интересует. А у самих ушки на макушке.

— Я устала, лечь хочу.

— погоди, — быстро шепнул он. — Сейчас всех разгоню.

Но тут Наталья тоже поднялась и скрылась в ванной. Вышла оттуда уже в наброшенном на шелковую сорочку коротком халатике. Коса расплетена, волосы свободно распущены по плечам. Она зевнула, потянулась и демонстративно принялась втирать в руки питательный крем.

Мужчины переглянулись и сразу стали собираться.

— Ладно, ребята, пойдем ко мне в номер допьем, — буркнул, поднимаясь, Игорь Игоревич.

Сашка и Олег Петрович с готовностью поднялись.

— Спасибо, я пас, — отказался Костя и вышел первым.

— Ох, да и нам уже пора... — пряча усмешку, протянула Сашенька, ехидно покосившись на Динку. Что, мол, съела? Как она тебя обставила?!

Они с Танькой сноровисто собрали со стола, за-

вернули закуску в пакеты и вручили Сашке. Остановились в дверях, поглядывая на Наталью и Динку. Интересно же, кто кого...

— Да, девочки, спокойной ночи, — любезно сказал Антон.

Он на прощание приобнял каждую, прошел мимо Динки и склонился над Натальей. Галантно подал ей руку, и она протянула в ответ свою, умощненную душистым кремом. Антон чмокнул ее в запястье, потянул на себя, поднял Наташку с дивана и, обхватив за плечи, направил к двери.

— Спокойной ночи, моя красавица, — нежно произнес он.

Наташка фыркнула, залилась краской и выскочила в коридор, громко хлопнув дверью.

Всю ночь бушевала гроза. Молнии вспыхивали совсем рядом, ярко освещая номер. И почти сразу за вспышкой следовал удар грома.

Говорят, что электрические разряды молний притягиваются к линиям электропередачи, ко всяким электроприборам, а совсем рядом с гостиницей стояла огромная, выгнутая восьмеркой антенна радиолокатора. И Динке казалось, что это из-за нее, глупой и несчастной, все накопившееся в природе электричество решило разрядиться над аэропортом.

Прекрасная погода для поминок Валентина...

А ведь это грозное предостережение ей, Динке. Это

чьи-то глаза сверкают огнем, полыхают гневом, заглядывая в окно, это чей-то громовой бас раскатисто грохочет, изрыгая проклятия.

Даже ласки Антона не доставляли ей радости. Он не понимал, что с ней, старался расшевелить изо всех сил, а потом устало откинулся на подушку и заснул под сполохи молний. Наверное, пожалел, что оставил у себя ее, а не Наташку.

Она приподнялась на локте и при очередной вспышке молнии всмотрелась в лицо Антона. Оно на мгновение осветилось так ярко, что отчетливо стали видны глубокие морщины, идущие от носа к губам, резкие «гусиные лапки» у глаз. При таком освещении он выглядел значительно старше и суровее, даже что-то отталкивающее проступило в его чертах.

Динка наклонилась и осторожно провела пальцем по продольной складке на его переносице. Антон наморщил нос и отвернулся. Тогда она тихонько поцеловала его в висок. Антон что-то бормотнул и улыбнулся.

Морщинки разом разгладились, и он мгновенно преобразился в милого пухлогубого мальчика. И такого его Динка готова была целовать и ласкать часами. Она опять чмокнула его, на этот раз в ухо, игриво куснула за мочку, но Антон не оценил ее порыва. Он отмахнулся, натянул одеяло на голову и хмуро буркнул:

— Натаха, дай поспать.

— Натаха?! — прошипела Динка и что было сил вмазала ему кулаком в плечо.

Антон очнулся от сна, подскочил и изумленно уставился на Динку.

— Фу... — выдохнул он. — Ты...

— А ты кого хотел увидеть? — ехидно осведомилась она.

— Чего не спишь? — вопросом на вопрос ответил он.

— Страшно...

— Вот глупая. — Он по-хозяйски обхватил ее рукой, подмял под себя и тут же снова заснул, словно щелкнул выключателем.

Динка вздохнула, закрыла глаза, прижалась к теплему боку и незаметно задремала.

Глава 10

— Ты что здесь делаешь? — строго сдвинула брови Наталья.

— Работаю, — сдержанно отозвалась Динка.

Она как раз пересчитывала пластиковые упаковки с водой.

— Кажется, ты прикреплена к экономклассу? — уточнила Наталья.

— Ты велела работать с тобой.

— Ситуация изменилась.

— Да бога ради, не больно-то и хотелось! — Динка фыркнула и повернулась к Наталье спиной.

Хочется ей обслуживать Антона — и пожалуйста.

До тридцати дожила, а так и не поняла, что мужики ценят не тех, что, как пионерки, по первому зову всегда готовы, а тех, что сопротивляются.

Динка прошла в экономкласс, навстречу ей заспешила Сашенька.

Танька Шохина была в полной растерянности.

— Дин, я не знаю... Третий раз пересчитываю — не совпадает.

— Ладно, давай я.

Динка отстранила Таньку и пошла между рядами кресел, внимательно фиксируя в памяти всех сидящих.

— Шесть, двенадцать, пятнадцать, двадцать, двадцать шесть...

— Сколько? — спросила Танька.

— Девяносто два.

— А у меня вышло девяносто три...— Танька была готова расплакаться.

— А по сводке сколько?

— Девяносто четыре.

— Погоди, давай еще раз.

Динка снова вышла в салон. «Шесть, двенадцать, пятнадцать...»

Стоп! Теперь здесь шестнадцать. Кто-то появился на месте 3Б...

Динка всмотрелась в нового пассажира. Ничем не примечательный парень занял свое место посередине,

пристегнул ремень и теперь дремал, прикрыв глаза, в ожидании взлета.

Может, она вначале обсчиталась?

Динка пошла дальше, отмечая в памяти каждого.

— Девушка, когда можно выйти в туалет? — спросила полная дама в пятом ряду.

— Скоро, после набора высоты, — очаровательно улыбнулась Динка.

— Сколько мне ждать?

— Не волнуйтесь. Минут десять — пятнадцать.

— Так долго?! — возмутилась та.

Динка послала ей дежурную улыбку и продолжала в уме судорожный подсчет: тридцать два, тридцать восемь, сорок пять...

Стоп! В прошлый раз место у окна было свободно. Динка точно помнила, что полная дама перегибалась через поручень и заглядывала в иллюминатор. Динка склонилась к ней и спросила по-английски:

— Простите, это место в вашем посадочном талоне?

— Ах нет, — повернулась к ней дама. — Я поменялась с тем молодым человеком. — И она повернулась назад, ткнув в пространство указательным пальцем.

Динка обернулась туда, куда указывала дама, и сразу встретила взглядом с бритоголовым крепышом, который сидел в последнем ряду рядом с проходом. Он был как две капли воды похож на того, из памятной Динке троицы, преследовавшей покойного Павла Кондакова.

Да, точно, он тогда сидел рядом с бровастым... Толь-

ко сейчас на нем вместо крахмальной сорочки с галстуком была кожаная куртка нараспашку, а под ней черный свитер.

Динка быстро отвернулась и попыталась унять внезапную дрожь.

Везет ей как утопленнику.

Неужели специально подгадал? Вдруг они уже начали преследовать ее?

Спокойно! — приказала себе Динка. Главное — не подавать виду.

Она повернулась и пошла дальше по проходу, подсчитывая пассажиров и изо всех сил стараясь не замечать упорного взгляда бритоголового. Дойдя до последнего ряда, она ткнула в бритоголового пальцем и громко сказала:

— Девяносто четыре.

— Чего? — подскочил он. — Что надо?!

— Ничего, — пожала плечами Динка и выдавила глуповатую усмешку. — Расчет окончен.

Она могла поклясться, что при прошлом подсчете этого типа в салоне не было. И не было того парня, с которым поменялась местами полная дама. Зрительная память Динку до сих пор не подводила.

Вот почему сводка не совпадала. Что ж, теперь все на местах. Можно взлетать. Хотя если бы они с Танькой и недосчитались пассажира, это не повлекло бы сильных неприятностей. Гораздо хуже, когда в салоне насчитываешь больше, чем в посадочной сводке, — значит, на борту «заяц», и необходимо снова вести

проверку билетов, которую все равно не заканчиваешь до взлета.

И тогда летит себе неопознанный «зайчик», ты его обслуживаешь, кормишь, поишь, а потом тебе устраивают разборку за то, что плохо следила за посадкой, пропустила на борт лишнего. Еще и премии могут лишить или перевести на землю.

А время работы в наземных службах засчитывают только за половину летного. Значит, придется пахать каждый день, от звонка до звонка, без отгулов, а порой и без выходных. Потому что отдел кадров обязательно обнаружит какую-нибудь недоработку за прошлый месяц или еще что-нибудь...

Потому-то Танька Шохина и обрадовалась, когда у Динки все совпало, даже чмокнула ее в щечку и побежала относить рапорт старшей стюардессе.

А Динка спряталась за шторой и выглянула в салон. Бритоголовый смотрел в окно. Лицо его было напряжено, губы сжаты в тонкую полоску.

Немного расслабился он, только когда лайнер начал разбег по полосе. Бритоголовый крепыш оторвал напряженный взор от окна, откинулся в кресле и прикрыл глаза.

После взлета и набора высоты Динка послала Таньку в салон с водой и конфетками, а сама продолжала наблюдать.

Ни на воду, ни на карамельки бритоголовый не отреагировал. Казалось, он действительно заснул.

Тогда Динка пошла разносить напитки, нарочито

громко предлагая пассажирам вино, виски и водку. Многие морщились от ее резкого голоса, но Динку это не смущало, она видела, что ресницы у бритоголового подрагивают — он следил за ее приближением.

— Джин, тоник, виски с содовой? — Динка нарочно склонилась к нему так близко, что слегка коснулась грудью его щеки. — Могу предложить коньяк.

Крепыш резко вскинул голову и открыл глаза. Несколько томительно-длинных секунд они смотрели в глаза друг другу. Динка даже различила темные пятнышки на радужной оболочке его глаз, странные, словно крошечные родинки.

— Что вы выбрали? — томно промурлыкала она.

— Водку, — изрек бритоголовый.

Динка отмерила ему сто граммов, он залпом опрокинул их в себя и поставил стопку на поднос.

— Еще?

— Да.

Динка плеснула еще сто пятьдесят. Подала блюдо с нарезанным лимончиком и розетку с фаршированными оливками. Для гурманов они носили легкую закуску. Но крепыш только крикнул, приняв на грудь очередную дозу, а закусывать даже не думал.

Глаза уже слегка подернулись осоловелой поволокой, но смотрели по-прежнему пронзительно.

— Еще, — выдохнул он.

Динка вновь наполнила бокал. Крепыш сдался первым.

— Все. Хватит. — Он прикрыл бокал ладонью.

— Уважаю мужчин, знающих меру, — прошептала Динка.

Она пошла по проходу, очаровательно покачивая бедрами и переступая длинными ногами.

С Танькой оказалось на удивление легко работать. Она первая хваталась за самую тяжелую работу, а Динке тактично оставляла руководящую роль. Так что Динка сосредоточилась на подготовке в отсеке, а Танька встала на разноску. Таким образом, Динка больше не попадала в поле зрения бритоголового крепыша. Чему была несказанно рада.

Когда с обедами было покончено, салон погрузился в легкую дрему. Танька сварила кофе и разлила по чашечкам.

— Антону Васильевичу не надо отнести? — подмигнула она Динке.

— Я думаю, его обслужат, — в тон ей отозвалась Дина.

— Сто процентов!

Они переглянулись и засмеялись. Динка подумала, что наконец-то нашла в экипаже родственную душу. Динка привыкла быть одна против всех.

— По-моему, ты не только Антоше приглянулась, — сказала Танька, отхлебнув кофе.

— Кому еще? — приподняла брови Динка. — Сашке? Или Костику?

— Члены экипажа не в счет! Бери шире!

— Что, на меня сам начполетов глаз положил?

Танька фыркнула. Начполетов Капитон Иванович, попросту Капитоша, был такой плюгавый и невзрачный, что его не красила даже роскошная летная форма с золотыми нашивками, от которой обычно даже самый занюханный мужичок превращался в доброго молодца.

— Да нет, Бог миловал. Здесь у нас такой крепенький, бритенький, без тебя мается. Все выглядывает, не идешь ли.

— Крепенький? — Динка сделала вид, что не помнит такого. — Это какой же? В начале салона?

— В конце. Последний ряд.

— Нет, не заметила. — Динка с сожалением покачала головой.

— Да ты сама глянь!

Танька приподнялась, отодвинула штору и выглянула в щелочку.

— Ну?

— Смотрит! Ой, прям глазами ест! Все, подруга, это любовь! Вот так начинается большое и светлое чувство!

— Ой, да брось ты! — Динка кокетливо отмахнулась. — Показалось тебе. А может, это ты его прельстила, а? Небось так попкой виляла, что парнишка с катушек съехал?

Танька с готовностью расхохоталась, даже сползла по стеночке на пол. Уселась, коленки выше ушей. Динка и не думала, что напарница окажется такой хохотушкой.

...Танька Шохина только казалась простушкой-хотушкой. Ее хорошенькая мордашка с конопушками и рыжими кудряшками делала ее похожей на веселую, озорную девчонку-непоседу.

На самом же деле Танька твердо усвоила, что простушкам легче жить, к ним не предъявляют особых претензий, на них всегда смотрят с улыбкой. Их не берут в серьезный расчет, им не завидуют, в соперницы такие не годятся. Легче попасть в хороший экипаж, лучше репутация, проще сходитьсь с людьми.

От природы Танька была замкнутой и не любила веселье. Она всегда боялась, что с ее близкими непременно случится что-нибудь страшное.

Из близких у Таньки были только мама и двухлетняя дочка. Такой крошечный подарок на память от возлюбленного. Он не принял Таньку всерьез, а она не умела настаивать и качать права. Даже о своей беременности она сообщила ему с улыбочкой.

— Ты знаешь, а я жду ребенка, — сказала она, проклиная себя за то, что губы сами собой расплываются в улыбку. — Кажется...

— Как дождешься, сообщи, — ответил любимый.

— А мы разве не поженимся? — улыбаясь спросила Танька.

Он и это расценил как шутку:

— Подрасти сперва.

Таньке было всего семнадцать. А в восемнадцать она родила Дуську. Дульцинею Московскую, как она представляла ее всем знакомым. Все смеялись над за-

бавным словосочетанием и забывали спросить о папаше.

А папаша, когда животик у Таньки стал округляться, понял, что все не в шутку, а всерьез, провел с Танькой строгую беседу. Он больше не шутил, и она не смеялась. Он объяснил, как ему важно закончить институт, что он не готов к тяжелой миссии главы семьи и что, в конце концов, он совсем не мечтал жениться на такой дурочке.

— Просто ты меня не любишь. — Танька и в этот раз не сдержала кривую улыбку и этим облегчила ему ответ.

— Просто не люблю, — легко согласился он.

После этого разговора Танька на время перестала улыбаться и только плакала. Она его очень любила, все время думала о нем, иногда приходила к его дому вечером, смотрела, горит ли в его комнате свет...

Потом ходить с огромным животом стало тяжело, потом родилась Дуська и бегать за бывшим любимым стало просто некогда.

Мама не дала Таньке сидеть дома. Она взяла на себя воспитание внучки, а Таньку послала на языковые курсы. После спецшколы иностранный давался ей легко, так что знание языка и симпатичная веселая внешность сыграли свою роль — Таньке предложили получить специализацию стюардессы международных авиалиний. Что она и сделала легко и с улыбочкой, словно играючи.

Через шесть месяцев учебы на престижных курсах

в Шереметьеве, на тех самых, о которых слишком поздно узнала Динка, Танька уже ловко управлялась в салоне международного авиалайнера.

Мама вышла на пенсию, поскольку Танька была ребенком поздним, и Танька стала в семье единственной кормилицей.

На новой работе Таньке нравилось все: и красивая форма, и возможность посмотреть мир, и приличный для двадцатилетней девчонки оклад. Было только одно «но»... Танька панически боялась высоты. Но эту проблему она пыталась преодолевать все с той же улыбочкой... И тайну свою хранила как зеницу ока...

— После полной остановки двигателей мы пригласим вас пройти к выходу, — Динка улыбнулась и открыла бортовую дверь.

Пассажиры послушно сидели в креслах, ждали сигнала. Совсем не то что на внутренних рейсах, где все выстраиваются в безобразную длинную очередь к выходу, едва самолет коснется шасси бетонки. Совковая привычка во что бы то ни стало оказаться в первых рядах, хотя преимущества в этом никакого: все равно автобус ждет всех.

В Шереметьеве автобусов не было — лайнер подруливал прямо к терминалу, так что был шанс первым занять таможенную стойку, а вот поди ж ты — никто не торопится. Другая ментальность.

Динка стояла в дверях, каждому улыбалась на про-

щание и кивала, а боковым зрением наблюдала, как приближается к ней бритоголовый.

Вот он поравнялся с ней, замедлил шаг, пропустил вперед замешкавшегося вьетнамца и оказался самым последним.

— Счастливого пути, — повернулась к нему Динка.

— Спасибо, — буркнул бритоголовый. — Поди сюда, поговорить надо.

— Со мной? — изумилась Динка, ноги сразу предательски подкосились.

— Ну да. Ты ведь Дина Лебедева?

— Я, — пролепетала она.

— Значит, не обознался. У меня фотографическая память, — хвастливо заявил бритоголовый.

— А мы разве раньше встречались? — удивленно проямлила она. — Нас кто-то знакомил?

— Хочешь познакомимся? — Он нагнулся к ней низко-низко, так что Динка почувствовала на своем лбу его горячее дыхание.

От страха она закокетничала еще отчаяннее.

— Конечно... — И состроила глазки, а потом протянула ладошку лодочкой: — Дина... Очень приятно... А вы?

— И я, — ухмыльнулся крепыш. — Мне тоже приятно.

Динкину руку он проигнорировал, зато крепко обхватил ее за плечи.

— Так где нам потолковать, чтоб не мешали? Может, поедem в одно славное местечко?

«Совсем за дуру держит, — решила Динка. — Ну это к лучшему. Дурой и прикинемся».

Она, как бы сомневаясь, оглянулась на стоявшую поодаль Таньку.

— Ой, даже не знаю... Мы с подружкой в театр собирались...

— В театр? — обалдел крепыш. — А чего там делать?

— Смотреть, — Динка похлопала глазами, — спектакль.

— Какой?

— «Три товарища», — с готовностью сообщила Динка. — Там такой мальчик играет!

— Да сдался тебе этот мальчик вместе со своим театром. Пойдем лучше в кабачок, а потом у меня на дачке видик посмотрим, если тебе так на мальчиков смотреть охота.

— Ой, даже не знаю... — Она растерянно огляделась, словно ей очень хотелось принять такое выгодное предложение. — Я подумаю...

— А что тут думать? — хохотнул крепыш. — Совместим приятное с полезным, а, лапочка?

— А что будет полезным? — поинтересовалась Динка. — Бассейн с сауной? Или массаж?

— И массаж, если захочешь, — пообещал он.

— Но мне ведь еще смену сдавать... — Динка отчаянно вздохнула.

— Ничего, я подожду.

— Ага. — Она быстро прижалась к нему. — Подо-

жди. Знаешь где? Прямо внизу, справа от входа, у справочной.

— Заметано.

— Только... — Динка быстро оглянулась и прижалась губами к его уху. Для этого пришлось встать на цыпочки. — Только... парень у меня... Ну ревнивый очень... Мне надо так смотаться, чтоб все тихо было...

— Нормально! — хохотнул крепыш. — Еще б не ревновать! Хоккей! Буду ждать у справочной.

— Я приду. Я скоро, — заверила Динка.

Бритоголовый теперь уже не казался таким страшным. Настроение у него значительно улучшилось, видно, решил, что Динка будет легкой добычей.

Динка понимала, что радоваться рано. Его ведь, наверное, встречают. И беседовать с ней не один он будет.

— Ты здесь заканчивай, а я сейчас, ладно? — бросила Дина Таньке и заспешила в кабину экипажа. Только бы Антон еще не вышел! Только бы оказался на борту!

Глава 11

Антон, Костя и Олег Петрович все еще были в кабине, когда к ним ворвалась Динка. Вид у нее был еще тот: волосы растрепаны, блузка расстегнута до половины, край выбился из юбки, китель наброшен на одно плечо.

— Спасите! — отчаянно завизжала она, припадая в поисках защиты к ближайшей широкой груди. Ею оказалась как раз грудь Антона.

— Что случилось? — мужественно спросил он.

— Антон Васильевич, миленький! Мальчики! — Динка зажмурилась и всхлипнула. — Я боюсь... Он меня... ждать будет.

— Кто?! — повысил голос Антон.

— Не знаю даже! Тип какой-то! В нашем салоне летел, а потом как привязался, тянет за собой, типичный бандит: ужас!

— Небось сама ему глазки строила? — строго спросил Олег Петрович.

— Да вы что?! — с неподдельным ужасом пролепетала Динка, крепче прижимаясь к Антону.

— По-моему, пора издать указ, регламентирующий длину юбок у стюардесс, — на полном серьезе заявил Костя.

Динка ткнула его в бок кулачком:

— Тебе смешно! А меня, может, убить хотят!

— Ну, думаю, что не убить... — насмешливо протянул он. — Но что хотят, это точно... Только непонятно, что в этом страшного?

— Заткнись! — сорвался Антон. — А ты объясни спокойно. — Он погладил Динку по плечу.

— Я и объясняю. Подкатился один тип. Бритый, страшный, плечи — во! Стал за руки хватать, ну и... за все остальное... — Динка смущенно потупилась. — Требовал, чтоб я с ним пошла.

— А ты? — спросил Костя.

— Отказалась! — возмущенно вскинула на него глаза Динка. — Он совсем не в моем вкусе.

— А если бы был в твоём? — поддел Костя.

— Я сказал: прекрати! — прикрикнул Антон.

— Ну видите? — Динка продемонстрировала полуспущенный китель и расстегнутую блузку. — Стал меня тащить. Я вырвалась, а он сказал, что ждать будет и все равно меня с собой поведет. А если не пойду, убьет...

Она наморщила нос и выдавила из глаз несколько слезинок.

— Черт его знает, — задумчиво сказал Олег Петрович. — Эти придурки накурятся всякой дряни, а потом у них крыша съезжает.

Антон кивнул:

— Да. Небось ширнулся в туалете и куражится.

— Он ширнулся, ему хорошо, а мне что делать?! — воскликнула Динка, переводя взгляд с одного на другого. — Мужчины, миленькие, придумайте что-нибудь!

— А что тут думать? — строго сказал Антон. — Просто иди рядом со мной, и все. Покажешь мне этого типа.

— А если он подойдет?

— Подойдет — я сам с ним разберусь.

— Я с вами, — решил Костя.

Антон хотел было возразить, но подумал, что в неизвестных обстоятельствах помощь может ему пригодиться. Тем более что Олег Петрович как-то сразу заторопился и поспешно покинул кабину.

... Через несколько минут после отчаянных рыданий Динкино личико снова сияло свежестью. Глазки подведены, щечки нарумянены, реснички подкрашены, в глазах живой блеск. Она весело щебетала, вышагивая между Антоном и Костей, держала их обоих под руки и гордо стреляла глазками по сторонам: все ли видят, какие представительные у нее кавалеры?

На самом деле Динка зорко высматривала бритоголового крепыша, а заодно и его приятелей, если они окажутся поблизости. Черт его знает, справятся ли Костя с Антоном, если этих типов окажется несколько.

Крепыш отирался у справочного окошка, справа от входа, как и велела Динка. Чуть поодаль галдела плотная толпа встречающих: одновременно прибыло несколько рейсов. Но даже в толпе было понятно, что бритоголовый один, не считать же за его банду нескольких нервных дамочек у справочной.

Зрение у крепыша оказалось отличным. Он изда- лека заметил Динку и двинулся ей навстречу. Похоже, присутствие Антона и Кости его не смущало. Только жидкие рыжеватые брови удивленно поползли вверх: все-таки бритоголовый не ожидал такой наглости.

Динка поймала его взгляд и выразительно указала глазами на своих спутников: вот, дескать, видишь, ведут под конвоем!

Бритоголовый замедлил шаг. Динка умоляюще сложила губки дудочкой: умоляю, не выдавай!

Крепыш помешкал, видимо, мысли в бритой голове

ворочались с трудом. Потом все же остановился, не дойдя до Динки несколько метров.

— Этот? — тихо спросил Антон, не поворачивая головы.

— Угу, — не разжимая рта, промычала Динка.

— Улыбайся, — велел Костя.

— А я что делаю? Скоро рот порвется!

Динка метнула взгляд на крепыша, нахмурилась, прикусила губку и отчаянно вытаращила глаза. Всей своей мимикой она старалась донести до тупоголового простую мысль: уходи! Сделай вид, что мы не знакомы! А то мне придется плохо, видишь, какие серьезные со мной ребята!

До него наконец-то дошло... Слава богу, на секунду раньше того, как Костя шагнул в его сторону с явным намерением объясниться. Крепыш резко повернулся и пошел прочь. Все трое остановились и проводили его взглядом.

— Да, рожа явно бандитская, — задумчиво сказал Костя.

— А мне кажется, я его уже видел... — заметил Антон.

— Когда? — вскинула на него глаза Динка.

— Не знаю... Мало ли... Может, когда через салон проходил... Просто такая физиономия поневоле врежется в память.

— Мне тоже врезалась, — сообщила Динка. — И как-то совсем не хочется видеть ее еще раз.

— Думаю, что не увидишь, — пообещал Костя. — Парниша понял, что у тебя крутая защита.

— А если он меня дома подкараулит? — вцепилась в его рукав Динка.

— С какой радости? — Антон недоуменно вскинул брови. — Он ведь тебя в салоне приметил?

— Ну!

— Откуда же ему знать твой домашний адрес?

— От верблюда! — разозлилась Динка. — А откуда он знает мое имя и фамилию?

Антон оторопел:

— погоди, ты ничего не путаешь?

— Нет, я твердо знаю, что Дина Лебедева — это я, — съязвила Динка. — Что за глупые вопросы?! Говорю вам, он за мной, наверное, давно следит!

Антон задумался и помрачнел. Потом потер пальцем переносицу. Он всегда так делал, когда нервничал.

— С чего бы это?

— Влюбился! — фыркнула Динка. — У такого уroda шекспировские страсти!

— Нет, дело не в этом, — глубокомысленно изрек Антон.

— А в чем? — быстро глянул на него Костя. — Ты знаешь? Может, поделишься с товарищами?

— Не знаю, — буркнул Антон. — Может, и влюбился... Он мне не докладывал. Но... вполне возможно, что он наводил о Дине справки.

— Зачем? — опять встрял Костя.

— Ой, мальчики, я вспомнила! — затараторила

Динка. — Вчера Сашенька говорила, что меня кто-то спрашивал, а я не придавала значения.

— Кто? — нахмурился Антон.

— Откуда мне знать? — удивилась Динка. — Я же его не видела. Какой-то мужик, судя по всему незнакомый...

— Так... — протянул Антон. — Час от часу не легче. Ты на нашем рейсе без году неделя, а уже клиентурой обростаешь?

Динка обиженно захлопала глазами и всхлипнула:

— Какой клиентурой, Антон Васильевич?! Вы что?!

Костя усмехнулся. Антон даже не удостоил его взглядом. Он сверлил Динку глазами.

— Я не в том смысле.

— А в каком? — невинно поинтересовалась она.

— Ты поняла.

— Нет.

— Давай без обиняков. — Он крепко взял ее за плечи. — Ты брала какие-нибудь передачи?

— Нет.

— Точно?

Динка нахмурилась, всем видом демонстрируя оскорбленную добродетель.

— И никто тебе ничего не предлагал?

— Никто... — Динка смотрела командиру прямо в глаза не мигая. — Вы о каких передачах говорите, Антон Васильевич? О тех, за которые Вальку... того?

— Тише! — Он испуганно оглянулся. — Верю, не

брала. Может, тебя хотят вместо Вальки использовать, чтоб снова канал открылся?

— А зачем? — наивно спросила Динка. — Девочки говорят, что этим многие занимаются, зачем же меня специально заставлять? Легче ведь другую найти, кто этим уже промышляет...

— Ты об этом вообще забудь! — Антон вдруг сорвался на крик. — С нас хватит одного... Когда же это кончится?

— Что — это? — тихо спросила Динка.

По тому, как не на шутку испугался Антон, она поняла, что все может оказаться гораздо серьезнее, и сказала жалобно, уже не играя:

— Антон, я боюсь... Я не поеду домой... Я даже на улицу не выйду... — и еще крепче вцепилась ему в рукав.

— Тише, оторвешь. — Он мягко отстранил ее. — Не бойся. Я же тебя не бросаю.

— Давай... куда-нибудь поедем, — понизила голос Динка.

Костя тактично отвернулся.

— Зачем куда-нибудь? — удивился Антон. — Поедем ко мне.

— А Наташа?

— У нее есть своя квартира, — раздраженно ответил Антон. — Я думаю, она уже поняла, что ей пока не стоит у меня появляться.

— Ну... — Динка сделала вид, что колеблется. — Мне кажется, у меня нет другого выхода?

— Нет, — подтвердил Антон. — Сейчас отдохнешь, расслабишься, и мы все обсудим. Думаю, все-таки у тебя нет повода для такого беспокойства...

Динка активно завозражала. Антон улыбнулся:

— Я понимаю, ты напугана, но не преувеличивай опасность. Просто какой-то дурак начал тебя настойчиво добиваться. С мужчинами такое бывает.

— Спасибо, утешил, — фыркнула Динка.

Костя расхохотался.

— Я тоже думаю, что ты зря переживаешь, — сказал он. — Хотя, конечно, тип неприятный. Лучше ему сегодня на глаза не попадаться. А там у него хмелек выветрится, прочухается, и твой светлый образ у него из памяти сам собой исчезнет.

— Хорошо бы, — искренне вздохнула Динка.

— Ну ладно, что мы стоим? — Антон обхватил Динку за плечи и решительно направился к служебной стоянке машин, небрежно бросив Косте через плечо: — Пока.

— Классная у тебя тачка!

Динка искренне восхищалась, устраиваясь поудобнее на мягком велюровом кресле темно-синего БМВ. Она потрогала рычажок воздуховода, включила кондиционер, потом щелкнула клавишей магнитофона и откинулась назад.

— Дорогая?

— Какая разница? — хмыкнул Антон. — Главное, хорошо бегают.

Он мягко тронулся с места и поднял глаза в зеркало дальнего вида. Что-то заметил там и нахмурился.

Динка оглянулась. Вслед за ними со стоянки выруливал черный джип с тонированными стеклами.

— Ведь это служебная стоянка, сюда со стороны не пускают? — спросила она Антона.

— Да.

— А у кого из наших такая тачка крутая?

Антон опять глянул в зеркало и тихо выругался.

Глава 12

Нежась в густой ароматной пене, Динка с интересом осматривала ванную. На красивых стеклянных полочках множество флаконов и пузырьков с масками, шампунями, тюбики с кремами — все сплошь дорогие.

Наверное, все это тщательно подбирала Наталья. Чувствовалась женская рука и незаурядный вкус. И зеркальные шкафчики были развешаны так, что удобно было оглядывать себя со всех сторон. А толстые махровые полотенца, банные халаты, купальные шапочки и даже тапки были одинаковыми и подобраны в тон темно-малахитовым стенам.

Динка даже тихонько присвистнула, прикинув мысленно, во сколько могла обойтись такая роскошь.

Одна ванна с гидромассажем потянет тысячи на три баксов. Интересно, откуда такие деньги?

— Малышка, ты еще долго? — заглянул в ванную Антон.

Защелки на двери не было — видимо, хозяева не считали нужным уединяться друг от друга.

— Ой, так хорошо... — протянула Динка.

— Ты так аппетитно плещешься, что хочется присоединиться, — заявил Антон.

— Присоединяйся, места хватит. — Динка шаловливо брызнула в него пеной. — Спинку потрешь!

Он не заставил себя долго упрашивать, мгновенно скинул одежду и влез в ванну. Обхватил скользкое Динкино тело, развернул спиной, наклонил... Динка ухватилась руками за поручень и застонала.

Антон такой сильный, такой волевой, такой избрательный и неутомимый... Он единственный умеет доставлять ей такое наслаждение, он ведет себя, как хозяин, и это ей ужасно нравится...

— Антоша... — выдохнула она.

А потом он ее баловал. Сам вынул из ванны, вытер, закутал в большой уютный халат и отнес в гостиную на диван. Сварил кофе, налил в низкие широкие бокалы-тюльпаны темно-янтарный коньяк, достал коробку конфет.

Динка блаженствовала. Внутри разливалось разнеженно-счастливое чувство. Любовь?

Да, решила она про себя, это любовь. Но его невозможно не полюбить, вот я и попалась. А думала, что непробиваемая, вертела хвостом как хотела... Все равно было, что один, что другой...

Раньше ей нравилось, что ее любят, и она просто откликалась в ответ, а сейчас Динка любила сама. И это чувство переполняло ее. Казалось, еще чуть-чуть — и она взлетит от восторга, как воздушный шарик.

Сейчас она забыла и о припрятанных у Вадика баксах, и о самом Вадике, и о неприятном крепыше — сейчас во всем мире для нее существовал только Антон.

У него глаза... синие-синие... Мужественный подбородок... А какие ласковые руки...

Динка млела и чувствовала себя теперь растопленным маслом, медленно растекающимся по кожаной обивке дивана.

Антон сел рядом, подал ей бокал и обнял.

— Это французский, семилетней выдержки, — сказал он. — Не глотай сразу, а поддержи немного во рту. Чувствуешь вкус?

Динка послушно затаила дыхание и набрала в рот коньяк. Обжигает.

Она быстро глотнула и сунула в рот конфету.

— У нас неправильно пьют коньяк, холодным, как водку, мгновенно проглатывают, — сказал Антон. — А его надо греть в ладонях, чтобы он напился живым теплом. Вот так.

Он поднял бокал и показал Динке.

Она согласно кивнула. Она вообще сейчас готова была соглашаться с каждым его словом. Так здорово было ощущать себя с ним одним целым...

— Успокоилась? — спросил Антон. — А теперь постарайся вспомнить, что необычного ты заметила в тот день... Ну в свой первый рейс на Рим.

Он говорил небрежно и вкрадчиво, словно это простой дружеский треп, но Динка сразу напряглась. Она так и осталась полулежать в небрежной позе в его объятиях. Пожалуй, даже прижалась к нему посильнее.

— Ничего, милый, — мурлыкнула она. — Я так волновалась, что совсем ничего не помню...

— А почему ты волновалась, глупышка? — Он нежно коснулся губами ее виска.

— Ну, как же! Первый полет в таком экипаже... Ты мне сразу понравился, боялась опозориться, — смущенно пролепетала Динка.

— А Валентин? Может, он делал что-нибудь странное?

— Он был так мил, — вздохнула Динка. — Он почти все делал сам, я ему только помогала.

— А в салоне кто работал?

— В основном я.

— Может, кто из пассажиров вел себя странно?

— Антошенька, говорю же, я так волновалась... Помоему, я все время смотрела под ноги.

— Это зачем? — не понял он.

— Чтоб не споткнуться, — пояснила Динка. — У меня знаешь какие каблукки были? Во!

— О господи! — вздохнул он. — При чем здесь каблуки? Я говорю с тобой о Валентине. Пойми, это важно. Ты можешь сосредоточиться?

— С трудом, — честно сказала Динка.

— Вспомни, может, он что-нибудь прятал? Какой-нибудь сверток? В шкаф или в свою сумку?

— Ты считаешь его за идиота? — обиделась Динка. — Если Валентину и нужно было бы что-то спрятать, то для этого у него была масса возможностей. Пока я ходила по салону, можно было слона частями на борт пронести и по закуточкам распахать.

— Верно, — задумчиво сказал Антон.

— А что он прятал, Антоша? — невинно спросила Динка.

— Если бы я знал!

Он опять потер переносицу и выпил коньяк залпом.

Динка думала, что в ванной они оставили все силы, но, взбодренный коньяком и кофе, Антон и в постели оказался на высоте.

Динка едва дышала, разметавшись по широкой кровати. А он гладил ее ноги, живот, грудь, осторожно щекотал губами соски. И Динка опять чувствовала, как ее наполняет желание.

— Я больше не могу, — простонала она. — У меня нет сил...

— А тебе не надо ничего делать, — усмехнулся Антон. — Ты просто лежи.

Динка опомниться не успела, как уже чувствовала себя тестом для бубликов, которое скручивается в чьих-то ловких руках, а потом его обжигает жаром... И нечем дышать... И хочется вырваться, но еще больше хочется, чтоб стало еще горячее...

— Если ты что-нибудь вспомнишь, скажи, — обняв ее, шепнул, засыпая, Антон.

Утром Динка вспомнила, что нужно позвонить родителям. Мама, наверное, волнуется, особенно после того что произошло.

Динка проснулась чуть свет, Антон еще сладко сопел под одеялом. Чтоб не будить его, она взяла телефон и отправилась на кухню.

Мама вставала рано, так что Динка не боялась потревожить ее ранним звонком.

— Привет, — как можно бодрее сказала она. — Это я. Есть новости?

— Диночка! С тобой все в порядке?!

— Ну конечно, все, я вернулась из рейса. Нам пришлось ночевать в Риме, была гроза.

— А у нас снег выпал, — сказала мама.

— Я заметила, — буркнула Динка. — Я стою у окна.

Она отодвинула штору и замерла. Все девственно нетронутое, чистое-чистое, словно первозданное.

— Первый день творенья, — восторженно прошептала Динка.

Она с детства любила вот такие «утра первого

снега», когда вся грязь, скука и тоска скрываются под белой пеленой — и сразу становится радостно и празднично. Ведь это так здорово, когда черное сменяется белым!

— Говори громче, не слышно! — потребовала мама. — Какое варенье?

— Вы обращались в милицию? — спросила Динка. — Воров нашли?

— Ах, воров! — Мама засмеялась дребезжащим смехом. — Ты знаешь, Диночка, у нас даже заявление не приняли. Ничего ведь не пропало... Говорят, нам хулиганов ловить некогда, у нас убийства нераскрытые...

— А икона? — спросила Динка.

— Так она же ничего не стоит, — вздохнула мама. — Говорят, если бы старинная была, другое дело, а так...

— Ясно...

Динка вдруг услышала в трубке отчетливый щелчок, и маму сразу стало хуже слышно, словно кто-то подключился к линии или снял параллельную трубку.

— Алло! — тут же крикнула мама. — Ты куда пропала?

— Я здесь, — Динка инстинктивно понизила голос. — Ладно, пока, я только хотела сказать, что жива-здорова.

— Подожди, ты когда приедешь? — встрепелась мама. — Ты помнишь, что у папы скоро юбилей?

— Конечно, помню, — заверила Динка. — Все. Целую. Выберусь, как будет время.

Она аккуратно повесила трубку. И снова машинально глянула в окно.

Что такое? На девственно белом поле, на чистой пелене появилось огромное черное пятно. Оно возникло как раз под ее окном, неподалеку от козырька подъезда.

Черный джип с тонированными стеклами пропахал по снегу колею, выворотив наверх черные комья не успевшей замерзнуть грязи. Сзади, из выхлопной трубы, поднимался вверх синий дымок. Несколько секунд корпус автомобиля слегка вибрировал, как у закончившего посадочный пробег самолета. Затем обе правые дверцы распахнулись, и из джипа на снег выбрались три крепыша в черных куртках и темных спортивных штанах.

Джип был очень похож на тот, что выруливал за ними со стоянки аэропорта.

Динка даже не успела сразу испугаться, настолько ее разозлило то, что эти козлы принялись топтаться на месте, превращая прекрасный, свежий, чистый покров в грязную кашу. Она даже кулаки сжала.

Но в следующую секунду она поняла, что джип появился не просто так и что «козлы» явились по ее душу.

Они перестали топтаться и двинулись к подъезду. Один остался стоять снаружи, а двое скрылись под козырьком.

Динка отпрянула от окна, выскочила в коридор и заметалась по нему, не зная, что делать. На ней не

было даже тапочек. На глаза попался длинный кожаный плащ Антона. Динка накинула его прямо на голое тело, сунула босые ноги в его ботинки и выскочила на площадку.

Она успела закрыть за собой дверь черного хода как раз в тот момент, когда на площадке остановился лифт.

Что делать? Мамочка... Ни одной мысли в голове, сознание словно парализовало.

Динка стучала зубами от холода и страха, кутаясь на холодной грязной лестнице в мужской плащ. Как назло, в парадном было выбито стекло и сквозняк гулял по лестничным пролетам, холодный ветер задувал в окно пригоршни легких снежинок. Они таяли, не успев коснуться пола, и падали вниз уже мелкими каплями.

Стараясь не стучать огромными ботинками, которые так и норовили свалиться с ноги, Динка добралась до последнего этажа, а потом по узкой железной лестнице вскарабкалась к чердачному люку. Но чуда не произошло — чердак был накрепко заперт. Динка напрасно дергала стальную дверцу. Проклятый ботинок упал-таки вниз с каким-то неправдоподобным грохотом. Динка даже зажмурилась и зачем-то втянула голову в плечи.

Дом еще спал. В подъезде было так тихо, что отчетливо становились слышны все звуки. Динка слезла

с железной лестницы и замерла, потому что внизу, на Антоновом этаже, вновь зашумел лифт. Кабина шла вверх.

Динка метнулась к площадке и дернула дверь, ведущую в общий коридор. Она даже не надеялась на успех: обычно в таких домах выходящую к лифту общую дверь держат на запоре. А тут она вдруг легко подалась. Видимо, на последнем этаже у жильцов притупилось чувство безопасности.

Динка скользнула в общий коридор и захлопнула за собой дверь. Потом наугад подскочила к одной из дверей и нажала кнопку звонка.

В сонной тишине он прозвучал оглушительно.

Через несколько томительно долгих минут за дверью раздалось шарканье, и хриплый ото сна женский голос спросил:

— Кто там?

— Откройте, пожалуйста, — жалобно попросила Динка. — Это я, Маша, ваша соседка.

— Какая Маша? — недоуменно поинтересовалась женщина, но дверь все же приоткрыла.

— Маша, с пятого... — шмыгнула носом Динка. — Я еще с собачкой гуляю...

Она твердо знала, что в высотках, особенно в новых, соседи плохо знают друг друга, а если кого и запоминают, то собачников, которые вечно крутятся во дворе.

— С собачкой? — Дверь приоткрылась шире. — Это у вас доберман или догиня?

— Догиня, Альма... — Динка всхлипнула еще жа-

лобнее. — Вы простите... У меня муж... Ну мы поругались... Он меня ударил...

Женщина сочувственно посмотрела на Динку. То, что она стояла голая, в мужских ботинках и мужском плаще, вызывало доверие к ее словам.

— Вы простите... Я очень замерзла... А домой идти боюсь... Но не в этом дело... Можно от вас позвонить?

— Надо вызвать милицию. — Женщина решительно распахнула дверь и кивнула Динке: — Проходите. Это безобразие!

— Спасибо...

Динка юркнула в спасительную квартиру, а лифт остановился на последней площадке.

Приютившая ее соседка оказалась дамой внушительных размеров. Она стояла посреди холла в халате поверх ночной рубашки.

— Какой подлец! — Она возмущенно накручивала диск телефона. — Сейчас мы его прищучим! Будет знать, негодяй!

Динка кивала, ее била крупная дрожь.

— Алло! Милиция! — закричала дама. — Срочно выезжайте по адресу Новосушевский, 12. Разбойное нападение! — Она повернулась к Динке и спросила: — Какая квартира?

— Сорок, — наобум ляпнула Динка.

— В сороковой квартире. Кто вызывает? Соседка. Из шестидесят второй. Иванова В. И. Да побыстрее, знаю я ваше «сейчас»... И будьте добры, вашу фами-

лио. Да, я хочу знать, кто принял вызов,— строго сказала она и повесила трубку.

— Приедут? — с надеждой спросила Динка.

— Как штык, — заверила ее мадам Иванова. — Может, хотите чаю? Вы вся дрожите.

— Спасибо, не откажусь.

Динка прошла на кухню и выглянула в окно. Джип все еще стоял у подъезда, один из братков топтался рядом.

Дама сноровисто передвигалась по небольшой кухне, на удивление умудряясь не задеть ни один угол. Она заварила чай, достала из шкафа варенье, мед, сгущенку, а из резной деревянной хлебницы сушки, булочки и кусок коврижки.

— И часто он так? — сочувственно спросила соседка.

— Да нет, — пожала плечами Динка. — Когда сильно выпьет.

— Он что же, пьет? — заинтересовалась соседка.

— Нет, что вы! — испугалась Динка. — Мы из гостей вернулись, а он там меня приревновал. — Она смущенно потупилась.

— Понятно, — неодобрительно протянула дама. — Значит, вы, милочка, дали повод.

— Ей-богу, нет! — заверила Динка. — Если честно, то это он мою подружку под столом за коленку хватал. Я сама видела! Представляете?! Такой подлец!

— Ясно, — кивнула дама. — Лучший способ защиты — нападение. Старо как мир. Мой вам совет, го-

лубушка, вы сдайте его на пятнадцать суток, не жалейте. Пусть посидит на баланде, пометет улицы, а в следующий раз подумает, прежде чем кулаки в ход пускать.

— Да, — решительно кивнула Динка. — Так и сделаю. Мое терпение кончилось. А то я скрываю, а все думают, что он такой положительный...

Она выглянула в окно. Рядом с джипом затормозил милицкий «уазик» с мигалкой. Из него выпрыгнули несколько бравых ребят с автоматами.

— Пойду. Спасибо вам.

Она успела заметить, что трое братков поспешно запрыгнули в джип и тот сорвался с места.

— Счастливо, — поджала губы дама. — И построже с ним!

— Конечно, — заверила Динка. — Я ему спуску не дам.

Она спустилась вниз и осторожно заглянула в открытую дверь квартиры Антона.

Антон, живой и невредимый, обеспокоенно метался от кухни к ванной и полушепотом звал:

— Дина! Ты где?!

— Здесь, — тихо отозвалась она.

— Фу, черт! Что ты там делаешь?!

У Антона была разбита губа и под глазом наливался багровый кровоподтек.

— Прячусь.

— От кого?!

— От этих, на джипе... — Динка шмыгнула носом. — Это ведь они за нами вчера ехали?

— А почему ты в таком виде?! — напустился на нее Антон.

— Ты не ответил.

— Они, — буркнул он. — Это мои знакомые. Зря испугалась. Только позоришь меня, бегаешь по подъезду в чем мать родила! Что соседи подумают?!

— Все еще спят.

Но милицейский шум уже переполошил весь дом. Они упорно ломились в сороковую квартиру, и Динка сейчас совсем не завидовала ее жильцам.

— Что с тобой? — Она потянулась рукой к его губе, но он отпрянул. — Это они, да?

— Кто ментов вызвал?

— Я, — пролепетала Динка. — Думала, они испугаются...

Антон удивленно посмотрел на нее:

— Соображаешь...

— Это я от страха, — успокоила его Динка.

— Честно говоря, они вовремя... — Антон потрогал фингал под глазом. — Черт, придется в черных очках ходить.

— Они хотели нас убить? — всхлипнула Динка.

— Если б хотели, убили бы, — «утешил» Антон. — Ограничились разговором.

— О чем?

— Меньше знаешь — крепче спишь, — ответил он.

...Она дрожала под одеялом, жалась к теплому боку Антона, но никак не могла согреться.

— У, льдышка, — бурчал Антон.

— Ты лучше грей, а не разговаривай. — Динка прижалась к нему крепче. — О чем они с тобой говорили?

— Да так, — буркнул Антон. — Должок один хотели получить.

— Большой?

— Да нет, чепуха. Не бери в голову.

— Надо было указать ментам на их джип, — спохватилась Динка. — Забрали бы их, и все дела...

Антон не на шутку испугался.

— Думай, что говоришь! — шикнул он. — С милицией свяжешься — еще хуже будет.

— Ты оптимист... — вздохнула Динка.

Глава 13

Меньше знаешь — крепче спишь. Динка проспала полдня как младенец, а вот Антон проворочался с часок и не выдержал.

Когда Дина открыла глаза, в квартире было очень тихо. Даже часы не тикали. С улицы тоже не доносилось ни единого звука.

— Антон! — позвала она, потянувшись.

Никто не ответил.

Честно говоря, Динка даже обрадовалась тому об-

стоятельству, что осталась одна. Она занялась типично женским делом — принялась совать нос куда не просят.

Перво-наперво обследовала шкаф. К ее удивлению, в огромном зеркальном шкафу-купе женских вещей не было. Разве что кружевной пеньюар с ночной рубашкой. Динка натянула пеньюар на себя, отыскала под кроватью Наташкины тапочки и отправилась в ванную.

«Я как Машенька в «Трех медведях», — с усмешкой подумала она. — Хозяйничаю тут, а вот сейчас Наталья появится и зарычит: «Кто спал на моей кровати и помял ее?!»

Но женская интуиция подсказывала ей, что Наташка тут вовсе не хозяйка и мало на что имеет право. Хранить ночнушку и крем для лица позволяют не жене, а приходящей любовнице. Странно. Девочки говорили, что они давно живут вместе, да и Наталья себя вела почти как супруга...

Вот как все раскрывается! Динка хихикнула.

Дура Наташка, не сумела себя правильно поставить. Ну уж она, Динка, не позволит с собой так обращаться! Вот только решит сначала, нужен ли ей Антон.

Потом Динка захотела есть. В холодильнике нашла сыр и колбасу. Сделала себе кофе. После легкого завтрака она перебралась в кабинет Антона и с интересом начала рассматривать книги в массивных ореховых шкафах.

У него приличный вкус. Динка привыкла, что ро-

дители относились к книгам как к единственной ценности. У Антона была прекрасная библиотека. Собрания сочинений, энциклопедии, антология мировой фантастики, специальная литература, много технических справочников и пособий по аэродинамике. Сразу видно, что здесь живет умный, серьезный, интеллигентный человек...

Вот только не вязался этот образ с тем неутомимым плейбоем, которого она узнала за последние несколько дней. Не был он похож и на тирана, не позволяющего любимой женщине обживатьсь в своей квартире.

Динка уселась в широкое кожаное кресло, потрогала клавиатуру компьютера, повертела в руках электронную записную книжку, выдвинула ящик письменного стола. Там хранились какие-то бумаги, папки с документами, валялся старый пропуск с оторванной фотографией, а под бумагами — плотный синий конверт. Конечно же Динка чисто машинально потянула его на себя и открыла.

Конверт был незаклеен, внутри лежала плотная стопка стодолларовых купюр. Динка быстро пересчитала их — около двадцати тысяч. Ничего себе! Богатенький Буратино! Она сунула конверт с баксами обратно и поспешно закрыла ящик.

А если бы сейчас в кабинет вошел Антон, что бы он подумал?

Привел в дом девочку, а она шарит по его нехитрым тайничкам. Хороша любимая! В конце концов, хра-

нить дома свои сбережения никому не воспрещается, особенно после банковского кризиса.

Динка даже почувствовала, как кровь прилила к щекам. Стало стыдно, словно ее застали за чем-то нехорошим. Она тут же выскочила из-за стола и поспешно вышла из кабинета.

Проклятое любопытство! Вечно она сует свой нос куда не следует и наживает неприятности!

Динка быстро переделась в свою летную форму, а Натальин пеньюар сунула обратно в шкаф. Не она его туда клала, не ей и вынимать.

Не успела Динка чинно усесться у окна на кухне, как в двери заворочался ключ и явился Антон. Он притащил полную сумку продуктов, бутылку вина и мороженое.

— Ванильное? — разочарованно протянула Динка. — Я люблю шоколадное.

— Правда? Извини, — растерялся он.

Видимо, ванильное любила Наталья... Динка приготовила отличный обед, который они с удовольствием уплели вместе под хорошее вино и заели — черт с ним! — ванильным мороженым.

По графику выпало лететь первым рейсом, и они собрались в аэропорт затемно. Динка впервые не думала о том, чтоб успеть к открытию метро и не опоздать на маршрутку. Она умиротворенно дремала, прислонившись к плечу Антона.

Он загнал машину на стоянку, галантно помог Динке выйти и включил сигнализацию.

— Черт, чуть не забыл! — воскликнул он, доставая из внутреннего кармана плотный синий конверт. — Положи к себе в сумочку. На борту отдашь.

Динка взяла конверт и незаметно провела пальцем по краю — конверт был заклеен. Она сунула его в сумку и невинно осведомилась:

— А что там?

— Чепуха, — обезоруживающе улыбнулся Антон. — Кое-какие бумажки, документы...

Динка с сомнением посмотрела на конверт. Для ее сумочки он был великоват — занимал все свободное место.

— Ой, даже не знаю... — протянула она. — А вдруг я полезу за помадой и нечаянно его выроню? Ты лучше возьми себе, если там что-то важное...

Антон скрипнул зубами, но конверт забрал и спрятал за пазуху.

— Ты рассердился? — Динка взяла его под руку и заглянула в глаза. — Но я правда такая растеряша...

— Ладно, — буркнул Антон. — Проехали. Хотя, честно говоря, в женщинах мне нравится аккуратность. Ты это учти, малышка.

— Учту, — пообещала Динка, вспомнив вылизанную Натальей до блеска квартиру Антона.

— Что ты оглядываешься? — спросил он. — Все еще боишься?

— Нет, — заверила Динка. — С тобой мне ничего не страшно.

Она внимательно смотрела по сторонам, но ничего подозрительного не заметила.

Бортинженер Сашка Смирнов предпочитал помалкивать, когда дело не касалось лично его. Да и зачем наживать себе неприятности, зачем лезть куда не просят. Он исправно выполнял свои обязанности, все другое его просто не интересовало.

Все знали, что Сашка женат, но никто никогда не видел его дражайшую половину, а женщины авиаотряда прекрасно знали, что Смирнов к тому же неисправимый бабник.

Впрочем, и в этом Сашка умудрялся не переходить грань. Он флиртовал направо и налево, раздавал поцелуйчики, делал многозначительные намеки, но не более того. Он всегда соглашался выпить с ребятами после работы, но никогда не приглашал в гости, не ходил с другими в баню, не ездил на рыбалку.

Молча проверяя показания приборов, Сашка думал о том, что проклятая теща Лидия Ивановна опять наплетет Любке. А она в последнее время стала такая нервная и злая, что лучше не трогать.

Бизнес у Любки накрывался медным тазом, заказы, которые ей обещало правительство Москвы, отдали другой фирме. Сашка чувствовал, что над головой жены сгущаются тучи. А если Любка в эти выборы не

сумеет стать депутатом, то ее вполне могут привлечь к уголовной ответственности. Крупный бизнес кристально честным не бывает.

«Вот тогда она больше не сможет меня попрекать!» — злорадно подумал Сашка. Хотя если с Любкой что случится, то и ему мало не покажется. Ведь это благодаря ее связям он работает по специальности, да еще на заграничных рейсах. Без вмешательства высокопоставленных дружков жены сидел бы Сашка сейчас там, где ему положено было сидеть еще три года.

Семь лет тому назад уже тогда серьезная бизнес-дама сумела отмазать от срока своего молодого возлюбленного. Она даже вышла за него замуж, а молодой муж тут же взял фамилию жены. Любе Смирновой тогда было уже сорок, и она сквозь пальцы смотрела на «детские шалости» выпускника МАИ, попавшего по глупости в дурную компанию. Нынешние авторитетные преступные группировки, поделившие на сферы влияния всю Москву, тогда еще казались не такими страшными. Братвой становились просто из тяги к приключениям, авантюрам и красивой жизни.

Сашку взяли во время наезда на один из филиалов фирмы Любы Смирновой. И ему очень повезло, что хозяйка решила лично посмотреть на рэкетиров.

С ее помощью он отучился в Центре повышения квалификации при Университете гражданской авиации, прошел стажировку в авиационно-техническом центре Шереметьево и стал летать бортинженером на престижных заграничных рейсах. Большого, по сути, Сашка в жизни и не хотел.

...А теперь, судя по всему, Любка пролетит по своему одномандатному. Против нее там выставился еще более крутой бизнесмен, да и поддержка у того посерьезнее.

Сашке даже думать не хотелось о том, что будет, если смирновская империя рухнет.

Предполетная суэта захватила Динку целиком. Наталья просто загоняла всех, Динку в особенности. Она отправила Динку готовить туалеты.

Самый обшарпанный был в хвостовом отсеке. Для того чтобы зеркало потеряло тусклый налет, а старый унитаз приобрел белый цвет, надо было драить их до боли в руках. Самое обидное, что, сколько ни делай, плодов работы все равно не видно.

— Плохо, — удрученно качала головой Наталья, никак не желая принимать Динкину работу. — Попробуй еще. Возьми «Санитарный», да не бойся испачкать ручки...

Динка сжала зубы и молча драила толчок, стараясь оттереть несмываемые ржавые подтеки. «Санитарный» ужасно вонял хлоркой и разъедал руки даже сквозь перчатки. Динке казалось, что она вся тоже уже пропиталась запахом хлорки.

Началась посадка, пассажиры постепенно заполняли салон, а Динка все терла жуткий унитаз. Пару раз к ней заглянули самые нетерпеливые, Динка на них рявкнула, а потом просто заперла дверь изнутри,

чтоб зря не трепали нервы. Очень приятно, когда приличные мужчины видят тебя за столь прозаическим занятием.

Ну, Наташка, удружила! Никогда ее не волновал этот чертов сортир, всегда сама говорила, что помочь здесь может только капремонт! Да Динка ей сама повод дала. За удовольствия надо расплачиваться.

...Сначала она решила, что ей послышалось. Вот думает об Антоне, и уже его голос всюду мерещится...

Динка выпрямилась и притихла. Голос раздавался совсем рядом, прямо за дверью, в узком коридорчике, отделенном от салона плотной пластиковой шторой. Говорил Антон очень тихо, так что Динке приходилось изо всех сил напрягать слух и сдерживать свое шумное дыхание.

Кто-то пару раз дернул дверную ручку.

— Закрыто, — сказал незнакомый голос.

— Еще рано открывать, — успокоил Антон. — Здесь никого.

— Давай.

— Это последний раз, я больше не могу рисковать, — торопливо сказал Антон. — Сейчас через одного предполетный досмотр.

— Это я сам решу, — отрезал незнакомец. — На тебе такой должок, что вообще не вякай.

— Я не брал, — Антон старался говорить твердо. —

Я ваш пакет вообще в глаза не видел. Вы ведь с Валентином договаривались.

— А кто нас с ним свел? — ухмыльнулся незнакомец. — Считай, ты за него поручился.

— Я вам вчера предлагал. — Голос у Антона сорвался. — Возьмите квартиру, машину, я все документы подпишу...

— На хрен мне твоя квартира! В «нычке» икона была, рублевской школы. Тебе ясно объяснили: это «лимон» баксов! Ты расплатишься, разве что эту колымагу загонишь.

— Угнать самолет? — ошалело переспросил Антон.

— Шучу, — хмыкнул незнакомец. — Кому там, на хрен, твоя развалюха сдалась! Ты Маму найди. Понял? Найди и вывези. Не будет Мамы, не будет и тебя.

Наталья поглядывала в Динкину сторону и радовалась. Бледный вид и удрученный взор соперницы говорил о том, что месть удалась. Да и польза ощутимая — хвостовой туалет давно уже не был таким стерильно чистым.

А Динка машинально делала бутерброды, разливала по стаканам напитки, но сама полностью отключилась от происходящего. Все мысли вертелись вокруг подслушанного разговора.

Она не ошиблась. Антон замешан в махинациях еще круче, чем Валентин. Он работает на бандитов...

И он обещал им вывезти за границу икону и деньги...
Вот же гад!

Стоп! — тут же возражала она себе. Это благодаря Антону она еще жива. Это он прикрывает ее собой. Он ведь собирался отдать им все, что имеет, даже квартиру, лишь бы их оставили в покое. Кто же знал, что речь идет не о ста тысячах, а о миллионе...

Так вот почему за пропажу иконы поплатились жизнью и Валентин, и Павел Кондаков...

И главное, иконка такая маленькая, невзрачная. Дерево тусклое, позолота вся стерта... Рублевская школа... Это какой век? Кажется, пятнадцатый? Или шестнадцатый? Да ведь это, наверное, национальное достояние! Историческая ценность! Такие реликвии нельзя вывозить за рубеж.

Ни фиги себе! Иконку свистнули!

Просто рука не поднимается отдать этим сволочам такую ценность.

Этот Павел, которого убили, наверное, хотел спрятать реликвию от братков, а его выследили... А может, вор у вора украл? Кто их там разберет...

Что же делать? Мысли перескакивали с одного на другое. Динка то ненавидела Антона, то находила ему оправдания, то думала завтра же слетать в Сочи и вернуть сверток бандитам, пусть подавятся, хотя понимала, что делать этого нельзя. Вряд ли свидетеля оставят в живых...

Господи! Замкнутый круг!

А еще сверлила мозг одна нехорошая мысль...

Может, Антон подозревает ее... И никакая у него не любовь вспыхнула, а просто он держит Динку к себе поближе, а сам все расспрашивает, ждет, вдруг проболтается...

А что, если ему бандиты это велели?

— Динка, ты заснула?! — раздался над ухом пронзительный голос Таньки Шохиной.

Дина вздрогнула и обнаружила, что льет минералку мимо стакана. Уже и поднос полон, и на пол стекает. Она охнула, схватила тряпку и принялась вытирать лужу.

Одно немного успокаивало: все-таки Антон им пока нужен... Раз не убили... И ей будто чудом удается избегать встречи с бандитами тет-а-тет. Ведь можно что-нибудь придумать. Безвыходных ситуаций не бывает. Динка это твердо знала.

Глава 14

— Что с тобой, малышка? Ты что-то бледненькая...

— Я плохо спала. — Динка повернулась к Антону.

Странно, что он сам подошел к ней. Обычно он не имел привычки расхаживать по салону во время полета.

— Обижаешь, — шутливо протянул он. — Я старался... — А глаза при этом оставались напряженными.

«Надо все ему рассказать! — решила Динка. — Надо

сесть вместе и помозговать, как нам обоим выпутаться из этого дерьма. Антон умный, он сумеет что-нибудь придумать».

Она улыбнулась ему. От этой мысли стало чуть легче.

— Чего хочет мой командир? — спросила она. — Что мы забыли ему подать, из-за чего ему пришлось покинуть свой ответственный пост и доверить штурвал недостойным?

— Тебя, — шепнул он.

— На блюдечке с голубой каемочкой?

— Можно и в натуральном виде.

— Ну а если серьезно?

— Ничего, просто вышел размяться. Мышцы затекли. — Антон с хрустом потянулся.

— Хочешь бутербродик?

— Хочу.

Он взял с подноса канапе с ветчиной, сыром и оливкой, отправил в рот и принялся жевать, преувеличенно жмурясь от удовольствия.

— Нравится? — заглянула ему в глаза Динка.

— Мне нравится все, что ты делаешь, — заверил Антон.

Он жевал, а сам прикидывал, куда можно спрятать в салоне небольшой пакет? Да куда угодно! Вот в этой клетушке для бортпроводниц и то отыщется несколько укромных уголков.

А что, если малышка ни при чем?! Что, если Валька сам заныкал сверток на борту? И лежат себе миллион сто тысяч баксов тихо-мирно где-то совсем рядом, а из-за них у всех вокруг головы с плеч слетают...

Нет, Валентин не был идиотом. Он понимал, что если ребята пришли с разговором, то шутить не будут. И под пытками не стал бы ничего скрывать. Да он выдал бы свой тайник, едва к нему поднесли бы па-яльник!

Любой нормальный человек, которому дорога его шкура, поступил бы так. И Антон тоже.

Значит, Валька все же не виновен. Эти кровожадные козлы убили человека, но ничего не добились.

Страшно подумать, что было бы, подойди он к Вальке в тот день хоть на секунду...

Ну да, можно убить его, убить Динку, замочить следом и Наталью, и весь экипаж, а ничего не получить взамен.

Интересно, куда девчонка дела деньги? Они говорят, что искали и у нее, и у предков, и даже на даче... Пусто.

Они и у Натальи искали... А у него нет. Почему?

Вчера он еле утешил Наташку. Едва успокоил, эта дуреха уже хотела в милицию бежать. Хорошо, что он заскочил к ней по пути из супермаркета. Хотел убедиться, что не наделает глупостей, не соберется явиться незваной гостьей.

А у нее такое в доме, не до гостей! Все шкафы

вывернуты, вещи на полу горой, и посуда, и книги, и документы — все вперемешку.

— Не хнычь, — сказал он ей. — Молча убери и забудь. Это из-за Вальки.

Наташка умница, она все поняла. Только спросила зачем-то:

— Динка у тебя, что ли?

— Да, — не счел нужным скрывать Антон.

— Я заеду за вещами, — сказала она. — Вот только приберу.

— Конечно.

— Тогда после рейса, — решила она и даже чмокнула его в щеку на прощание.

Она не спросила, что у нее искали...

Что, если это она? — вдруг подумал Антон.

В тихом омуте черти водятся. Ведь Наташка постоянно была рядом. Черт его знает, могла и подслушать, чего не следует. Или Валька с ней снюхался и отдал икону и деньги. А молчал под пытками, чтоб Наталью не выдать. Может, и сам надеялся, что выживет...

Точно! Валентин на Наташку давно глаз положил. Этого только слепой не видел. А Наталья к нему тоже благоволила. Это он, дурак, верил, что она влюблена как кошка и больше ни на кого и не глянет. Нельзя верить женщинам...

Да за миллион баксов и любовь, и верность — все побоку можно пустить! Что такое семь прожитых вместе лет?

Но у нее же ничего не нашли, возразил себе Антон.
У нее — да. А если она спрятала сверток у него?!
Чудо, что эта мысль не пришла в голову бандитам!

Наталья готовила к разноске спиртное. Она повернулась к Антону и подняла на него свои голубые глаза-блюдца:

— Ты проголодался? Я к тебе сегодня не заглядывала...

Гордая Наташка посылала Сашеньку обслуживать экипаж. И вообще старалась не попадаться ему на глаза.

А сейчас смотрела с такой тоской и нежностью, что у Антона защемило сердце. Ему даже стыдно стало за свои подозрения.

Не могут лгать такие глаза. Наталья его любит, это же видно. Это приятно льстит самолюбию, но разрушает все его умозаключения.

Даже если Наташка была с Валькой в сговоре, то уж после его гибели по всем законам жанра должна была положить дар к ногам любимого. По крайней мере постаралась бы откупить его, оторвать от Динки. Ведь если она поддалась на искушение богатством, то и его бы постаралась переманить тем же способом.

А она уступила его сопернице практически без боя. Только переживает внутри, вон как осунулась, крути под глазами...

Нет, это не Наташка!

— Что с тобой? — Она коснулась ладонью его щеки. — У тебя такие глаза...

Антон осторожно взял ее руку в свою:

— А у тебя все нормально?

— Не совсем. — Наталья быстро отвернулась. — Я потом скажу. Не сейчас.

— Хорошо, как хочешь.

Он опять поймал устремленный на него грустный, какой-то затравленный взгляд... Нет, так не смотрят потенциальные миллионерши.

Наталья с трудом боролась с тошнотой. Над Альпами они попали в воздушную яму, лайнер плавно ухнул вниз, словно с горки скатился, а желудок по инерции подпрыгнул вверх. Во рту скопилась противная, кисловатая слюна.

Сомнений больше не оставалось. Грудь набухла так, что тронуть больно... И эта противная тошнота...

Ну и что ей делать? Еще месяц назад, когда они с Антоном зачинали этого ребенка, у Натальи не было никаких сомнений. Будущее казалось ясным и понятным. Они поженились, Антон будет хорошим отцом, она отсидит положенные три года с малышом, а потом снова вернется в его экипаж. Ребенку они наймут хорошую няню, чтоб не волноваться при непредвиденных задержках рейса.

Она даже прикидывала, куда поставить кровать... Но потом решила, что лучше им сделать обмен, со-

единить ее квартиру с Антоновой. Можно выбрать большую, где-нибудь на «Речном вокзале», чтоб было ближе к аэропорту. Тогда удастся выделить комнату под детскую и там же пока устроить няню.

Она думала о ребенке уже несколько лет, считая, что их затянувшиеся неопределенные отношения по-может сделать нормальной семьей только ребенок.

Она так хотела наконец-то обрадовать Антона новостью. Но у них ничего не получалось. И вот на тебе! Долгожданная беременность наступила, когда отношения практически прекратились...

Черт принес в экипаж эту вертихвостку! Если бы не она...

Ну ничего, еще не все потеряно. Неизвестно, какотреагирует Антон на ее сообщение. Хотелось надеяться, что он обрадуется и вернется под надежное крыло верной подруги.

Наталя едва удержалась, чтоб не сказать ему, когда он взял ее за руку. Но она тут же одернула себя. Нет, это слишком серьезный разговор, чтоб вот так, наспех, в закутке, куда каждый может войти...

Чуть позже. К такому разговору надо основательно подготовиться.

А Динка заметила, что после нее Антон направился к Наталье, и задумалась. Говорят же: муж и жена — одна сатана. Ну так чем черт не шутит? Если Антон в этих делах замешан, то, может, и Наташка в курсе?

То-то она удивлялась, что Наташка уступает мужика почти без боя. А если она специально устранилась, чтоб Динка растаяла в Антошиных объятиях да в пылу страсти секретик и выболтала?

Что, если Антон хочет сам заполучить заветный сверточек да и дернуть с ним куда подальше? Вот не вернуться к обратному вылету в каком-нибудь зарубежном аэропорту командир экипажа и одна из стюардесс, что тогда?

Может, он потому и защищал ее, прикрывал от бритоголового, чтоб она не бандитам под пытками место тайника назвала, а ему? А стоит за кордон смыться, никакие бандиты, никакие мафиози его не вычислят. Земной шарик большой. Сменит фамилию, оседет в заштатном городке и будет жить всю оставшуюся жизнь припеваючи.

Антон вполне может рискнуть, как только отыщет икону и деньги. А незнакомцу он свой страх для отвода глаз демонстрировал. Динка ведь прикидывается круглой идиоткой с той же целью.

Глава 15

— Иди к машине, — сказал Антон. — Я сейчас.

Он увидел Юрку Никифорова и остановился, чтобы поговорить.

Динка внутренне напряглась, но мило улыбнулась и послушно пошла к стоянке. Наталья обогнала ее,

вышла в раздвижные стеклянные двери и, аккуратно балансируя, направилась к остановке маршрутки.

Динка обратила внимание, что она идет как-то слишком аккуратно, как ребенок, впервые вставший на коньки. Ломака, воображала!

Сама Динка разбежалась и прокатилась на ледовой раскатанной дорожке, проскользив вниз по пандусу с приличной скоростью.

— Динка! Ты на автобус? — крикнула от дверей аэровокзала Танька Шохина.

— Не-а! — Динка обернулась и помахала ей рукой. — Я на машине!

— Ладно! Пока! — Танька заспешила вслед за Натальей.

А Динка повернула за угол, к служебной автостоянке... и чья-то рука крепко зажала ей рот, и в глазах разом потемнело.

Очнулась она от боли. Жутко ныли сведенные за спиной руки, болела голова, ломило в висках. Динка открыла глаза и застонала. Даже смотреть было больно.

Она все же различила, что полулежит на заднем сиденье джипа. За его тонированными стеклами были видны стволы заснеженных деревьев. Джип стоял на лесной поляне, а по бокам от Динки сидели двое братков, в одном из которых она с ужасом узнала бровастого громилу.

Впереди, на месте водителя, сидел бритоголовый крепыш. Он повернулся, посмотрел на Динку и спросил:

— Очухалась?

Она с трудом кивнула, выдавила улыбочку и пролепетала, словно рада этой встрече:

— Ой, привет...

— Вежливая, — усмехнулся бровастый. — Не надоело бегать? Мы уже с ног сбились за тобой гоняться.

Динка облизнула губы и жалобно спросила:

— Зачем же по голове бить? Я ведь не нарочно...

— Что — не нарочно?

— Ну... я ведь говорила ему про парня... Так получилось... Мог бы еще раз свидание назначить, я же не отказывалась.

Бритоголовый кивнул:

— В общем, да... Было дело.

— У нее таких, как ты, десяток по всему СНГ, — ухмыльнулся бровастый. — А строит из себя девочку-припевочку!

— Какой десяток, вы о чем? — возмутилась Динка, с ужасом подумав, откуда им это известно?

— Она еще и с командиром спит, — добавил сидящий слева щекастый.

— А что? Я не замужем, — торопливо затараторила Динка, стараясь не выдать свой испуг. — Так что имею право... Гуляй, пока молодой. Еще и песня такая есть...

— Хватит, — устало сказал человек, сидящий впереди, рядом с бритоголовым. Лица его Динка не ви-

дела — только толстый, красный затылок, сливающийся с шеей.

— Да уж, — поддержал бровастый, и Динка тут же получила удар под дых.

Она ахнула и согнулась, не в силах вдохнуть.

— Дошло? — осведомился бровастый. — Или добавить?

— Не надо... — прошептала Динка.

— Где?

— Что?

Тут же последовал второй удар, еще более ощутимый. От боли Динка заплакала.

— Вы яснее можете говорить? Я правда не понимаю...

— Сейчас поймешь, — пообещал бровастый, и Динка почувствовала, как ей в бок ткнулось твердое дуло пистолета.

— Ты взяла кое-что чужое, девочка, — спокойно пояснил сидящий впереди. — Тебе дали на время, чтоб сохранила, а теперь пора вернуть. Так что скажи, куда ехать, мы заберем и тебя отпустим.

— А правда отпустите?

— Честное комсомольское, — засмеялся щекастый.

— А вы вот это сперва уберите... А то еще нажмете нечаянно.

— Ты не торгуйся, — оборвал ее бровастый.

Динка уже и сама поняла, что дальше ваньку валять бесполезно. Ребята настроены решительно. Еще и

вправду спустят курок... И на хрена тогда труп баксы? И никто не найдет ее в этом лесочке...

Только сомнение в том, что она останется жива, удерживало ее от того, чтобы назвать браткам сочинский адрес Вадика. Да и Вадик с ней за компанию...

— Мы все знаем, — сказал бритоголовый. — Твой напарник раскололся, когда ему пятки прижгли. Так что не тяни резину.

Стоп! Динка чуть не подпрыгнула от удивления. Разве Валентин мог им что-нибудь про нее сказать? Ведь он и сам ничего не знал!

— Может, и ее паяльничком? — задумчиво спросил бровастый. — Чтобы память освежить.

Вот те раз! Она думала, что ее вычислили наверняка, ведь она и вправду главный подозреваемый после Вальки. Особенно когда упомянули всех ее ухажеров... А они просто запугивают...

Динка заревела в голос, шмыгая носом и захлебываясь слезами.

— Не надо... Я боюсь!..

— Прекрати, — брезгливо бросил сидящий впереди.

Но Динка зашлась еще пуще:

— Я ничего не знаю! Честно! Я вообще не понимаю, что вы хотите... А с Валькой я ни разу не спала, мы вообще один рейс вместе слетали...

— Кто о чем, а вшивый о бане. — Он начал терять терпение. — Выбрось эту сучку.

Бровастый открыл дверцу, вышел и за шиворот вы-

волок Динку. Сильно ударил по лицу и бросил ее в снег.

Динка упала ничком, уткнувшись лицом в пушистый сугроб. Лицо обожгло холодом, снег забился за воротник. Она схватила губами немного снега, чтобы унять боль в разбитой губе.

Щекастый выбрался следом и больно пнул ее ботинком под ребра:

— Говори, бля!

— Что? — всхлипнула она.

Бровастый подскочил к Динке, и она скорчилась под градом ударов. Каратист он, что ли? Или боксер? От боли перехватило дыхание, она разлилась по всему телу, и Динке захотелось опять потерять сознание, чтоб больше ничего не чувствовать. Но, как назло, она не отключалась, только стонала.

— Все, ты меня вывела! — Бровастый направил на нее пистолет.

— Ой, не надо... — Динка беззащитно выставила вперед ладонь. — Я не знаю, что говорить... А Валентина я вообще один раз видела... а потом вы его...

— Слышь, пацаны, я узнавал, — подал голос бритоголовый. — У нее тогда правда первый рейс был.

— А сегодня последний, — отрезал бровастый.

Динка смотрела на дуло пистолета. Оно с каждой секундой казалось все ближе, и скоро весь мир сузился до этой черной пугающей точки.

Неожиданно ее мучители выпрямились и замерли, глядя, как на поляну въезжает потертая «шестерка» с

заляпанными грязью номерами. Она остановилась неподалеку от джипа, правое переднее стекло опустилось, и оттуда выглянул представительный седой мужчина.

— Что здесь происходит? — строго спросил он. — Вы на что время тратите, уроды?

— Блин, Папу принесло, — пробормотал бровастый, опуская пистолет.

Щекастенький рысцой рванул к «шестерке», согнулся подобострастно и что-то принялся сбивчиво объяснять седому.

— Кончай балаган, — велел из машины седой.

— Да не она это, я ж говорил, — повернулся к машине бритоголовый.

— Садитесь, — велел седой.

— А она? — ткнул пальцем в Динку щекастый.

— Не натешился?

— Не успели, — хихикнул он.

— Идиоты. — Седой дал команду водителю, и «шестерка» с невиданной прытью рванула с места.

Парни уселись в джип, дверцы захлопнулись. Мотор взревел, и джип, пробуксовывая в снегу и выплевывая из-под колес грязные ошметки, помчался вслед за «шестеркой».

Динка с трудом приподнялась на локте и посмотрела ему вслед. Ей казалось, что сейчас он остановится и бровастый выстрелит в нее напоследок.

Но джип скрылся за деревьями, гул мотора затих, и Динка осталась совсем одна на лесной поляне.

Быстро смеркалось. Тени стали густыми, синими, а стволы деревьев начали сливаться в сплошную серую пелену...

Она вновь открыла глаза, когда было совсем темно. Руки онемели от холода, а ног Динка вообще не чувствовала.

Она перевернулась на живот, и тело сразу пронзила острая боль под ребром. Даже вдохнуть полной грудью было невозможно.

Неужели эти гады сломали ей ребра? Динка поморщилась, осторожно встала на четвереньки и попыталась выпрямиться. В несколько приемов ей это удалось.

Она огляделась в растерянности. Куда идти? Где она находится? В голове шумело, ноги, оттого что Динка начала двигаться, покалывало мелкими противными иголками, но это даже радовало.

Раз у нее что-то болит, — значит, она живая. И слава богу! Честно говоря, она уже не верила, что ей удастся уцелеть.

Шапка и сумочка куда-то подевались. Динка нагнула на голову капюшон пуховика, а вот в сумочке были ключи, деньги, а главное — сигареты. Курить хотелось смертельно.

Динка зачерпнула в пригоршню снег и сунула в рот. Потом слепила снежок и прижала к распухшему носу. Ну и красавица она сейчас, наверное!

Странно, что бандиты ей все же поверили... Но больше так рисковать нельзя, надо избавиться от этого проклятого свертка. От него одни неприятности.

Она побрела наугад, с трудом передвигая ноги, проваливаясь в снег, загребая его голенищами сапог.

Между деревьями показался просвет, и Динка направилась туда. Пару раз она провалилась по пояс в снег и едва сумела выбраться. Сапог слетел с ноги, и его пришлось искать, долго шарить впотьмах в сугробе. Потом Динка напоролась на разлапистую ель и поцарапала лицо об упругие колючие ветки. Но просека с каждым шагом становилась все ближе, и это придавало силы.

Наконец Динка обхватила руками опору высоковольтной линии, прижалась щекой к холодному металлу и отдышалась. Боль под ребрами стала тупой и ноющей, и это вселяло надежду, что там все же не перелом, а просто ушиб.

На открытом пространстве гулял ветер, с тонким свистом завывая в проводах. Отсюда было видно небо, темно-синее, усыпанное звездами. Ажурные мачты тянулись в обе стороны и терялись вдаль, сливаясь с небом.

Однако справа вдруг промелькнули два далеких огонька. Потом еще. Словно кто-то далеко-далеко поводил фонариком.

Да это же шоссе! — с радостью сообразила Динка. Высоковольтная линия пересекает какую-то трассу...

Она отлепилась от опоры, покачнулась и двинулась потихоньку вперед, к мелькающим огонькам, передвигаясь от столба к столбу...

Глава 16

— Подождите, я поднимусь за деньгами, — попросила Динка.

— Только недолго.

— Не бойтесь, не обману, — попыталась улыбнуться она.

— А я и не боюсь, — усмехнулся водитель.

Динка поймала его в пятидесяти километрах от города на Щелковском шоссе. Он долго торговался о цене, несмотря на то что видел, в каком она состоянии. На удивление омерзительный тип. Голос по-бабски визгливый, нос свернут на сторону. Наверное, кто-то дал ему от души за вредность, злорадно подумала Динка.

Она глянула на себя в зеркало заднего вида и ужаснулась. В гроб краше кладут. Под носом и на губе запеклась кровь, щека расцарапана.

— Где это тебя так? — неприязненно покосился на нее водитель.

Наверное, принял за проститутку, что катаются с дальнобойщиками.

— Бандиты, — честно ответила Динка.

— Да ну тебя, — отвернулся он. — Кому ты сдалась!

Ты мне, кстати, накинь еще сотню за грязь. Вон с тебя какая лужа натекла, всю обивку испортишь.

Гнусный жлоб. Интересно, есть у него девушка? И как она умудряется любить такого уроды?

— Вместе пойдем, — сказал парень, выходя с Динкой из машины. — Так надежнее, а то ищи тебя потом.

Динка напрасно трезвонила в дверь, Антон не открывал.

— Ну что? — нетерпеливо спросил поднявшийся с ней водитель. — Никого?

Динка пожала плечами:

— Не знаю, куда он делся...

— Картина Репина «Не ждали»! — хохотнул парень. — И что дальше? Кто мне деньги отдаст?

Они спустились к машине. Динка подняла голову и посмотрела на Антоновы окна. Темно. Куда он мог уйти? Хотя, может, спит? Все-таки три часа ночи...

Она тоже ужасно хотела спать, просто глаза слипались. А еще хотелось в горячую ванну... и снять с себя эту противную мокрую одежду, выпить кофе и выкурить наконец сигаретку.

Этот убогий жлоб даже сигаретой не мог угостить. Он, видишь ли, не курит! Праведник чертов!

— Давай на Каширку, — вздохнула Динка.

Придется ехать домой. Хоть и не хочется, там не убрано с тех пор, как братки учинили погром, но не

родителей же пугать в таком виде. И потом, с ней уже побеседовали по душам, так что хуже не будет.

— Через всю Москву? — взвизгнул парень. — Совесть имей! Ты уже на четыре сотни накаталась.

— Еще сто для ровного счета, — устало сказала Динка. — Тебе выбирать не из чего. Денег у меня все равно с собой нет. Не хочешь, я могу и в подъезде посидеть, пока метро не откроется.

Она и вправду с удовольствием свернулась бы калачиком хоть на ступеньках.

— Ну ты и сучка! — ахнул водитель.

— Я знаю. — Динка вздохнула. — Думай быстрее, я правда уже отрубаясь.

— Ладно, — решил он. — Садись.

Деньги Динка заняла у соседки, тети Кати. Она долго всматривалась в глазок, потом охнула, открыла, сунула пятисотку стоявшему рядом с Динкой водителю, а ее втощила в квартиру.

— На меня напали, — пожаловалась Динка. — Сумку вырвали и шапку сперли.

— Тебя не изнасиловали? — сверлила ее глазами тетя Катя.

— Нет, что вы! Не сезон, — грустно пошутила Динка. — Холодно...

— Ну и слава богу, — решила тетя Катя.

— Да... А в сумке деньги и ключи.

— Ключи чепуха, — махнула рукой тетя Катя. —

Сейчас Ваське-слесарю позвоню, он мигом придет, откроет.

— Так рано еще, — засомневалась Динка. — Он спит, поди.

— Встанет, — пожала плечами тетя Катя.

— Деньги я вам завтра отдам, у ребят перезайму.

Слесарь Вася быстро открыл Динкин замок какой-то изогнутой проволокой, чем заронил в ее душу сомнения: а не захочет ли он проделать эту операцию еще раз, в ее отсутствие?

Дина выдала ему бутылку хранившегося в заначке дорогого армянского коньяка, Вася бережно принял ее, спрятал в необъятный внутренний карман и отбыл не то досыпать, не то похмеляться.

А Динка перешагнула через завалы разбросанного барахла, вытянула из кучи белья махровый халат и побрела в ванную. Она долго лежала в горячей воде, пока не почувствовала, что засыпает.

От ванны её разморило, и она уже не помнила, как добралась до тахты.

— Потом считать мы стали раны... — с выражением продекламировала Динка, разглядывая себя в зеркало.

Ну, в общем, не так уж плохо. Под правым ребром расплылся огромный багрово-лиловый синяк. Засохшая кровь на лице отмылась, на губе оказалась совсем

небольшая ранка, а нос и не разбит вовсе. Нос можно припудрить, губы подкрасить. Длинную царапину на щеке Динка смазала йодом. Получилось не очень, но что было делать!

С чашкой кофе Динка уселась в кресло, оглядывая свой беспорядок и грустно размышляя о том, сколько времени ей понадобится на уборку всего этого барахла.

Динка нажала клавишу прослушивания сообщений на автоответчике.

«Дина! — издалека, сквозь хрипы прорвался мужской голос. — Дина, ты где? Я волнуюсь...»

Сообщение прервалось. Но тут же после гудка вновь раздался тот же голос:

«Дина, это я, Алик! Ко мне приходили, искали тебя. Позвони, с тобой все в порядке?»

— Не все, — вздохнула Динка.

Алик, видимо, звонил из междугородного автомата. В Анапе всегда отвратительная связь, она то и дело прерывалась.

Несколько сообщений не записалось. Или кто-то не хотел общаться с автоответчиком. После длинного гудка раздавались короткие. Потом слышался резкий голос знакомого Сергея из Казани:

«О тебе спрашивали какие-то типы. Эй, подруга, позвони! У меня все вверх дном!»

Господи! И до него добрались... Динка прощелкала запись дальше, но кто-то опять не желал оставлять сообщение. Тогда она разгребла завал у столика, отыскала записную книжку и набрала саратовский телефон Артема.

— Кто говорит? — строго спросил старческий голос. Видимо, матушка.

— Это Дина, из Москвы!

— Кто?

— Артем дома? — заорала она.

— Темочка в больнице! — плаксиво ответила старушка. — На него напали. А кто это?

Но Динка быстро нажала кнопку отбоя.

Итак, что мы имеем? Пока она летала по заграницам и нежилась с Антоном, братки времени даром не теряли. До личной встречи с ней они успели узнать о ее жизни почти все. И даже пообщались с ее бывшими воздыхателями... Неужели поняли, где следует искать?

Интересно, а до Вадика почему не добрались? Или добрались, но тоже ничего не нашли?

Нет, если бы они узнали о Вадике, то сразу поняли бы, в чем дело.

В общем, надо срочно лететь в Сочи. Пока ее не опередили. Черт их знает, вдруг они все же решат пройти до конца весь список Динкиных хахалей? Вот только денег надо достать.

Динка позвонила Антону. И где он может быть? Эти мужчины обладают удивительным свойством — бесследно растворяться как раз в тот момент, когда больше всего нужны.

У родителей у самих денег всегда в обрез. А ей на билеты надо, да и долг тете Кате отдать... Пришлось звонить подружке, хотя меньше всего Динке хотелось впутывать в эту историю еще кого-либо.

...Анжелика жила за городом, в роскошном двухэтажном особняке. А когда-то они с родителями ютились в однокомнатной хрущевке. Вот что значит удачно выйти замуж.

Правда, сама Анжелика считала, что принесла свою жизнь в жертву «этому чудовищу» и что материальные блага — лишь малая часть заслуженной ею благодарности. Динке казалось, что Анжеликин муж Олежек готов построить еще десять особняков, лишь бы прекратились все эти упреки и истерики.

Динка умудрилась просочиться в метро, воспользовавшись тем, что дежурная отвлеклась, в электричке проехала «зайцем», а до подружкиного особняка от станции дотопала пешком.

Анжелика ей обрадовалась. Она тут же усадила Динку завтракать, уставила стол всякой всячиной, налила бокал сухого мартини и принялась жаловаться на жизнь.

— Ты знаешь, Динуль, какая это сволочь?! — с пафосом восклицала Анжелика. — Он превратил меня просто в узницу замка Иф! Я здесь целыми днями торчу на этой дурацкой природе, дышу свежим воздухом и абсолютно не знаю, чем себя занять! Ну полдня еще куда ни шло... С утра приходит массажистка, потом тренажеры, потом бассейн, солярий... но уже к полудню я просто выть от тоски начинаю! А самое обидное, что в Москве я могла спать до часу и день быстрее проходил. А здесь не могу, представляешь?! Эти ужасные птицы так орут!

— А где же Олег? — спросила Динка.

— А где же ему быть? — поджала губки Анжелика. — Торчит в своем фонде с утра до ночи, и даже в выходные улизнуть норовит. И надо ж было придумать такое идиотское название?! «За мир и гуманизм», бред! А обо мне он совершенно не думает!

Динка хотела напомнить, что далеко не всякая может похвастаться такой жизнью, но не стала усугублять.

— Да, а у тебя что нового? — спохватилась Анжелика.

— Деньги нужны, — решила не рассусоливать Динка.

— Ты только поэтому приехала? — надулась подружка.

— Если честно, да, — брякнула Динка. — И я очень тороплюсь. Дашь?

— Дам.

Анжелика выпорхнула из комнаты и вскоре вернулась с несколькими купюрами:

— Хватит?

— Ага, только...

— Да не мелочись, — фыркнула Анжелика. — Считай, что я тебе подарила.

— Спасибо. — Динка чмокнула подружку. — А позвонить от тебя можно?

— Звони. — Анжелика протянула ей сотовый. — Мужчине?

— Ему, — кивнула Динка.

Она послушала длинные гудки. Антона все еще не было.

— И кто он? — поинтересовалась подружка.

— Красавец легчик, — заинтриговала Динка. — Ас, высший класс.

— Везет же некоторым, — откровенно позавидовала та.

Глава 17

Антон никак не мог успокоиться. Он все время прокручивал в мозгу последний разговор с Натальей. Что она имела в виду? Что хотела ему сказать не при всех?

Ответ он находил только один. Икона и деньги у нее.

Проснулась совесть, чувство заговорило, и Наташка решила поделиться своим секретом с ним. Конечно, а на кого же ей еще рассчитывать?

Антон даже рад был, что Динка куда-то улизнула, не дождавшись его у машины. Сейчас она только была бы в тягость. Ведь ему срочно требовалось объясниться с Натальей.

Он и домой заезжать не стал — отправился прямо к ней. Но пришлось около часа просидеть в машине у подъезда — не учел, что Наталья добиралась на маршрутке, метро, а потом еще и автобус ждала.

Она вошла в арку двора, увидела его машину и подошла. Как будто даже не удивилась.

- Ты приехал поговорить?
— Да, — кивнул он. — Ты сказала, что надо...
Она вздохнула:
— Ну пойдём. Ты знаешь, что я хотела сказать?
— Я догадался.

Наташка переделалась в домашний халатик, вскипятила чайник и заварила чай.

- Я не хочу, — отказался Антон.
— Как хочешь.

Она налила себе и села, грея о чашку ладони. Подняла на Антона грустные глаза.

— Я не смогу с этим жить одна, Антоша. Все-таки я тебя люблю... Хотя ты и предал меня...

— Разве это имеет значение? — горячо возразил Антон. — Мы столько лет вместе. Это что-нибудь да значит!

- Правда? — Наташка обрадовалась.
— Ну конечно.

Она заплакала.

— Если бы ты знал, как я боялась... Я не знала, как ты воспримешь...

— В таких обстоятельствах мы должны быть вместе, — веско сказал он.

— Это такой подарок, правда? — смущенно улыбнулась сквозь слезы Наталья. — Драгоценный подарок.

- Да. Наконец-то и нам повезло, — подтвердил

Антон. — Но ты ведь понимаешь, что сейчас надо быть особенно осторожной.

— Да я лишний раз шелохнуться боюсь, — призналась Наташка.

— Ты... смотрела, сколько там? — помедлив, спросил Антон.

Наталя покачала головой:

— Еще нет.

Антон подсел к ней и обнял за плечи:

— Наташенька, ты у меня умница. Ты ведь понимаешь, как это опасно... Мы не можем оставить... Нам придется...

— Нет!

Она отшатнулась, побледнела, но голос звучал твердо.

— Я так и знала, что ты это предложишь. Нет! Понял? В конце концов, я справлюсь и без тебя!

Антон стиснул зубы. Вот идиотка!

— Наташа, ты не можешь. Мы должны... Пойми, это слишком серьезно...

— Слишком серьезно? — горько сказала она. — А до этого все несерьезно было?

— Мы не можем это оставить! — повысил голос Антон. — Думаешь, я не хочу?! Господи, да я только об этом и думаю! Но мне еще хочется пожить!

— Живи, — Наталя отвернулась. — Разве я тебе запрещаю? Я же сказала: это мой выбор, тебя я не принуждаю. Я оставляю. И все.

— Погоди. — Антон повернул ее к себе. — Ты не представляешь себе, сколько это стоит!

— Не дороже денег! — гордо фыркнула Наталья.

— Послушай, — сменил тон Антон, — давай поедем ко мне, спокойно подумаем еще, ты отдохнешь, мы все обсудим... Это просто нервы, Натуль. Мы оба из-за этого на взводе.

— А свою новую подружку ты куда денешь? — грустно усмехнулась Наташка.

— Это была минутная слабость, — потупился Антон. — Ну, собирайся...

Она медленно покачала головой:

— Нет. Бог послал мне такой шанс, я ни за что от него не откажусь. Нет, Антоша. Если ты не хочешь, я справлюсь сама. А теперь иди.

Она поднялась со стула и пошла к двери.

— Ты меня выгоняешь? — изумился он. — Ни хрена себе! Дожили!

— Подожди! — Наталья вдруг повернулась к нему и порывисто обвила его шею руками. — Не уходи! — сквозь слезы прошептала она. — Останься.

«Это наша последняя ночь. Это на прощание...» — твердила себе Наталья. И в эту ночь она была особенно чувственной и страстной, словно хотела налюбоваться на много лет вперед, на всю оставшуюся жизнь.

Антон только поражался ее неустойчивости. Словно

они оба вернулись на семь лет назад, к первым месяцам знакомства, — так остры и ярки были ощущения.

Он хотел было возобновить важный разговор, когда они выдохлись и устроились в объятиях друг друга, но Наталья приложила ладошку к его губам:

— Молчи. Не надо. Не сейчас.

Уже засыпая, Антон подумал, что, пожалуй, ни одна женщина никогда не будет любить его с таким трепетом, как Наташка.

А проснулся он от чьего-то пристального взгляда.

В кресле напротив кровати сидел крепкий мужчина в добротном черном пальто, с белым кашне на красной бычьей шее. Рядом с ним подпирали стену двое уже знакомых Антону братков.

— С добрым утром, голубки, — недобро сказал он. — Натешились?

Наталья открыла глаза и ойкнула. Инстинктивно спряталась за спину Антона.

— Вы кто? — испуганно пискнула она. — Что вам надо?

— Шоколада, — заржал неприятный громила со сросшимися густыми бровями.

— Я... вы... — пробормотал севшим голосом Антон.

Мужчина кивнул:

— Мы так и думали. Ты сам себя перемудрил, командир.

— Это не я... — пролепетал Антон, инстинктивно отодвигаясь от Натальи. — Это она. Я не знал...

— Ну а теперь знаешь? — нехорошо усмехнулся он. — Папу кинуть хотел, падла? Ты хоть знаешь, сука, с кем связался?

Наталья сжалась в комочек, прижимая к груди одеяло, и переводила огромные глаза с одного незваного гостя на другого.

— Это она... — повторил Антон.

— Господи, твоя воля, — вздохнул мужчина. — Ничего нельзя упускать из-под контроля, во все вникать самому... — Он поднялся, посмотрел на часы и кивнул своим подручным. — Начинайте, а мне пора. Виктор, отвезешь. А вы потом сообщите результаты. Помните, что мне сегодня докладывать Папе.

Упоминание о Папе привело братков в трепет. Они тоже вскочили и с готовностью кивнули, как школьники директору школы, а потом один из них, вертевший на пальце ключи от джипа, вышел вслед за мужчиной.

Бровастый подошел к кровати, рывком выдернул из нее Наталью и коротким сильным ударом отшвырнул ее к противоположной стене.

— Антоша! — крикнула она.

Но он только с ужасом смотрел, как в спальню вошли еще трое. Они подошли к Наталье, один схватил ее за руки, другой поднял и широко развел ноги, а третий расстегнул джинсы и хмыкнул:

— Хорошо, и раздевать не надо...

— Подождите! — с ужасом закричала Наташка. — Не надо! Я жду ребенка!

— Не дожدهшься, — загоготали верзилы.

— Гады! Прекратите! — Антон вскочил, но тут же отлетел, получив хороший удар в челюсть.

— Где Мама, сволочь?! Говори, если хочешь, чтоб твоя шлюшка жива осталась.

— Я не знаю...

Он согнулся от удара под дых, в глазах потемнело.

— Слышь, пошарь уют! — донеслось до него слово издали, сквозь отчаянные Наташкины вопли.

А потом вдруг послышался звон разбитого стекла, и в комнату ворвался резкий порыв холодного ветра.

— Вот дура, блин!

— Черт! Уходим! — крикнул кто-то прямо над ухом. — Сейчас менты прикатят!

Глава 18

Адлерский аэропорт был переполнен. Желающие улететь штурмовали окошко справочной, на табло напротив номеров рейсов мигали зеленые буквы: «Вылет задерживается». В зале ожидания были заняты все кресла, проходы заставлены сумками и баулами, измученные пассажиры сидели даже на ступеньках ведущей на второй этаж лестницы.

Динка с трудом прорвалась к дежурному.

— Нет-нет, даже не просите! — не успев выслушать,

сразу отказал он. — У меня тут люди с грудными детьми, с телеграммами на похороны...

— Но мне ведь на работу, — жалобно сказала Динка. — У меня вечером рейс. Мне позарез надо в Москву.

Только из корпоративной солидарности он выдал ей посадочный талон, но гарантировать, что самолет взлетит в ближайшие несколько часов или даже дней, не мог.

В Сочи было объявлено штормовое предупреждение, но и без предупреждения было ясно, что непогода разгулялась вовсю. С моря дул порывистый шквальный ветер, волны вздымались на высоту двухэтажного дома и перехлестывали через парапет, заливая набережную. Но не ветер был всему виной. Просто в Сочи в начале зимы случилось непредвиденное — выпал снег.

Для южного курорта это оказалось стихийным бедствием. Обильный снегопад за несколько часов покрыл город десятисантиметровым слоем тяжелого, мокрого снега. Его тяжесть не выдерживали тонкие ветки нежных магнолий и южных акаций.

Рейс, которым с утра прилетела Динка, оказался последним, который смог принять аэропорт. Снегоуборочная техника не справлялась, и вскоре все взлетно-посадочные полосы оказались под снегом. К тому же взлет затруднял сильный боковой ветер.

Динка с трудом нашла таксиста, который согласился не только отвезти ее в город, но и вернуться

обратно в аэропорт. Его можно было понять: дороги превратились в труднопроходимую кашу, а в центре пришлось пробираться чуть ли не вплавь. Чтобы снег быстрее таял, городские власти поливали улицы морской водой, поэтому вдоль обочин дорог неслись бурные мутные потоки, а жители, рискнувшие выбраться из дома, укутывали ноги до колен в самодельные бахилы из полиэтиленовых пакетов.

Город представлял собой жалкое зрелище. Упругие зеленые пальмы сгибались под тяжестью снежных шапок, как старушки, стройные красавцы кипарисы ломались, распластывая по дороге ажурные голубоватые ветви.

Особенно поразила Динку огромная очередь за хлебом. Как в блокадном Ленинграде.

— А что вы думаете? — поймал ее удивленный взгляд водитель. — В горах на ЛЭП провода оборвались, так что теперь недели две город без света будет. А в пекарнях у нас в основном электропечи.

Динка вспомнила о мигающем табло в аэропорту.

— А у них автономная подстанция есть, — пояснил водитель. — Но ее тоже ненадолго хватит.

К дому Вадика дорога поднималась в гору. У начала подъема таксист остановился и решительно объявил:

— Дальше не поезду. Там каток сплошной. Могут здесь подождать, если хочешь. Но не больше получаса.

— Да здесь всего два квартала, — заверила Динка. Он скептически усмехнулся:

— Ну-ну, счастливо.

...К вечеру ветер утих, снегопад прекратился.

Стоя у окна аэровокзала, Динка смотрела, как по полю медленно ползут красивые импортные снегоочистители. Впереди них натужно рычал родной, обшарпанный бульдозер. Он вгрызался железным носом в снег и с усилием сдвигал его в сторону огромными пластами. А импортные красавцы уже просто подбирали эти отвалы и эффектной струйкой пересыпали в кузова двух самосвалов.

Освещение в аэропорту работало вполнакала, табло отключили, оставались только объявления по громкой связи. Кафе и буфеты продавали только бутерброды и ледяной сок. А в такую погоду ужасно хотелось чего-нибудь горячего.

Динка посмотрела на часы. Полный пролет. До отправки ее рейса из Шереметьева оставалось два часа. Сейчас уже всю идет предполетная суета. Вот уж девочки ее костерят! А Антон... Что он думает?

Интересно, он хоть искал ее? Или спокойно сел в машину и уехал, даже и не вспомнив о ней?

И вообще, ведь ее могли убить там, в лесу. Мама начала бы волноваться не раньше чем через недельку. Динка сама ее приучила к своим длительным отлучкам.

Динка с грустью подумала, что Антон ее даже не пытался разыскать. Иначе на автоответчике был бы записан его звонок. Это что же, с глаз долой — из сердца вон?

От этой мысли почему-то не было больно. Динка

восприняла ее спокойно, как данность, словно заранее чувствовала, чем все может кончиться. Наверное, просто сработала потаенная женская интуиция. Ведь Антон прожил семь лет с Наташкой, а потом с легкостью, без объяснений, сменил ее на Дину. Так с какой же стати ей ждать, что с ней он поступит иначе?

Интересно, что он делал, когда ее чуть не убили в лесу? Принимал ванну с ароматной пеной? Пил янтарный коньяк, согревая его в ладонях? Лежал на мягком кожаном диване, лениво щелкая пультом телевизора?

От усталости Динка едва держалась на ногах. В толчее и суете аэровокзала она больше всего беспокоилась о сохранности своей сумочки, крепко прижимала ее к боку, намотав ремешок на руку. Она боялась, что отключится и выронит ее или сумку просто вытянут: такое скопление нервничающего народа — раздолье для карманников.

Хотя вряд ли ее сумочка могла привлечь чье-то внимание, потому что, обшарпанная, с потертым ремешком, она выглядела как туристический рюкзак. Покупать новую было некогда, и Динка нашла ее на антресолях взамен потерянной в лесу.

Динка чуть не прозевала объявление о долгожданной посадке.

Бульдозер и грейдеры уже убрались с полосы, а в зале на регистрации столпилась огромная, безразмерная, орущая очередь.

Динке пришлось изрядно поработать локтями, пока она сумела пробиться к стойке, зарегистрироваться и попасть в битком набитый накопитель.

Как ни странно, на поле к трапу выстроилась примерная, молчаливая очередь. Видимо, после долгого ожидания и взятия приступом контроля сил ни у кого уже не осталось.

Динка тоже едва держалась на ногах. Она медленно продвигалась к трапу, не отводя глаз от плотной спины стоящего впереди мужчины. И вдруг услышала над ухом знакомый до боли голос своей бывшей напарницы:

— Гляди, кто пожаловал?! Принцесса наша!

Зинаида Андреевна всплеснула руками и подмигнула Ольге.

— Ты уволилась, что ли? — без интереса спросила та, разглядывая Динкин билет.

— С чего ты взяла?

— А что ж летишь не по требованию?

— Много будешь знать, скоро состаришься, — огрызнулась Динка. — Посадка по билетам? Или на свободные?

— Упаси боже! — скривилась Зинаида. — Конечно, по билетам. Как принято в мировой практике.

Динка не удостоила ее взглядом. Поднялась в салон и села на свое место. Как назло, ей попалось самое неудобное, посередине. Но меняться она не стала из

принципа. Хотя ей было очень неуютно оттого, что с обеих сторон сидят посторонние люди, а у нее на коленках, в сумочке, лежит такая сумма...

Ей повезло, Вадик был на работе. Динка просунула руку сквозь штакетник забора, повернула щеколду калитки и вошла во двор. Но едва она приблизилась к сараю, как через соседний заборчик перегнулась любопытная соседка. Она вешала в своем дворе белье и с интересом наблюдала за Динкой.

— А вы к кому? — пронзительным голосом осведомилась она.

— К Вадику. — Динка спустилась с крыльца. — Странно, он говорил, что будет меня ждать. А! В сарае должен быть ключ! — воскликнула она и тут же быстро глянула на соседку: — Ой! Вы только никому не говорите!

— Да ладно, — махнула рукой та. — У нас все под ковриками оставляют.

Динка вошла в сарай, быстро вынула из тайника сверток, спрятала в сумочку, вышла и обескураженно развела руками:

— Нет ничего... Странно. Должен был оставить... Ну ладно...

Она направилась к калитке, едва сдерживаясь, чтобы не идти слишком быстро.

Таксист оказался прав: по крутому обледеневшему склону Динка взбиралась вверх минут двадцать, а те-

перь с ужасом думала о том, как ей придется спускаться. Не дай бог, он не дождется и уедет. В городе вряд ли кого поймашь: она уже заметила, что на улицах подозрительно пустынно.

Соседка крикнула:

— А что передать? Вы скажите мне.

— Передайте, Таня заходила. Из «Жемчужины». Он поймет, — ответила Динка.

Пусть Вадик поломает голову, что за Таня его разыскивала. А впрочем, кто его знает. Может, Динка и попала пальцем в небо. В ее отсутствие могли быть и Таня, и Аня, и десяток других девочек. Зато если начнет интересоваться кто-нибудь другой, то о визите Динки он не узнает.

Таксист ее все же дождался, правда, заломил за обратную дорогу тройную цену.

— Отдыхала, что ли, — проходя мимо, перегнулась к ней Зинаида. — Не повезло с погодкой, да?

— Да, не повезло, — вздохнула Динка. Пусть порадуется чужому горю.

— Небось в «Жемчужине» останавливалась? Или в «Лазурной»?

— На какие шиши? — хмыкнула Динка, покрепче сжимая сумочку с баксами. — В загородном пансионате. А там сейчас ни света, ни еды, даже чаю не попьешь.

— Кошмар, — с фальшивым сочувствием согласилась Зинаида.

К пилотской кабине прошел штурман Василий Ильич. Динка заметила, что на лице его стало еще больше болезненных красных прожилок. Он сутулился и зябко поеживался. С бодуна колотун, что ли? Далеко ли улетим с таким штурманом, да еще в такую погоду?

Самолет оторвался от земли, не успев пробежать полосу до конца. Дядя Коля поторопился поднять машину вверх или снег не весь расчистили?

Динка заглянула через плечо соседки в иллюминатор. Через несколько минут полета вокруг корпуса самолета сгустились тяжелые облака, несущие на город очередной снегопад. Сразу начало болтать. Маленький Як швыряло вверх-вниз, казалось, чуть-чуть — и он сорвется в штопор.

Позади надрывно заплакал ребенок, громко жалуюсь, что ушки болят. У Динки тоже уши заложило, приходилось постоянно напрягать горло и судорожно сглатывать, чтоб освободиться от болезненного давления.

Ольга пронесла по салону поднос с водой, но почти никто пить не захотел, а вскоре пришлось раздавать пакеты.

Динкина соседка с трудом уместила в узком кресле огромный живот. Она привалилась головой к стенке и при каждой воздушной яме тихо постанывала. Живот она обхватила руками, словно драгоценную вазу, ко-

тую боялась разбить. Вот она вдруг сжала его, скорчилась от боли и прошептала испуганно:

— Ой, мамочка...

— Что с вами? Схватки? — склонилась к ней Динка.

— Ой, кажется...

Соседка подняла на Динку глаза, и она увидела, что той от силы лет двадцать. Круглые девчоночьи глаза были наполнены болью и ужасом. Она не понимала до конца, что с ней происходит, и от этого боялась еще больше.

— Что мне делать?! — Она вцепилась в Динкину руку.

Динка не выдержала, поднялась с места и направилась в знакомый закуток, хорошо изученный за пять лет.

Новенькая сидела в углу бледная, в лице ни кровинки, и сама с трудом удерживала тошноту. А Зинаида зачем-то резала ветчину на бутерброды. Рейс был коротким, обед пассажирам был не положен, но посреди полета стюардессы обычно предлагали купить закуски, чипсы, соки. И Зинаида Андреевна наивно полагала, что при такой болтанке кто-то захочет есть.

Самолет резко накренился, незакрепленная ветчина скатилась со столика на пол. Зинаида наклонилась, подняла ее и как ни в чем не бывало принялась резать дальше.

— Соскучилась? — повернулась она к Динке. — Тогда помогай. Ольга с ног сбилась, все время дергают,

а от этой, — она презрительно кивнула в сторону новенькой, — какой толк?

— Я и помогаю. — Динка метнула на Зинаиду гневный взгляд. — У вас кто за салоном следит? Там сейчас девка рожать начнет.

Зинаида охнула, бросила нож и выглянула в салон:

— Где?

— Да вон же! Освободи передние сиденья, надо ее положить.

Вместе с Зинаидой они переместили сидящих впереди пассажиров назад, подняли подлокотники и осторожно уложили стонущую девчонку боком на тройные сиденья.

— Пусть радист сообщит во Внуково, чтоб «скорая» встречала, — велела Ольге Динка.

— Сама знаю, — фыркнула та. — Что ты здесь раскомандовалась? Без тебя справимся. — Она склонилась над роженицей. — У тебя сколько недель? Тридцать четыре? Так какого хрена ты летать надумала?

— Я к мужу, — всхлипнула девчонка.

— Ну-ка говори мне, как схватка начнется. — Ольга посмотрела на часы. — Давно не было? Минут пятнадцать? Да не бойся ты, это, наверное, предвестники.

Зинаида повернулась к Динке, хоть ей и не хотелось просить ту об одолжении, да выхода не оставалось.

— Может, Ольга с ней подежурит, а? — заискивающе спросила она. — У нее все же детей двое, она знает... А ты мне помоги.

Динка усмехнулась:

— А я думала прокатиться пассажиром!

— Не судьба! — хмыкнула Зинаида. — Взялся за гуж, не говори, что не дюж!

В четыре руки они быстро наделали гору бутербродов.

— Ну и как там, за границей? — пытала Зинаида.

— Да так же, — пожала плечами Динка. — Все то же самое.

— Теперь небось за кордоном женихов себе завела? — ухмыльнулась Зинаида.

— Каких женихов?

— Да ладно, не прибедняйся! — махнула та. — Мы-то знаем, как ты на всех стоянках оттягивалась.

— Да что вы, Зинаида Андреевна! — протянула Динка. — Я девушка скромная.

Зинаида с удовольствием расхохоталась.

— А чего ж тебя здесь новый хахаль искал! «Сбежала от меня моя девушка, — говорит. — Подскажите, красавицы, где мне Диночку разыскать?»

Внутри у Динки все сжалось.

— Это такой... бровастенький? — как можно небрежнее спросила она.

— Мордастенький, — хохотнула Зинаида. — Ольке он приглянулся. Она ему все и выложила. Подробно: кто, где, когда... — Зинаида склонилась к Динке и горячо зашептала: — Она же тебе завидует. Ее-то красавчик на сторону бегают, все знают.

— Нет, ну ты скажи! — всплеснула руками Динка. — А мне потом ни за что ни про что разборки

устраивают! Он у меня ревнивый! Зинуль, ты не помнишь, кого ему Олька назвала?

— А ты у нее спроси.

Ольга вышла из салона и презрительно скривила губы:

— А что? Я разве неправду сказала?

— Идиотка! — простонала Динка. — Он же больной на голову. Ты знаешь, что он принялся летать по местам моей «боевой славы» и мужикам разборки устраивать?! Один по твоей милости уже в больнице!

— Жаль, — поджала губы Ольга. — Надо было тебе разборку...

— Мне тоже мало не показалось, — заверила Динка и подняла свитер. — Смотри.

Огромный багровый синяк под ребром произвел впечатление. В бывших напарниках сразу же заговорила могучая женская солидарность.

— Тебя за язык, что ли, тянули? — напустилась на Ольгу Зинаида Андреевна.

— А пусть не связывается с придурками, — принялась оправдываться Ольга. — И потом, я ведь честно сказала, что она с ними уже давно не общалась. Как на международку перешла. Я чего не знаю, того и не говорю.

Динка уточнила:

— Ты сказала, что я с ними давно не виделась?

— Ну конечно, — кивнула Ольга.

— А адреса он откуда узнал?

Ольга потупилась:

— Я ему имена и фамилии назвала. Ты же сама рассказывала, я думала, что можно...

— Ясно.

Динка слегка перевела дух. Все не так страшно. Братки провели выборочную разведку боем и убедились, что Ольга сказала правду.

Ну, теперь-то уже все равно. Дело сделано, временный тайник ликвидирован. Динка поправила на плече сумочку, она все время сползала, мешала делать бутерброды.

— Да сними ты ее, — сказала Зинаида. — Или у тебя там денег тьма, не доверяешь?

— Ага, миллион баксов, — подтвердила Динка, но сумку сняла и поставила на пол, зажав лодыжками.

— Как там беременная? — спросила Зинаида.

— Нормально. Спит. Ложная тревога, — заверила Ольга. — Это у нее от страха. А наша Дина вечно себе на задницу приключений ищет. Ей до всего дело есть. Перебаламутила всех, переполошила...

— А если б она рожать начала? — вскинулась Динка. — Тебе же все по фигу! Ты никого вокруг не видишь!

— В твоем возрасте пора уже знать, как проходят роды, — фыркнула Ольга.

— Ладно, хватит собачиться, сделай кофе, — велела ей Зинаида и повернулась к Динке: — Ты рассказывай, нам же интересно. Как экипаж, что за девчонки? Как вы там иностранцев ублажаете? А видала что? Где была-то? — засыпала она ее вопросами.

Динка отложила нож, взяла у Ольги из рук чашку с растворимым кофе и начала рассказ, благоразумно опуская излишне любопытные подробности своей новой, бурной трудовой деятельности.

Самолет понемногу выровнялся, они поднялись до пяти тысяч метров, и в иллюминаторе стали видны крупные, неправдоподобно яркие звезды.

Глава 19

Что будет?! При всей своей легкомысленности Динка ни разу не опоздала на работу, не говоря о том, чтобы пропустить рейс без уважительной причины. И теперь, честно говоря, она слегка трусила. Но боялась не выговоров, и даже не того, что ее отстранят от полетов. Динка не хотела портить о себе мнение экипажа. И еще ей очень не хотелось, чтоб ее перевели в другой.

Еще из Внукова она попыталась дозвониться до отдела кадров, до диспетчера, но повсюду, как назло, телефоны были заняты. Ждать Динка не стала — от аэропорта отходил экспресс «Внуково — Шереметьево», и она поспешила на него.

Ее рейс должен был улететь час назад. А ей еще добираться до Шереметьева около часа. С какими глазами Динка явится к начальству, она себе просто не представляла.

...Она не знала, что вместо них в воздух поднялся резервный экипаж. Рейс был отложен на полчаса в связи с чрезвычайными обстоятельствами: командир экипажа и две стюардессы не явились на борт.

Позже поступил звонок из больницы, сообщили, что командир и одна из стюардесс находятся там. Потом приехал следователь прокуратуры.

Динка появилась как раз тогда, когда из двери отдела кадров, где расположился следователь Истомин, вылетела перепутанная Танька Шохина.

— Динка, ты здесь?! — обрадовалась она. — Иди, он как раз тебя вызывает.

— Кто?

Динка никак не могла понять, что происходит. Сашенька, Костя, Олег Петрович, Игорь Игоревич и Сашка Смирнов слонялись в узком коридорчике перед дверью отдела кадров, курили, хмурились, но на нее не обращали никакого внимания. Как будто она и не опаздывала на рейс, как будто все время была здесь, с ними.

— А почему вы не полетели? Рейс отложили? — осторожно спросила она.

— Пятую бригаду послали, — ответил Костя. — Экипаж Малеева. А нам теперь еще долго косточки перебирать будут.

— За что?

Костя посмотрел на нее, словно только что увидел.

— Кстати, где ты была?

— Тут... поблизости, — уклончиво ответила Динка. — Ты объясни, я ничего не понимаю.

— Я сам мало что знаю. Говорят, Антона ранили.
А Наташка в больнице вроде бы.

— Кто ранил?

Ноги у Динки подкосились, и она сползла по стенке на пол.

— Динка, иди, тебя ждут! — напомнила Танька.

— Ага, — тупо сказала Динка. — Дайте сигаретку.

— Ты встань, пол грязный, — сказала Сашенька.

— Ничего, мне так удобнее.

Динка устроилась на корточках, взяла протянутую Костей сигарету и закурила. Пальцы мелко дрожали.

— Лебедева пришла? — выглянула из двери кадровичка.

— Да. Сейчас, покурю...

— Ну ладно, тогда Смирнов пусть идет, — велела она.

Сашка Смирнов почему-то побледнел, щелчком отшвырнул сигарету и дурашливо улыбнулся Таньке:

— Ну, не поминайте лихом.

Следователь Истомин Динке понравился. Невысокий, в аккуратном костюме, синем свитере под горло, с умными внимательными глазами. Совсем не то, что предыдущий. И начал он почему-то издавека:

— Вы человек в экипаже новый, Диана Филипповна?

Она кивнула.

— Расскажите мне о вашем коллективе. Новичку лучше заметны странности...

— А что вас интересует? — напряглась Динка

— Все. — Истомин слегка улыбнулся. — Понимаете, я слушаю ваших товарищей и не могу понять: почему?

— Что — почему?

— Почему они работают вместе? Этих людей ничто не связывает. Они такие разные, и все ненавидят друг друга.

— Разве? — удивилась Динка.

Она сама этого как-то не замечала. Впрочем, ее заботили собственные проблемы, роман с Антоном и Наташкины козни...

— Такая картинка вырисовывается из их показаний, — сказал Истомин. — Вот я и хочу узнать ваше мнение.

Динка кашлянула, покосилась на сидевшую в дальнем углу кадровичку. У той ушки на макушке, хотя и делает вид, что погружена в бумаги.

— Вам тут, наверное, наплели про меня... — осторожно начала она.

— Это вы об отношениях с Антоном Васильевичем? — уточнил следователь.

— Ну да.

— Мне рассказали кое-что, в общих чертах.

— Вы им не верьте, — быстро глянула на него Динка. — Это все так, несерьезно. Мы бы все равно расстались.

— Почему? Ваша напарница утверждает, что вы в него влюблены.

— Это мне показалось, — заявила Динка. — Я подумала, что влюблена, а потом... поняла, что это не так...

— И долго вы были влюблены? — На лице Истомина появилась ироничная усмешка.

— Долго, — кивнула Динка. — До вчерашнего дня.

— Это интересно. — Он подался вперед. — А что произошло вчера?

— Это к делу не относится.

— Хорошо, — неожиданно легко согласился он. — А где вы были сегодня, Диана Филипповна? Почему опоздали? Боялись прийти?

— А чего мне бояться? — напряглась Динка, вцепившись пальцами в сумочку.

— Не знаю, — снова улыбнулся он. — Согласитесь, странно, когда двое в больнице, а третья где-то скрывается...

— Я не скрываюсь. — Динка выпрямилась и посмотрела на него в упор. — Я к врачу ездила. Понимаете, вышла днем из дома, чтоб на работу ехать, а ступеньки в подъезде скользкие... Упала я, очень сильно...

— И расцарапали лицо? — подсказал следователь.

— Что? Ах нет. — Динка вспомнила о царапине на щеке. — Это кошка.

— А что же вы ушибли? Что врачу показывали, вывих, перелом?

— Вот! — Динка задрала свитер, демонстрируя синяк.

Она намеренно подняла его чуть выше, чем было необходимо, открыв часть груди. Кадровичка сокрушенно покачала головой.

— Ай-я-яй... — Истомин перегнулся через стол и дотронулся до ребра пальцем. Динка взвизгнула. — Простите, — сказал он. — Это вы сегодня так?

— Да, днем.

— Интересно.

— Что же здесь интересного? — насупилась Динка, опустив свитер.

— Желтоватый ореол на коже появляется не раньше чем через сутки после нанесения удара, — вежливо объяснил Истомин. — Так что выходит, это вы вчера с лестницы упали, а не сегодня.

Динка вспыхнула от досады. Вот зануда! А еще такой приятный с виду! Вот ведь как обманчива внешность!

— На каком основании вы мне не верите? — дерзко спросила она. — Я не знаю, какой там должен быть ореол, я говорю то, что есть! Вы что, меня в чем-то подозреваете?

— Угадали, Диана Филипповна, — кивнул он. — Согласитесь, все это очень подозрительно выглядит. У вас вчерашний синяк. Его явно поставил вам мужчина. Удар пришелся снизу, под ребро, с лестницы так не падают.

Динка закусила губу и прищурилась.

— А на щеке царапина тоже вчерашняя, — продолжил Истомин. — Ее могла оставить женщина, причем с хорошим маникюром.

Динка побледнела. Это он на что намекает?

— И потом, у вас был повод, — развел руками следователь. — В нашем деле главное — найти, кому выгодно...

— Мне? — осипшим голосом спросила Динка.

— Да. — Он словно сочувствовал ей. — Учитывая ваши бурные чувства и принимая во внимание, что пострадавшие в момент совершения преступления находились в одной постели...

Несмотря на напряженность момента, Динка не выдержала и расхохоталась. Истомин явно не ожидал такой реакции, он, видимо, думал, что сейчас после эффектного разоблачения Динка начнет рыдать, бледнеть, заламывать руки...

— Это... нервное?

— Какая глупость! — с трудом проговорила Динка. — Думаете, я выследила неверного любовника и уколошила обоих? Ой, не могу!

Следователь смутился, отвел взгляд и нервно перелистал лежавшие перед ним записи.

— Это вовсе не смешно, Диана Филипповна, — строго сказал он. — Ваш любовник чудом остался жив. У него сквозное пулевое ранение. А Наталья Симакова выпала с шестого этажа и в данный момент находится в коме.

Динка ахнула и сразу перестала смеяться. Вот изверги! Скоты! Наташку-то за что?!

— Это... серьезно? — наконец смогла выдавить она. Истомин развел руками:

— Я не врач. Но думаю, что шансов у нее мало.

— Тогда что вы здесь делаете? — крикнула Динка. — Какую-то чушь у меня спрашиваете, время тратите! Вы их найдите! И поскорее! Пожалуйста!

Следователь опешил:

— Я как раз этим и занимаюсь... Я ведь обязан проверить все версии. А из показаний вашего славного экипажа получается, что всему виной крутой любовный треугольник.

— А больше наш экипаж ничего у себя под носом не видит?! — взорвалась Динка.

— Это вы о гибели Валентина Агеева?

— Ну наконец-то! Дошло! — всплеснула руками Динка. — Это же одних рук дело!

— Откуда вам это известно?

— А вам так не кажется? — язвительно перебила она. — Вас элементарной логике не учили?

— Учили, — кивнул Истомин. — Но мне интересно, почему вы так думаете?

— Ну... — Динка растерялась. — Наверное, у них были общие дела... И они кому-то задолжали...

— Ну-ну...

— Это я просто предполагаю, — торопливо добавила она. — Я здесь человек новый... А со стороны виднее, вы сами сказали... Вот я, например, видела,

как Антон с каким-то человеком подозрительным разговаривал. Как раз накануне, мы из рейса вернулись.

— С каким человеком?

— Невысокий, седой, в черном пальто... Интеллигентный такой.

— И что в нем было подозрительного?

— С ним такие качки были, на джипе.

— Это интересно, — сказал Истомин, записывая ее слова, но по его лицу Динка видела, что он не придавал им значения. — Возможно, это его знакомый. Сейчас бизнесмены все с охраной ходят. А чего-нибудь более существенного вы не заметили?

Динка сморщилась от досады. А с виду такой умный!

— Я думала, вас интересуют внеслужебные контакты Антона Потемкина. Мне кажется, преступников надо искать там. Я, конечно, не специалист, — добавила она с легкой издевкой, — но вы же не всерьез затеяли все это?

— Что? — удивился Истомин.

— Копание в грязном белье экипажа. Знаете, когда люди сутками вместе, всегда бывают трения, на кого-то обижаются, кого-то обожают. Это нормально, за это не убивают. Вам, наверное, трудно понять... но когда ты знаешь, что твоя жизнь в воздухе зависит от пилота... а Антон Васильевич классный пилот!... то на время полета он для тебя бог!

— Да, это понятно. — Следователь с интересом смотрел на Динку. — То есть вы хотите сказать, что командир для экипажа — это святое?

— Вот именно! — с жаром подтвердила Динка. — Поэтому никто из наших этого не мог сделать. Я за всех как за себя ручаюсь!

— А вот они как раз дали мне понять, что ваш любовный треугольник мог привести к непредсказуемым последствиям.

— Кто? — быстро спросила Динка. — Олег Петрович?

— Почему вы так решили?

— Просто он меня не любит, — пожала она плечами. — Я заметила. У штурмана Васина вообще такое своеобразное отношение к женщинам...

— Он гомосексуалист? — уточнил Истомин.

— Да вы что! Он просто женоненавистник. Он даже дочку свою видеть не желает.

— А второй пилот, Акимов? У них с Потемкиным были трения?

— Да они все почему-то недолюбливают Костю, — сказала Динка.

— За что?

— Откуда мне знать. У них так сложилось.

— Почему же он не попросит перевод в другой экипаж?

— Да мне-то откуда знать? — удивилась Динка. — Я здесь без году неделя. Бандитов надо искать! А не отношения в чужом коллективе налаживать.

Истомин пристально посмотрел на Динку:

— Может, вы скажете конкретно, кого мне следует искать?

Динка испугалась.

— Никого, — поспешно ответила она. — Я ничего не знаю!

Найдет ли милиция преступников, это еще бабушка надвое сказала, а вот бандиты, узнав о том, что Динка проболталась, ее точно разыщут. И тогда она не отделается синяком и легким испугом. Она вся у них как на ладонке: и квартира, и дача, и родители, и даже бывшие любовники — все под контролем.

— Хорошо, — сказал Истомин. — Мы, конечно, проверим все версии. А пока скажите мне, Диана Филипповна, где вы были сегодня с пяти до семи утра?

— Дома. Я вообще около четырех вернулась... из гостей, — замялась Динка.

— И у вас есть свидетели?

— Вам нужно алиби? Меня видела соседка, и слесарь мне дверь открывал, я ключ потеряла.

— С пяти до семи?

— Около четырех, — раздраженно ответила Динка. — В пять я уже спала. Одна, если вас это интересует.

— Именно это, — серьезно кивнул Истомин. — Ваше алиби некому подтвердить.

Глава 20

— Ну что, надо что-то решать, — сказал Игорь Игоревич, когда после допроса они всем экипажем собрались в служебном кафе.

— А что решать? — фыркнул Костя. — Я так понял, что становлюсь главным подозреваемым? Может, вы мне в глаза скажете, кто из вас считает, что я мог Антона убить, чтоб в его кресло пересесть? А Наташку за что в окошко выкинул?

— Прекрати, — поморщился Олег Петрович. — Следователю важно знать объективные данные.

— А по ним главная подозреваемая я, — добавила Динка. — Это я где-то раздобыла пистолет и на почве ревности учинила расправу. Только непонятно, как я Наташкину дверь открыла и как у меня сил хватило ее с балкона скинуть.

— Не понимаю, — сказал Сашка. — Наталья в коме, а Антон что же молчит? Он же видел, кто в него стрелял!

— Я звонил в больницу, — ответил Олег Петрович. — Антон до сих пор без сознания. Ему сделали операцию, наркоз еще не отошел.

— Блин! — стукнул по столу Сашка. — Пока он не заговорит, нас так и будут под подпиской держать!

— Мне на земле сидеть нельзя, — сказала Танька. — Я в семье одна зарабатываю, ребенка кормлю.

— А кому можно? — хмуро буркнула Сашенька. — У меня через неделю сессия, мне часы налетать надо.

— Надо самим разобраться, — подал идею Игорь Игоревич. — Кто последним видел Антона?

— Наталья, — сказала Танька.

— Это само собой.

— Тогда Динка, — повернулась к ней Танька. — Я

на маршрутку бежала, а она к его машине шла. Мы, кстати, с Наташкой вместе в маршрутке ехали.

Все усталились на Динку.

— Да не поехала я с ним, — независимо бросила она. — Передумала. Он с Юркой — техником — болтал. Я ждала-ждала и пошла на автобус.

— Точно, — подтвердил Сашка. — Я его с Юркой видел.

Олег Петрович обескураженно осмотрел экипаж:

— У кого какие есть соображения?

— Антон с Валькой дела крутил, — подал голос Костя. — Все ведь в курсе. Что же вы следаку ничего не сказали?

— Кто в курсе? — округлил глаза Игорь Игоревич. — Лично я ничего не знаю.

— И я, — торопливо заверил Олег Петрович.

— Моя хата с краю, ничего не знаю, — усмехнулся Костя.

— А ты почему промолчал? — в упор глянула на него Динка. — Ты знаешь кто? И за что?

— Только догадываюсь, — развел руками Костя. — А предположения могут запутать следствие. А тебе Антон ничего не говорил?

— Мы, знаешь ли, все больше о другом беседовали, — ответила Динка.

Сашенька захихикала.

— Вы ведь понимаете, что это серьезно? — внимательно посмотрел на всех Костя. — Они крутым ребятам дорогу перешли. Кто следующий? Я советую

тому, кто что-то знает, подумать. Кто еще замешан? Кто свидетель? Ребята, давайте обсудим ситуацию. Может, все вместе что-то придумаем?

— Что ты придумашь? — буркнул Сашка. — Если кто-то еще в курсе, то пусть сидит как мышь. Авось пронесет!

Танька Шохина посмотрела на часы и поднялась:

— Лично я в экипаж пришла уже после смерти Агеева, так что ни о каких ваших делах понятия не имею. И раз уж мы никуда не летим, я лучше домой поеду, дочку спать уложу.

Сашенька потянулась и зевнула:

— Я тоже поеду.

— Может, водки возьмем? — повернулся к Сашке Игорь Игоревич. — Что-то хреново.

— Можно, — протянул Сашка. — На двоих?

— На троих, — сказал Олег Петрович и полез за деньгами.

— Да ладно, я ставлю.

Игорь Игоревич поднялся и пошел в бар на втором этаже. Девочки там всегда продавали своим водку без наценки. Зато все пилоты и штурманы считали своим долгом привезти барменшам какие-нибудь сувенирчики.

Динка покосилась на Костю. Он сделал вид, что не заметил, как его проигнорировали. Пожал плечами и поднялся.

— Ну как хотите. На трезвую голову вообще-то лучше думается.

— Это кому как, — заметил Сашка.

...Динка догнала Костю у выхода.

— А что бы ты сделал, если бы оказался свидетелем? — спросила она и быстро добавила: — Нет, ты не думай... Мне просто интересно.

— Я бы все рассказал, — ответил он.

— А если тебя после этого найдут?

— А если найдут до этого? — прищурился Костя.

Динка взяла его под руку и заглянула в лицо:

— Скажи, а ты что знаешь?

— Почти ничего, — вздохнул Костя. — Знал бы, чем все закончится, был бы повнимательнее. А так... Я вообще предпочитаю не соваться в чужие дела.

— Но ты же мог что-то видеть...

— Да. Видел краем глаза, как с Валькой какие-то типы крутились. Но для меня все эти быки на одно лицо.

— Ненаблюдательный ты, — протянула Динка. — Странно для пилота.

— Почему? Одного я точно запомнил. Того, который тебя поджидал.

— Ах, этого... Я уж и забыла, — протянула Динка. — А какое он имеет отношение...

— Ну да, — ухмыльнулся Костя. — Я и забыл, что ты у нас красоты неопикуемой, кто увидит раз, тот уж и забыть не может. Сохнут, бедные, и опадают пачками. Расскажи мне еще одну сказочку про влюбленного Ромео.

— Ты мне не веришь? — попыталась возмутиться Динка.

— Ну я же не идиот. И уши регулярно чищу.
— Зачем? — не поняла Динка.
— От лапши. Что ему от тебя было нужно?
— Поговорить, — пискнула Динка. — Я его не знаю, честно.

— Верю, — успокоил Костя. — Они ищут свидетеля. Так что ты видела?

— Ничего, — торопливо ответила Динка. — Меня и Антон все время спрашивал.

— И они уже спросили? — Костя осторожно провел пальцем по царапине на щеке. — Не бойся, я никому не скажу.

Сон был долгим и мучительным. В нем медленно, словно в рапидной киносъемке, Наташка вырывалась из рук насильников и делала отчаянный бросок к окну спальни.

А потом сон начинал дробиться на кадры, точно отдельные слайды моментально выхватывались сознанием из темноты и в темноту же погружались, угасая. На них Наталья изо всех сил была в стекло согнутыми в локтях руками, инстинктивно прикрывая лицо.

Звон дробился и отдавался в ушах многократным эхом. По стеклу медленно расплзалась паутина трещины, потом оно расколосось на сотню мелких осколков, и они, словно брызги, взметнулись вверх и стали оседать на пол.

А Наташка зажмурилась, закусила губу, сложила

руки перед собой лодочкой и нырнула в окно головой вперед, как в бассейн.

Она исчезала за окном, словно растворялась в небытии... Сначала голова и плечи, потом спина и бедра, потом постепенно таяли ноги, длинные, бесконечные... И последнее, что он запомнил, — были круглые розовые пятки, нежные и маленькие, как у ребенка...

— Вы можете говорить, Антон Васильевич?

Незнакомый человек в штатском, в накинутом на плечи халате, подвинул стул к его кровати.

Антон с трудом опустил веки в знак согласия.

— Только недолго, — предупредил лечащий врач. — Он еще не оправился после наркоза.

— Что со мной?

Язык едва ворочался во рту, был сухим, словно терка, с противным металлическим привкусом.

— Сквозное пулевое ранение в грудную область. Вам повезло — на пару сантиметров выше сердца. И перелом носа, но это сущий пустяк... — пояснил врач.

Раны в груди Антон не чувствовал, а вот «пустяк» болезненно ныл.

— Старший следователь Истомин, — представился человек в штатском. — Расскажите, Антон Васильевич, что произошло.

— Я... не помню... — пробормотал он. — Мы с Наташей...

— Наталья Михайловна Симакова, хозяйка квартиры? — уточнил Истомин.

— Да... — Антон помедлил. — Моя... гражданская жена.

Он ждал, что следователь расскажет ему, что случилось с Натальей и что она успела рассказать. Надо, чтобы показания не противоречили... Но следователь молчал и выжидательно смотрел на него.

— Я вас слушаю, — поторопил Истомин.

— Мы спали. Отдыхали после полета. — Антон помолчал, собираясь с мыслями. — А дальше... я не понял, что произошло. Кто-то ворвался в дом... на нас набросились... Я сразу потерял сознание...

— Вы предполагаете, кто это мог быть?

— Даже не знаю... Может, грабители?

— Вы можете их описать?

— Нет. — Антон с сожалением вздохнул. — Знаете... такая... общая масса.

— Может, кто-то показался знакомым?

— Я... совсем никого не рассмотрел... Но... нет. Знакомых не было.

— Они были в масках?

— Я не помню... Нет... кажется...

— Хорошо. — Следователь с трудом скрывал свое недовольство. — Хотя бы сколько их было?

— Увы... — помедлив, ответил Антон. — Не заметил...

— Что ж. — Истомин поднялся. — Если что вспомните...

— Да, конечно... — Антон опять опустил веки. — Скажите... а Наташа...

— Она в реанимации. — Истомин посмотрел на него с сочувствием. — Все-таки шестой этаж...

— Это ужасно.

— Как вы думаете, Антон Васильевич, то, что случилось с вами, как-то связано с гибелью вашего стюарда?

— Как? — выдохнул Антон. — Какая здесь связь?

— Я не знаю, — пожал плечами Истомин. — Но два нападения подряд на членов одного экипажа, согласитесь, выглядят подозрительно.

Антон замешкался и неуверенно выдавил:

— Я как-то об этом не думал...

— А я вот задумался. — Следователь остановился в дверях и обернулся к нему. — И буду ходатайствовать об объединении этих двух дел в одно.

— Если вы уверены... что это поможет... — пробормотал Антон.

Она сама не понимала, отчего пошла с Костей, мгновенно откликнувшись на вежливое приглашение попить чайку и обсудить возникшие проблемы. После всего случившегося очень не хотелось ехать домой в одиночестве, да и к родителям, чтобы отвечать на бесконечные расспросы, особого желания наведываться не было. Костя был ей интересен, и любопытство пере-

сидело: ужасно захотелось взглянуть, как живет этот загадочный, держащийся всегда особняком тип.

Динка не хотела признаваться даже себе, что ее больно задело предательство Антона. Значит, он не жил с Наташкой, пока Динка, замерзая, валялась в подмосковном лесу, пока ползла по снегу и плакала от бессилия.

Он ее не искал, он, наверное, даже и не подумал, что она куда-то пропала. Ее могли убить, а он в это время был с другой. Получается, она ничего не значит в его жизни! Наташка для него все, а Динка так — минутное развлечение?

Если об этом все время думать, то можно с ума сойти.

Динка корила себя за жестокость, но ей не было жалко Антона. Вот Наташку жаль: всегда за мужскую глупость и подлость расплачиваются женщины.

Костя открыл ключом дверь и пропустил Динку вперед:

— Подожди, сейчас свет включу.

Но свет в прихожей вспыхнул сам, и перед удивленной Динкой возникла сухонькая бабулька.

— Инна Аполлинарьевна, что ж вы не ложитесь? — ласково спросил Костя.

— А я чувствовала, что ты вернешься, Котик, — прошамкала старушка. — Оладушков напекла.

— Ну зачем вы? — смутился Костя. — Мы в кафе перекусили.

— Ну так чайку попейте, вот оладушки и сгодят-

ся. — Она нацепила на нос болтавшиеся на цепочке очки и пристально принялась разглядывать Динку. — А это кто? Оля? Или Леля? Не припомню...

«Ого! Да наш Котик донжуан!» — подумала Динка.

— Это Дина, — терпеливо объяснил он старушке. — С работы.

— Хорошо, — кивнула она. — Я тогда спать пойду. Ты зверей к себе возьмешь, раз не улетел?

Из-за соседней двери раздавалось радостное повизгивание, кто-то скреб когтями пол, а потом в щель под дверь просунулась рыжая лапа.

Костя распахнул дверь, и в коридор вырвались три лохматых пса, типичные двортерьеры. Они тут же принялись лаять, скакать вокруг хозяина и все пытались упереться лапами ему в грудь и лизнуть в лицо.

— Тихо! — шепотом прикрикнул на них Костя. Он открыл вторую дверь. — Место.

Псы смущенно поджали хвосты и степенно вошли в другую комнату. Следом за ними Костя пригласил туда и Динку.

Она с интересом огляделась. В узкой, длинной, как пенал, комнате стояли тахта, стол, пара табуреток и старый платяной шкаф, трехстворчатый, с потускневшим зеркалом. Напротив тахты вдоль стены лежали на полу три одинаковых мохнатых коврика. Собаки тут же улеглись на них и теперь смотрели на гостью, уложив морды на лапы.

Какой разительный контраст с жилищем Антона! Там все вылизано, все с иголочки, по модным ката-

логам, а Костя будто нарочно пренебрегает презренным бытом.

— Котик, я чайник поставила, — заглянула в дверь старушка. — Смотри не прозевай.

— Спасибо. Спокойной ночи.

— Это твоя бабушка? — спросила Динка.

— Соседка. Но она мне как родная. Я эту комнату после общаги получил. Одно время хотел купить отдельную, а потом подумал: а Инну Аполлинарьевну куда? Как она одна останется? Ты не возражаешь, если мы на кухне поужинаем? У нас так принято.

— Пожалуйста, мне все равно.

Костя отправился на кухню, повязал белоснежный фартук, заварил чай и переложил со сковороды на блюдо пышные золотистые оладушки.

— О! Еще горячие! Угадала баба Инна.

— А откуда она узнала, что ты придешь? — поинтересовалась Динка.

— О! Она еще не то может! — уважительно отозвался Костя. — Она у нас волшебница. Нет, серьезно, не смейся. Все, что меня касается, она на расстоянии видит. Говорит, что когда оба глаза слепнуть начинают, то открывается третий.

— Интересно.

— Еще бы! Она и о людях на расстоянии все может сказать.

— И обо мне? — испугалась Динка.

— И о тебе говорила. Но велела не рассказывать.

Зачем Костя ее к себе притащил? На «просвечива-

ние» к своей «волшебнице»? Хоть и не верится, но все же... Вдруг эта бабуленция сейчас ткнет в Динку пальцем и велит:

— Ну-ка сумку покажи! Отдавай чужое добро, негодница!

Костя засмеялся:

— Я не любитель чужие тайны подсматривать. Расслабься.

Динка отхлебнула ароматного чаю с чабрецом и мятой, откусила сладкий воздушный оладушек и вдруг почувствовала себя, как в детстве, в тепле и безопасности.

Всюду по стенам были развешаны пучки сушеных трав, что придавало кухне какой-то особенный, сказочный уют.

— Дай вилку, — потребовала Динка.

— Зачем?

— Лапшу с ушей сниму.

Костя во всем был Антону полной противоположностью. Нескладный, он скорее походил на журавля, а не на холеного, сытого кота Антона.

Костя вымыл чашки, постелил на тахте и вопросительно посмотрел на Динку:

— Мы ляжем вместе, или мне устраиваться на полу?

— Вот так конкретно? — растерялась Динка.

— Прямой вопрос — прямой ответ.

— Может, лучше я на полу? — предложила она.

— Не надо, я так и думал.

Костя бросил рядом с собачьими ковриками мат-

рас, устроил изголовье из старой куртки и укрылся пледом.

— Ты не обиделся? — тихо спросила Динка. — Извини, я просто так не могу...

— Все нормально. — Костя вдруг обезоруживающе улыбнулся. — Я не собирался к тебе приставать. Я просто хотел, чтоб ты знала, что можешь на меня рассчитывать.

— Спасибо, — сказала Динка. — Но я лучше как-нибудь сама.

Глава 21

Уже на следующий день экипаж доукомплектовали и поставили в рейс. После небольших перетасовок им выпало лететь в Париж. Из резерва вызвали второго пилота и стюардессу, Костя занял место Антона, стал командиром экипажа.

Его назначение встретили скептически, а первое, что он сделал в качестве командира, — отрядил Сашеньку и Олега Петровича провести в больнице Антона и Наталью. Соки и апельсины купили вскладчину.

Посланцы вернулись с неутешительными вестями. К Антону их не пустили, только передачу взяли. А вот Наташке даже фрукты передать отказались. Сашенька со слезами на глазах рассказала, что Наташка в коме и питают ее через трубочки в венах.

Стюардесса, пришедшая на смену Наталье, была странной. Ширококостная, мужеподобная, со скуластым лицом, она никак не вписывалась в «международные стандарты». Говорили, что она недавно переехала из глубинки и в штат ее взяли из жалости — до пенсии чуть-чуть осталось. Но многие уточняли, что жалость тут ни при чем, а просто одним из замов командира авиаотряда был младший брат этой странной стюардессы. И имя у нее было странным: Евлампия.

— Ева, — представилась она, ткнув всем по очереди грубую ладонь для знакомства.

Большого несоответствия между именем и внешним видом трудно было себе представить.

Евлампия-Ева молча курила, а потом буркнула хриплым голосом:

— Ну и бардак у вас тут, прости господи! Гниль!

— Это еще почему? — повернулась к ней Сашенька.

— А потому, что у нас, если б с кем такое случилось, все в больнице дневали бы и ночевали, кровь отдали. А вы сразу в рейс соскакиваете, денег срубить!

— Где это — у вас? — не вытерпел Олег Петрович.

— В Хабаровском авиаотряде.

— Может, вам в Хабаровске делать нечего или врачи неграмотные, — парировал Сашка. — А у нас нет необходимости под окнами сидеть, и кровь им не нужна.

Новый второй пилот тоже не произвел приятного впечатления. Седой, весь сморщенный, как печенюх

яблоко, взгляд какой-то стальной. Он окинул Костю оценивающим взглядом и процедил:

— Ну-ну.

Больше от него никто слова не услышал.

Игорь Игоревич Петраков, самый старший в экипаже, когда-то в молодости летал с назначенным в их экипаж вторым пилотом Ильей Андреевичем Елисеевым.

Радист Петраков прекрасно помнил, как молодой тогда Илья Елисеев собирал вокруг себя сопливых девчонок и рассказывал им, как тренировался в отряде космонавтов. Все знали, что из отряда его отчислили за злостное нарушение режима и дисциплины, но тогда, когда страна знала своих космонавтов в лицо, почетно было хотя бы оказаться чуть-чуть причастным к их славе.

Слишком заносчивым был тогда Елисеев, самоуверенным. Чужая слава вскружила ему голову. Слишком легко брал он на себя ответственность за чужие жизни...

Когда их самолет рухнул за краем взлетной полосы, едва успев от нее оторваться, почти все остались живы. Почти все. Погибла только бортпроводница Ирочка Петракова, молодая жена радиста Игоря.

Он долго не мог смириться, что эта трагедия произошла только потому, что самовлюбленный командир экипажа отдал команду на взлет, не сделав по-

правку на сильный боковой ветер. Не выполнив элементарных требований, не соблюдая азов, понадеявшись на русский авось...

А Илья Елисеев тогда уверенно доказывал комиссии, что у него внезапно заглох левый двигатель, перекладывая свою вину на механика.

Если бы были в чести дуэли, то Игорь давно бы вызвал Елисеева и отвел душу справедливым возмездием. Но гуманный советский суд судил по другим законам. Постоянный боковой ветер в сводках превратился во внезапный порыв, и получалось, что авария произошла не из-за ошибки командира, а из-за стихийных сил природы, которые наказать невозможно.

Игорь Петраков понимал, что никому не хочется портить отчетность, но отстранение от полетов и понижение в звании для Елисеева было слишком мягким наказанием. После аварии командир перевелся в другой отряд, и Игорь до сегодняшнего дня его не видел.

Невысокий седой господин аккуратно снял черное пальто и передал его Евлампии:

— Будьте добры, повесьте, пожалуйста.

Он занял свое место в первом салоне бизнес-класса, откинул столик, положил на него портфель, вынул какие-то бумаги и принялся их просматривать.

Типичный бизнесмен или высокопоставленный чиновник.

— Будьте добры, кофе, — остановил он пробегающую мимо Сашеньку.

— Как только взлетим, — пообещала она.

— А нельзя ли... — Седой господин указал глазами на сидящего рядом полного итальянца, который с интересом косил глазом в его бумаги.

— Сейчас все устроим, — улыбнулась Сашенька, безошибочным чутьем угадав, что этот пассажир привык получать все, чего хочет. — Ева, пересадь вон того товарища.

Она специально поручила объяснение с итальянцем Евлампии. Пусть проявит свое блистательное знание английского. У них там в Хабаровске все, поди, полиглоты...

Ева начала фразу на сносном английском, но пассажир замотал головой: не понимаю. Тогда, к Сашинному удивлению, Ева легко перешла на итальянский, чем совершенно пленила толстяка. Через минуту он послушно поднялся и пошел вслед за Евлампией в переднюю часть салона.

— У нас сошлось, — заглянула в бизнес-класс Динка.

— У нас тоже. — Сашенька понизила голос: — Прикинь, эта мырма на двух языках чешет. Вот класс, а?!

— Никогда бы не подумала! — ахнула Динка.

Освобожденный от назойливого соседа, седой господин повернулся к Сашеньке и вежливо сказал:

— Очень вам благодарен.

Он мельком скользнул взглядом по Динке и отвернулся, но и этой секунды было достаточно.

...Костя устроился в командирском кресле, отрегулировал шлемофон, осмотрелся. Непривычно как-то. Хотя он много раз представлял себя на месте Антона, но все же не думал, что так скоро сможет занять его. И хотя машину он знал как свои пять пальцев, его колотил легкий мандраж.

Особенно смущал второй пилот. Костя знал о нем только то, что Илья Елисеев сам был командиром экипажа, а потом за какую-то провинность его понизили в должности.

Он покосился на Елисеева. Тот устраивался основательно: передвинул поудобнее кресло, опустил спинку чуть назад, попробовал локтями, не мешают ли подлокотники. Как ни странно, это Косте понравилось. В работе он уважал обстоятельность.

Все шло как обычно. Штурман Олег Петрович Васин доложил готовность. Бортинженер Саша Смирнов еще до объявления посадки проверил все узлы и механизмы, а теперь пощелкал тумблерами и буркнул:

— Нормалек.

Радист Игорь Игоревич Петраков надел шлемофон, проверил связь и исподлобья наблюдал из своей рубки за работой остальных.

— Не смотри, дырку прожжешь, — не оборачиваясь, бросил ему Елисеев.

— За тобой глаз да глаз, — процедил сквозь зубы Петраков.

В кабину заглянула Сашенька. Она исполняла обязанности старшей стюардессы и очень этим гордилась.

— Подсчет пассажиров окончен, — доложила она. — На борту сто двадцать три человека. Данные совпадают с регистрационной ведомостью.

— Очень хорошо, — кивнул Костя. Он откашлялся и сказал в микрофон: — Борт сто двенадцать — шесть — два вызывает диспетчера.

— Борт сто двенадцать — шесть — два, диспетчер слушает, сообщите готовность.

— Готов, — сказал Олег Петрович.

— Готов, — подтвердил Сашка.

А второй пилот что-то буркнул себе под нос.

— Прошу разрешения на запуск первого двигателя.

— Запуск разрешаю.

Первый из четырех реактивных двухконтурных двигателей Д-30КУ взревел. Ровно, мощно, без перебоев.

— Второй, — кивнул Сашка.

— Разрешите запуск второго двигателя...

Костя уже внутренне успокоился — все идет привычно, по раз и навсегда заведенному распорядку, вдруг дверь кабины распахнулась и к ним ворвалась Динка. Она была какая-то взъерошенная, глаза неестественно округлены.

— Там... там... — выдохнула она. — Отмените взлет! У нас на борту бомба!

— Спокойно, — процедил сквозь зубы Костя. — Выводите пассажиров. Никакой паники, улыбайтесь как ни в чем не бывало.

Он первым осмотрел подозрительный пакет, обнаруженный Динкой. Сверток, замотанный в целлофановый кулек, лежал в углублении ниши для верхней одежды и ручной клади, как раз неподалеку от правого винта.

Если рванет, прикинул Костя, то волна пойдет как раз вправо. Корпус может разломиться, двигатели выйдут из строя... А если сдетонирует горючее?! Даже представить страшно: на борту шестьдесят тонн...

— Руки! — прикрикнул он на Динку, которая потянулась пальцем к свертку. — Не трогать!

По виду в пакете находилось не меньше полукилограмма пластика.

Костя нагнулся и осторожно приблизил ухо к свертку. Внутри что-то отчетливо тикало. Механизм мерно отсчитывал последние минуты до взрыва.

Вернувшись в кабину, он доложил диспетчеру об остановке двигателей и сообщил о ЧП.

Лайнер все еще стоял рядом с терминалом. При немедленном сильном взрыве могло пострадать и здание аэропорта, особенно посадочная галерея на втором этаже. Да что там говорить: пожар, в котором загорятся шестьдесят тонн горючего, даже представить сложно.

— Я дал команду эвакуировать пассажиров, жду подтверждения.

— Погоди, сто двенадцать — шесть — два. Отка-
тывай от терминала на крайнюю стоянку, — перебил его диспетчер.

— Как — откатывай? — не понял Костя. — У нас бомба с часовым механизмом. Нам надо высадить людей.

— Ты меня понял? — повысил голос диспетчер. — Здесь тоже люди. Ты знаешь, когда рванет? А если прямо сейчас? Здесь всю стену снесет на фиг!

— А если мы не успеем?

— Слушай, я тебе по-русски объясняю! — взорвался диспетчер и действительно перешел на доходчивый и емкий русский мат. — На крайнюю стоянку. Немедленно! Туда подадим трап. Пассажиров — на поле и отводите подальше. Спецбригада сейчас прибудет.

— Ясненько, — нехорошо усмехнулся второй пилот. — Пусть лучше полтораста человек грохнутся на дальней стоянке, чем переполох перед фасадом.

Костя чертыхнулся и принялся аккуратно откатывать лайнер от терминала. Он вел его по бетону плавно, как по маслу, боясь ненароком встряхнуть на выбоинах.

Елисеев напряженно смотрел вперед. К ним медленно приближалась полоска стыка бетонной рулежной площади и крайней правой ВПП. Чтобы добраться до дальней стоянки, следовало пересечь правую крайнюю. В нормальных условиях, на обычной рулежной скорости, этот стык был почти незаметен. Но сейчас, когда они опасались каждого толчка, стык становился крайне опасен.

Самое паршивое было то, что из высокой кабины можно было смотреть только вдаль. То, что вблизи,

уже не попадало в поле зрения. А необходимо было рассчитать момент прохождения колес шасси стыку.

— Скорость постоянная, — велел Костя.

— Держу.

Елисеев не отрывал глаз от полосы. Теперь стыка уже не было видно, он ушел под нос лайнера, и Костя судорожно прикидывал, когда с ним поравняется шасси.

— Четыре... три... два... — шевельнул губами Елисеев. — Первое колесо прошло...

— Держи.

— Держу... И...

Их еле заметно тряхнуло, совсем мягко, и оба одновременно с облегчением выдохнули:

— Фу... Ешкин кот!

— Уважаемые пассажиры, — без выражения бубнила Евлампия, — просим вас на время покинуть салон нашего лайнера. Сейчас вам будет подан трап.

— А что случилось? — заволновались пассажиры.

— После того как вы покинете борт нашего самолета, сразу же отходите от него как можно дальше. Бортпроводницы укажут вам, в какую сторону следует двигаться.

Но ее уже не слушали. На нескольких языках одновременно по салону разнеслось одно слово: бомба!

Пассажиры повскакивали с мест и сгрудились у выхода.

Танька Шохина, бледная как полотно, пыталась перекричать галдящую толпу:

— Господа! Спокойно! Выходим организованно!

Лайнер замер на крайней стоянке, вдали от здания аэропорта. Оно едва различалось отсюда. За бортом было пустынно и страшно. Границу полосы освещали только сигнальные лампы на бордюре, а по оголенному пространству со свистом гулял ветер.

Едва лайнер остановился, к нему одновременно подъехал автокар с трапом и несколько машин, из которых резво выпрыгнули молодцы в пятнистой униформе.

— Может, открыть аварийные выходы? — спросила Сашенька.

Но Евлампия уже откатила тяжелую дверь, проверила стыковку трапа и встала на выходе, сдерживая рвущихся наружу, напирающих сзади пассажиров своим мощным, плотным телом.

Дина с Танькой организовывали выход из второй двери. В считанные минуты пассажиры были уже на земле, а по трапам вверх взлетели фээсбэшники.

— Где?

— Вон там, я покажу, — засуетилась Динка.

— Брысь! — рявкнул на нее Костя. — Что встали? Бегом отсюда! Ваше место с пассажирами!

Танька схватила Динку за руку и потащила за собой.

Евлампия была уже на поле. Она, как наседка, со-

брала перепутанных пассажиров вокруг себя и организовано отводила в сторону пятой ВПП.

— Надо объявление сделать, — сказала, подходя к ним, Сашенька.

— Какое?

— Чтобы пассажиры взяли в зубы паспорта. Тогда легче будет при опознании.

— Очень смешно, — не оценила юмор Танька.

Сашенька обиженно пожала плечами.

У Сашеньки руки были заняты грудой пальто и курток. Евлампия умудрилась захватить одежду успешных раздеться пассажиров. И правильно сделала. Было очень холодно.

Стюардессы выскочили наружу в фасонных кителях и тонких колготках, и теперь колени моментально покраснели, в них словно впивались тысячи иголок. Ветер задувал под короткие юбки, забирался за пазуху.

Евлампия же словно не чувствовала холода. Она раздавала пальто и куртки, и ее со всех сторон благодарили на разных языках.

— Сибирячка, блин! — буркнула Танька.

У нее уже зуб на зуб не попадал. Даже зазорные конопушки побледнели от холода. Седой господин принял из рук Евлампии свое черное пальто, подошел к Таньке и накинул ей на плечи.

— Вы замерзли. Так недолго и простудиться.

— Спасибо, — расцвела она. — А вы?

— Я вполне морозоустойчив. — Он улыбнулся. —

Вы не скажете мне, что случилось? Или это государственная тайна?

— Да какая там тайна! — фыркнула Танька. — Все уже догадались. У нас бомба на борту.

— Очень любопытно! — сказал седовласый.

Они отошли от лайнера на приличное расстояние и теперь наблюдали издали, как сначала по трапу спустился экипаж, потом взбежал вверх парень с овчаркой на поводке, потом в салон втащили какой-то прибор.

— Что они делают? — почему-то шепотом спросила Танька.

— Собака найдет взрывчатку, — принялся тихонько объяснять ей седой. — А это робот-манипулятор. Он будет работать с бомбой вместо сапера.

— Ой, я боюсь... — невольно прижалась к нему Танька. — Не дай бог, рванет...

— Будем надеяться... А кто обнаружил бомбу?

— Я не знаю, — растерялась Танька. — Кажется, Костя... Командир экипажа. Я видела, как он салон осматривал.

— Да, сейчас нужна особая бдительность, — кивнул седой.

— Вы думаете, они опять дома будут взрывать? — в ужасе поежилась Танька. — У меня мама до сих пор спать боится. Мы на Варшавке живем.

— Конечно, будут, — кивнул седой. — Причем обязательно в Москве. Периферия не имеет такого резонанса. Ведь нужны оправдания для продолжения войны.

— Но войну начали в ответ на терроризм! — возразила Танька.

— Или террор для начала войны? — вздохнул седовласый. — Эх, милая девушка, все мы заложники политических игр.

Он напрягся, вытянул шею и прищурился. По продолговатому желобу, проложенному поверх трапа, из лайнера медленно съезжал вниз робот-манипулятор.

— У вас глаза помоложе, — сказал Таньке седой. — Что это они делают?

— Я не понимаю. Кажется, этот робот что-то держит... Нет, показалось.

Динка благоразумно отступила за широкую спину Евлампии и оттуда наблюдала за манипуляциями около лайнера.

Сбежал вниз парень с овчаркой. Робота погрузили в машину. Молодцы в пятнистой униформе сняли оцепление вокруг самолета. По пустой полосе к толпе пассажиров, согнувшись, побежал Сашка Смирнов.

Фээсбэшники расселись по машинам и уехали, а навстречу им от здания аэропорта приближались пассажирские автобусы. Они успели подъехать раньше, чем подбежал Сашка, и он замахал руками, чтобы подождали.

Пассажиры набились в автобусы плотной толпой, Динка с Евлампией едва втиснулись последними.

— Куда нас? В аэропорт?

Но автобусы свернули к самолету.

Танька Шохина и седой джентльмен оказались рядом с Сашкой, который громогласно объявлял по-английски:

— Все в порядке, господа! Ложная тревога. Обычные антитеррористические учения. Наш экипаж приносит извинения за доставленные неудобства, но вы сами понимаете, что такие репетиции необходимы в целях вашей же безопасности.

Послушные иностранцы согласно кивали головами. Возмущались только наши:

— Хороши учения! Людей на мороз да ветер! Вас бы так поддержать! О людях вообще не думаете, вам лишь бы галочку поставить!

А Сашка нагнулся к Танькиному уху и возбужденно зашептал:

— Там такая бомба! Закачаешься! Целая пачка баксов, икона и будильник! Просто будильник, чтоб тикал! Умора!

— Что вы говорите? — перегнулся к нему через Танькино плечо седой. — Не было бомбы?

— Пошутил кто-то, — ответил Сашка. — Я сам видел, как полковник грины считал. Все по сотне. Вот такая пачка! — Он щедро отмерил пальцами расстояние.

— Вы сказали, там была икона? — уточнил седой.

— Да, Богородица. Маленькая такая, старая, — сказал Сашка.

Видно было, что икона волновала его гораздо меньше, чем немеренное количество бумажек с портретом американского президента.

Автобусы остановились около трапов, и пассажиры начали подниматься в самолет. Только седой господин отошел в сторонку и обратился к Таньке:

— Вы извините, но что-то я передумал лететь этим рейсом.

— Да, я понимаю, — согласилась она.

— Что мне надо сделать, чтобы сдать билет?

— Вообще-то вы уже прошли регистрацию и таможню, — задумалась Танька. — И мы сведения сообщили... Но, с другой стороны, такие непредвиденные обстоятельства...

— Что вы там застряли? — крикнула им сверху Сашенька.

— Да вот товарищ лететь передумал.

— Садись с ним в автобус, — велела Таньке Сашенька. — Сдашь дежурному и возвращайся. Он сам разберется, что с ним делать. Только пусть тебе регистрационную ведомость исправит!

Ил-62М со ста двадцатью двумя пассажирами на борту наконец оторвался от взлетно-посадочной полосы аэропорта Шереметьево-2 и взял курс на Париж. Казалось, все неприятности уже позади и все, что могло случиться, уже случилось.

Глава 22

После пережитого приключения пассажиры быстро утомонились. Уже через полчаса полета, выпив немереное количество кофе и спиртного, многие накрылись пледами и задремали.

Динка с Танькой набегались, пока удовлетворили все прихоти своих пассажиров. А Динка сейчас и сама бы не отказалась глотнуть коньячку.

Заглянув в бизнес-класс, она увидела, что седого господина нет на месте, и едва сумела дожидаться Таньку, чтобы расспросить о нем. Как только та вернулась на борт, Дина набросилась на нее.

Удивленная Танька старательно пересказала весь свой диалог с седовласым и сообщила, что он передумал лететь.

— Это точно? — вцепилась ей в рукав Динка.

— Сто процентов. Я его дежурному сдала, тот его напрямиком к таможене повел.

— А багаж?

— Да он без багажа был, с одним портфелем.

— Странно, — пробормотала Динка.

— А что странного?

— Ну ты, к примеру, в Париж с собой что взяла бы?

— А мы и так в Париж летим, — фыркнула Танька и выразительно крутанулась перед Динкой, демонстрируя форменный китель и юбчонку. — А еще у меня тушь и пудра в сумочке.

— Ну мы другое дело. Мы по работе и на несколько часов...

— А может, и он на несколько часов, — возразила Танька. — У меня один знакомый в Африку на месяц уезжал с «дипломатиком». А в нем зубная щетка, смена белья и пара носков. А все остальное он на месте купил.

— Может быть... — Динка открыла бар, откупорила бутылку коньяка и налила два бокала. — Давай выпьем.

— А ничего не будет? — испугалась Танька.

— А кто узнает? — хмыкнула Динка.

Они закусили лимончиком и с наслаждением вытянули ноги. Динка скинула туфли. До обеда оставалось еще больше часа, можно немного расслабиться.

Сашка Смирнов никак не мог сосредоточиться. Мысли все время возвращались к странному седому пассажиру, рядом с которым он оказался в автобусе. Где-то он его уже видел, и это смутное воспоминание почему-то очень беспокоило. Оно было из разряда тех, которые от греха подальше загоняют в самые глубокие дебри подсознания.

Может, этот седой благообразный господин как-то связан с предвыборной кампанией Любаши? Может, встречались мельком на каком-нибудь рауте?

Когда Сашка был свободен, Любка обязательно тащила его с собой то на презентацию, то на званый

ужин. Он ненавидел эти светские тусовки, но послушно следовал за женой.

Маленькая, худенькая, сильно накрашенная, с утянутой на скулах кожей, над которой уже несколько раз трудились пластические хирурги, Любка походила на юркую мартышку. Сашка терпел прикосновение ее цепких лапок, она буквально висла на его руке. А ей доставляло огромное удовольствие появляться рядом с молодым, статным, симпатичным летчиком в красивой форме, которого она с гордостью представляла всем знакомым:

— Это мой муж, бортинженер Александр Смирнов.

Слово «бортинженер» и форма с нашивками производили на присутствующих магическое впечатление. Вокруг тут же начинались разговоры о народе, об интеллигенции, о величии нации, о приоритетных технологиях.

Сашка не участвовал в этих беседах. Он молча поглощал угощение и щедро баловал себя выпивкой. Любка молчала, позволяя ему напиваться всласть в качестве компенсации за бездарно потраченный вечер. Потом она просто брала благоверного под ручку и волокла к машине. Это если Сашка мог двигать ногами. А если не мог, то его бесчувственное тело грузили в «мерседес» два охранника.

Седой господин с напряженным, пугающим взглядом если и появлялся на каком-нибудь рауте, то только в качестве представителя конкурирующей стороны. Сашку хоть и не посвящали в тонкости интриг вокруг

семейного бизнеса жены, но он прекрасно все видел и слышал. Конечно, только то, что ему позволяло. И возможно, увидев седого, Сашка автоматически занес его в реестры памяти в качестве враждебной стороны.

Нет, поразмыслив, Сашка пришел к выводу, что этого седого все-таки знал раньше, еще до женитьбы, еще тогда, когда он не был таким седым и благообразным. А видел Сашка его совсем недавно, на приеме в мэрии... Седой точно был там, и Любку даже с ним познакомили, но Сашка не мог вспомнить ни его имени, ни рода занятий.

Нужно спросить у жены, когда вернется из рейса. У нее память цепкая, особенно на деловые знакомства. И объяснение этому интересу найдется: увидел знакомое лицо и подумал, может, Любке важно знать, что этот господин улетел в Париж? Любка назовет его имя, и тогда Сашка сумеет вспомнить наверняка...

Впрочем, зачем ему это? Почему это так мучительно важно? Что за дело ему до случайного человека? Мало ли людей он раньше знал, а потом позабыл?

Да тысяча примеров: ребята с параллельного потока в институте, шпана, с которой он связался после... А у шпаны были приятели и у тех тоже дружки... Это как круги по воде от брошенного камня — круг знакомств разрастается, в него включаются все новые и новые лица. Многих из них и в жизни-то видишь единственный раз...

Но этот седой по возрасту не тянул на институтских

знакомых и приятелей криминальных дружков. Он мог быть, например, братом ректора или случайно забредшим в институт приятелем декана...

Тогда он не был седым... Когда? И какого цвета были его натуральные волосы? Что-то билось в мозгу, какая-то мысль, но она все время ускользала...

— Слышь, командир, я выйду на пару минут, — сказал он Косте.

Как-то даже язык не поворачивается называть его командиром...

— Да иди, — не поворачиваясь, ответил тот.

Сашка медленно, тщательно вглядываясь в лица дремлющих пассажиров, прошел сначала бизнес-класс, потом экономкласс...

Странно, седого господина среди пассажиров не было.

Сашка вернулся обратно, продолжая всматриваться в пассажиров.

— Ты кого-то ищешь? — спросила его Динка.

Они с Танькой уютно расположились в своей закутке. Бутылку Танька успела спрятать, но Сашка заметил блюдо с нарезанным лимоном и два фужера.

Танька перехватила его взгляд и скорчила уморительную рожицу. Конопушки собрались на носу в кучку, а рыжие стриженные кудряшки делали ее похожей на сорванца Тома Сойера. Такой взгляд действовал безотказно: мужчины обычно от него впадали в

детство, воспринимая Таньку как приятеля детских шалостей.

— Никому не скажешь? — проканючила она. — Мы по чуть-чуть... для сугреву...

— Да ладно, — махнул рукой Сашка. — Я не фискалю, тем более Костику.

— Так кого ты ищешь? — повторила свой вопрос Динка.

Она напряженно смотрела на него, словно ей очень важно было получить ответ. Хотя, наверное, ему просто показалось. Какая ей разница?

— Пассажиров вроде не хватает, — пошутил он.

Но Танька неожиданно кивнула:

— Точно! Этот дедуля решил остаться.

— Какой дедуля? — не понял Сашка.

— Ну седой. Он тебя про бомбу спрашивал, помнишь?

— Нет, — с усилием выдавил Сашка. — Не припомню...

— А что он спрашивал? — вдруг оживилась Динка.

— Да чепуху, — отмахнулась Танька. — Сашка рассказывал, что у нас вместо бомбы баксы нашли и икону.

— Ага, — сказала Динка и широко улыбнулась. — Класс!

— Ты не знала, что ли? — спросила Танька. — Саш, сколько там гринов было?

— Не знаю, не считал, — буркнул он.

...Едва Смирнов ушел, Динка вновь наполнила бокалы и махнула сразу до дна. Удалось! Сработало! Гип-гип, ура!

Когда пассажиров отвели от лайнера, она уже боялась, что все затеяла зря — с такого расстояния ничегошеньки не разглядеть... И тут вдруг удача! Сашку угораздило распустить язык как раз рядом с клиентом! Как по заказу! Никто и не заподозрит, что все подстроено!

Динка раздувалась от гордости: ай да я! Ай да умница!

Решение пришло спонтанно. И как все внезапное, оказалось более удачным, чем запланированное.

Увидев на борту седого, Динка едва поборолала желание убежать куда глаза глядят. Но всю жизнь бегать не будешь... И родителей не хотелось ставить под удар... Итак уже слишком много людей пострадало из-за того, что сверток, за которым охотятся бандиты, находится у нее в сумочке.

Она больше не мечтала тратить эти проклятые доллары, покупать на них шубы или кожаные шмотки. Ей больше не хотелось ни в круиз, ни новую квартиру... Какой она еще совсем недавно была дурехой!

Теперь хотелось только одного: поскорее избавиться от проклятого свертка. Пока он у нее в сумочке, это все равно что бомба замедленного действия: рано или поздно рванет.

Бомба! Это выход!

Как раз перед полетом Динка купила в аэропор-

товском киоске новый будильник. Она давно подыскивала именно такой: массивный, с пружинным заводом и громким механическим звонком. Модные электронные своим комариным писком могли не разбудить спящую богатырским сном Динку.

Этот старомодный урод с оглушительным тиканьем и сыграл отведенную ему роль часового механизма. Причем с блеском!

Но человек никогда не бывает доволен всем. И Динку постоянно беспокоила глупая мысль о том, что теперь ей снова придется искать по всей Москве такой же будильник...

Да и произошло все совсем не так, как представляла себе Динка. Она была просто уверена, что сверток вынесут из самолета, положат на виду у всех на землю, а потом выстрелят по нему из водяной пушки. Динка видела такое в каком-то боевике. И ей представлялось, как эффектно от удара мощной водяной струи лопнет сверток и как взлетят вверх и закружатся над взлетно-посадочной полосой зеленые заграничные бумажки...

И седого господина тут же хватит инфаркт или инсульт... И поделом гаду!

Но действительность оказалась куда прозаичнее. Никаких тебе водяных пушек, и даже как действует робот-манипулятор посмотреть не удалось... Костя рассказал, что собака не учуяла взрывчатку в найденном пакете, поэтому робот служил только для подстраховки.

А Динке так хотелось посмотреть на фээсбэшника, обнаружившего ее «бомбу». Особенно обидно было, что никто не узнает, что это она, Диана Лебедева, совершила гражданский подвиг и вернула государству бесценный раритет. Ведь икона рублевской школы наверняка считается национальным достоянием. Это достояние спасла от эмиграции скромная стюардесса лайнера Ил-62.

Динка огорченно вздохнула. Никто не даст ей ни медали, ни ордена. Даже простого «спасибо» никто не скажет. А если узнают, что она столько времени прятала это национальное достояние, да хотела при-тырить сто тысяч, то вместо «спасибо» скажут кое-что и покрепче...

Тогда он не был седым... Но цвет волос у него был все же каким-то странным... Сашка не мог представить себе его ни блондином, ни брюнетом. И рыжим не был этот странный господин...

Пегий! Сашку аж подкинуло на месте. Он едва сдержался, чтобы не крикнуть во весь голос: «Пегий!»

И тут же по коже побежали мелкие мурашки, даже скулы свело от внезапного озноба. Странно, здоровый, рослый мужик, а при одной мысли о пегом его бросило в дрожь. Но у Сашки Смирнова были все основания для страха.

Тогда он еще не был Смирновым, дружки знали его не по фамилии, а по кличке Аванс. Это он придумал

являться в патронируемые фирмы дважды. В первый раз они забирали не все, оставляли немного «на развод», устанавливали таксу, так сказать, брали аванс. А заодно присматривались и прикидывали. Во второй же раз набег был дерзким и опустошительным, все выгребалось подчистую — и добыча составляла гигантские суммы.

Ведь после первого визита фирмачи расслаблялись, памятуя, что в одну воронку снаряд дважды не падает. И тут они жестоко ошибались. Именно во второй раз Сашка с друзьями мог поживиться и оргтехникой, и солидным содержимым сейфов...

И восемь лет назад Сашка Аванс имел честь быть представленным пегому, или, как его уважительно называли матерые авторитеты, Папе...

Об этой уголовной разборке долго говорили в столице. Дело было громким, но никаких следов, как водится, не нашли.

Сашка и его ребята нечаянно увлеклись, влезли на чужую территорию. Впрочем, тогда криминальный мир еще только начинал раздел зон влияния, и многие территории оставались спорными, за них шла настоящая война, они постоянно переходили из рук в руки, и Аванс, воспользовавшись этой сумятицей, вклинился на чужой пятачок. Пока «законные владельцы» выясняли друг с другом отношения, Сашкины ребята

успели «состричь купоны» со всех крупных и мелких фирмочек.

И однажды старенькую «ауди», на которой ездили Сашкины ребята, прижал к обочине солидный джип. Оттуда появились крепкие качки и недвусмысленно предложили следовать за ними.

Приехали они на окраину Москвы в небольшой частный ресторанчик. Рядом с ним уже были припаркованы штук десять иномарок. И Сашка изрядно струхнул, поняв, что их привезли на разборку.

Перед входом ребят обыскали, отобрали стволы. Сашка видел, что стол в холле завален изъятым оружием.

В зале ресторана за богато накрытым столом сидели человек десять, остальные жались вдоль стены. По бокам от них, у двери, у каждого окна стояли серьезные ребята со стволами. Сашку и его друзей подпихнули к жмущимся вдоль стены.

Люди за столом молча смотрели на них. А во главе стола сидел пегий Папа. Его сразу легко было узнать по необычному цвету волос и по уверенным, хозяйским манерам.

Сашка слышал уже раньше о существовании жесткого и всесильного авторитета под такой кличкой, но никогда не думал, что судьба может свести их лицом к лицу.

— Все собрались? — спросил Папа и утер губы крахмальной салфеткой.

Человек за его спиной по-холуйски согнулся и зашептал ему на ухо, указывая на стоящих.

Тогда Папа внимательно посмотрел на каждого, и, когда очередь дошла до Сашки, тот содрогнулся от холодной стали в его взгляде.

— Не хотите жить как люди, — вздохнул Папа. — Учишь вас, учишь. А вы все крысятничаете. Уроды.

Он отвернулся к холую и что-то тихо приказал ему. Тот моментально подскочил к шеренге и принялся сортировать стоящих через одного, словно исполнял команду «на первый-второй рассчитайсь!».

Сашка оказался в числе тех, кого выдернули вперед. Он в страхе не мог отвести взгляда от Папы, а тот в задумчивости барабанил пальцами по столу. Потом вновь осмотрел две шеренги, словно генерал свою армию, и все поневоле подтянулись и подравнялись.

Пару секунд Папа словно колебался, а потом взмахом руки велел Сашкиной шеренге отойти на другой конец зала, к окнам.

А потом со всех сторон раздался грохот одновременных выстрелов. Вторая шеренга рухнула на пол, люди корчились в предсмертных судорогах, кровь брызгала на стены. Воздух наполнился едким запахом пороховой гари. Сашка зажмурился.

Каждую секунду он ждал, что сейчас боевики развернутся в их сторону, и он тоже получит свою порцию смертельного свинца.

Но выстрелы стихли. Папа поднялся, глянул на сбившихся в кучку, перепутанных парней и усмехнулся:

— Обосрались? Ничего, подмоетесь. Впредь умнее будете.

Он вышел из ресторана, за ним его свита. Должно быть, от вида крови даже у них пропал аппетит.

Сашку тогда выкинули за кольцевой дорогой. В тот вечер он потерял двух своих дружков и с ужасом думал, что было бы, если бы они с Витасем поменялись местами...

Теперь пегий стал седым и солидным. Впрочем, солидности ему и тогда было не занимать, не зря же для всей криминальной Москвы он был не меньше чем Папой. Эдакий крестный отец молодой российской мафии. Даже кличку свистнули у итальяшек.

Интересно, что делает авторитет в правительственных приемных? Знают ли там о его былых подвигах? О том, сколько на нем крови? Каким бизнесом он теперь промышляет, отошел ли от прежних дел? И главное, что мучило Сашку: узнал ли он его?

Вероятности мало. Тогда Аванс был двадцатидвухлетним разгильдяем, а теперь стал вполне приличным человеком, бортинженером. Для Папы он тогда был одним из многих, бледным пацаном, ждущим своей участи. А тот был для Сашки богом всемогущим.

И все же... Не хотелось бы, чтобы его прошлое всплыло, особенно в период Любкиной предвыборной кампании.

Глава 23

Отчего-то стоит выпить хоть каплю спиртного, закурить сигаретку, сесть с подружкой, чтоб потолковать, как тут же волком выть хочется. Динка и выпила-то всего ничего, но, видно, сказалось напряжение прошедших дней.

А тут еще и Танька некстати завела разговор о Наташке и Антоне. Конечно, понятно, что девчонка переживает, но Динке это напоминание было как железом по стеклу.

Если бы она догадалась подсунуть «бомбу» чуть раньше, хотя бы тогда, когда на борту находился бритоголовый крепыш, то ни Наташка, ни Антон не пострадали бы. Да и ей не пришлось бы пережить весь этот ужас.

Но задним числом все мы умные. Да и икона с деньгами лежали в тот момент в сочинском сарайчике Вадима.

И теперь оставалось только задавать себе мучающий вопрос: зачем?

Зачем она вообще взяла этот сверток у Павла Кондакова? Ну, допустим, она не знала, что в нем и чем все обернется... И второй вопрос: зачем тогда сунула в него свой нос? Что за дурное любопытство?! И зачем отвезла к Вадиму прятать? Надо было сразу избавляться от проклятых денег!

Ни на один из этих вопросов Динка не могла дать

четкого ответа. Ей оставалось только лупить себя кулаком по лбу и причитать: ну дура я, дура!

И самое противное, что так было всегда. Во что бы ни ввязывалась Динка, что бы ни предпринимала, всегда потом оказывалось, что она забыла подумать о последствиях.

Ну когда я наконец поумнею?!

Динка даже отчетливо помнила день, когда начались все ее неприятности, которые нарастали как снежный ком, пока, наконец, не привели к нынешнему результату. Это было Первое мая ровно десять лет назад.

Динку с подружкой в тот день зачем-то понесло в заброшенный монастырь. Теперь в нем жили, вернее, влачили жалкое существование какие-то люди. Они ночевали в кельях, готовили еду на керосинках, сушили в монастырском дворе выстиранное тряпье.

Здесь нашли приют и бомжи, и наркоманы, и какие-то подозрительные типы с уголовными замашками.

Какой зловредный черт понес в это совсем не божье место двух тринадцатилетних девчонок, сказать невозможно. Проклятое любопытство и страсть к авантюрам и приключениям — имя этому бесу.

Маринка давно подогревала Дину рассказами о таинственных призраках, которые живут на старой колокольне, и о золотых кладах, зарытых в монастырских подвалах. А смотреть призраков и искать клады сле-

довало если не ночью, то по крайней мере вечером. И подруги долго ждали, пока стемнеет, а потом улизнули из дома под предлогом того, что отправятся смотреть праздничный салют.

До монастыря надо было ехать сперва на метро, потом на трамвае. Он находился в глубине микрорайона, чуть поодаль от ветхих, расселенных двухэтажек с пустыми глазницами окон, рядом с которыми уже стояла строительная техника и был вырыт котлован.

Подруги аккуратно перебрались через грязь по широкой доске, стараясь не запачкать свои нарядные туфельки, а то потом объясняй родителям, где были... У полуразрушенной стены монастыря росла свежая зеленая травка, в ней уже готовились распуститься тугие бутоны желтых одуванчиков. Через пролом в кирпичной кладке девчонки проникли внутрь.

Они обогнули круглый остов звонницы и остановились. В одной из келий горел свет. Пламя свечи едва колыхалось, окно было распахнуто настежь, и оттуда доносились оживленные пьяные голоса.

— Празднуют... — шепотом сказала Маринка.

— Кто? Привидения?

— Не знаю...

Они осторожно подкрались к окну. Динка ухватилась за выбоину в кирпичной кладке, встала на высокую приступку и подтянулась к подоконнику. Она не успела ничего разглядеть, потому что половинка

кирпича, за которую она держалась, разломилась под ее пальцами, и Динка с грохотом рухнула на землю.

Из окна тотчас высунулись две всклокоченные головы, и пьяные голоса радостно завопили:

— А кто к нам пришел! Сами в окно лезут!

— Бежим! — крикнула Маринка.

Она успела сообразить гораздо быстрее Динки, и что было мочи припустила обратно к проему. А Динка замешкалась. Во-первых, она упала и больно стукнулась коленкой, потом принялась искать в потемках слетевшую с ноги туфельку. Туфли ей подарили как раз на Майские, красные, лаковые, на каблуке, и было бы очень жалко так просто их потерять.

Ей бы найти туфельку и бежать в темноту, за колючие заросли кустов шиповника, а она испугалась и принялась громко звать подругу:

— Маринка! Ты где? Подожди!

Маринки уже и след простыл. Она опомнилась только на трамвайной остановке, промчавшись без передышки два квартала. Там она и топталась в ожидании Динки, боясь отправиться обратно, на поиски.

Зато на Динкины вопли выбрались из кельи несколько парней явно бандитского вида. Небритые, неряшливо одетые, дышащие перегаром, они были в два раза старше Динки и во столько же выше и крепче. Один из них схватил ее, прижал к груди и заорал:

— Ребя, я поймал!

Из подмышек разлило потом, Динка едва не задохнулась. Она зажмурилась и сжалась в комочек. А ее

крутили, вертели, разглядывали, подталкивали друг к другу, забавлялись с ней, как пресыщенные тигры с котенком.

— Отпустите меня, пожалуйста... — тоненьким голоском проскулила Динка. — Меня мама ждет...

Это вызвало новую волну веселья.

— А что ж ты сюда пришла? — резонно осведомился крепкий рыжий парень. — Сидела бы дома, с мамочкой...

Парни казались ей такими страшными, что Динка молилась про себя: лишь бы не убили... Поэтому согласна была выполнить любое их приказание. Страх парализовал ее, как кролика вводит в ступор взгляд удава. Она была согласна и пить противную дешевую бормотуху, и даже полстакана водки махнула, не почувствовав вкуса, как воду.

От нервного возбуждения хмель ее совсем не брал. Может, если бы Динка опьянела, то потом было бы легче. Иногда очень здорово потерять память, но она, как назло, не могла ни упасть в обморок, ни отключиться. Она сидела в окружении пьяных подонков, послушно кивала, позволяла рыжему лапать себя под свитером, целовать взасос мокрыми противными губами. От этих поцелуев Динка задыхалась, с трудом сдерживая тошноту. Она боялась вырваться, боялась возразить.

Самое странное, что ей даже не угрожали, просто она сама боялась их спровоцировать, надеясь, что если будет послушной и покладистой, то ее отпустят.

А парни уделяли ей не больше внимания, чем обычной съемной шлюшке, готовой обслужить за полстакана. Поймав девчонку и позабавившись ее страхом, они потеряли к ней интерес, когда она оказалась их собутыльницей. Только рыжий настойчиво тискал покорную Динку, а потом встал из-за стола и потянул ее за руку.

В соседней келье было темно. В углу громко скреблись крысы. Динка невольно прижалась к рыжему, а он истолковал ее жест по-своему. На полу валялся грязный драный матрас, на него он и завалил Динку, налег сверху всей тяжестью, задрал короткую юбчонку и с силой рванул колготки. И только когда тонкий капрон с треском порвался на ее ногах, Динка опомнилась и закричала.

Рыжий зажал ей рот ладонью, но он мог и не делать этого: в ближайших окрестностях не было никого, кто бы мог прийти ей на помощь, а толстые каменные стены удивительным образом поглощали все звуки...

— Хорошая девочка, — сказал он, поднимаясь и отряхивая брюки. — Чего ж ты не сказала?

Динка молча глотала слезы. Рыжий помог ей подняться, обнял за плечи и, пошатываясь, повел на улицу. Динка очень боялась, что он завернет к друзьям и предложит им продолжить забавы с Динкой, но рыжий оказался собственником. Он довел ее до про-

лома в стене, подсадил, чтоб она перелезла, и задержал на секунду.

— Вякнешь, убью, — спокойно и буднично сказал он, но Динка сразу же ему поверила.

Ковыляя и спотыкаясь, она добралась до трамвая и там, на остановке, увидела Маринку. Подружка бросилась к ней, увидела свисающие лохмотьями колготки, подтеки крови на ногах и все поняла. Она схватила Динку за руку и уволокла подальше от освещенного проспекта, в какой-то чужой двор. Кровь они оттерли носовыми платками, колготки выбросили на помойку, и домой Динка явилась как ни в чем не бывало. Но мама сразу учуяла запах спиртного, и, прежде чем скрыться в ванной, Динке пришлось выслушать длинную нотацию. Кроме того что дочь где-то пила, мама больше ничего не заметила.

После того случая Динка стала легко относиться к постельным проблемам. Как говорится: нам, слава богу, нечего терять... Но страх остался. И не насилия она боялась: рыжий, как ни странно, оттого что был сильно пьян, не причинил ей сильной боли. Боялась Динка того, что теперь никто ее не полюбит по-настоящему. Ведь она сама пошла с насильником, сама пила и на все соглашалась. Ее не били, не угрожали ножом, не выкручивали руки. Все она делала сама, послушно и покладисто. Как же теперь доказать, что она этого вовсе не хотела?

Динка увлекалась мальчиками, но влюбиться боялась. Влюбишься, раскроешь душу, захочешь поделиться, а потом вдруг получишь в ответ презрение и осуждение. Лучше не знать, как это бывает. Когда не имеешь, то и терять не больно. Ей казалось, что она недостойна большой и чистой любви. Она мечтала о ней украдкой, но все же старалась относиться к своим партнерам легко, не привязываясь душой ни к кому.

Когда ребята все же влюблялись в нее, Динка искренне удивлялась и старалась прекратить отношения. Она убеждала себя, что ей незачем портить жизнь такому славному парню, он конечно же достоин лучшей доли, ему нужна не такая девчонка, как она. Динка привыкла думать о себе хуже, чем была на самом деле. И ее так и воспринимали: хорошенькая легкомысленная глупышка, что с нее взять... И никто не подозревал, как больно бывает этой беспечной девчонке... Психологи называют такое состояние вытесненным комплексом вины. И комплексовала Динка уже десять лет и все эти годы обвиняла себя, тринадцатилетнюю. Если бы она тогда была умнее, ловчее, расторопнее, если бы не послушалась Маринку, не поперлась в этот монастырь, если бы вообще никогда не наставало это Первое мая...

С Маринкой она перестала дружить и все боялась, что та кому-нибудь расскажет о Динкином приключении. Только после окончания школы стало немного легче, в авиаотряде никто не мог узнать о ее позоре... Хотя после этого у Динки было уже столько возлюбленных, что одним больше, одним меньше... Но не давал ей покоя тот, первый...

...— Я красивая?

Динка вытянула длинные ноги и подняла повыше юбочку.

— Еще бы! — завистливо подтвердила Танька.

— Так почему меня никто не любит? — всхлипнула Динка.

— Ты Антона Васильевича имеешь в виду?

— И его тоже... Гад! Мало ему!

— Ты что?! — испугалась Танька. — Как ты можешь? Его же ранили!

— А меня чуть не убили... — Динка прикусила язычок.

— Кто? — округлила глаза Танька.

— Дед Пихто. — Динка одернула юбку. — Скажи, ну чем эта Наташка лучше? Чем? Почему на меня наплевать, а на нее нет?

— Так у них ведь сколько лет любовь, — вздохнула Танька.

— А у нас что? — в упор глянула на нее Динка.

Бесхитростная Танька покраснела так, что даже конопушек стало не различить.

— Ну у вас тоже, конечно, но...

— Ладно, не финти, — махнула рукой Динка. — Я сама в курсе, что ко мне нельзя относиться серьезно.

— Почему?

— Потому что со мной мужикам легко, а они по жизни легких путей не ищут, — хмыкнула Динка. — Им нужно героически преодолевать трудности, их

нужно мучить и динамить, вот тогда они ценят достигнутое. А так...

Танька посмотрела на нее с милой, беззаботной улыбочкой. Потом уголки рта у нее стали постепенно кривиться, опускаться, а по щекам потекли слезы.

— Ага, ты права... — Танька все пыталась рассмеяться. — Со мной тоже все просто, без проблем... Я не люблю создавать проблемы...

— Я тоже. — Динка обняла подружку и ласково погладила по рыжим кудряшкам. — Не реви. Мы с тобой сильные. Ну-ка сделай так: «Чи-и-и-з».

— Чи-и-и-з, — послушно выдохнула Танька, и обе улыбнулись.

Глава 24

Олег Петрович следил за курсом, а рука сама тянулась к внутреннему нагрудному карману. В нем лежало письмо, которое он получил сегодня утром. Конверт был надписан округлым детским почерком, а в графе отправителя значилось: Васина Е. О.

Ленка... Почему-то он подумал о ней с нежностью. Даже руки задрожали, когда вскрывал конверт. В нем было что-то твердое, на ощупь похожее на фотографию.

И точно. Непослушные пальцы вытянули глянцевое фото, на котором стояли, обнявшись, мальчик и девушка.

Олег Петрович так долго смотрел на фото, что даже позабыл о том, что есть еще и письмо. Снимок, судя по всему, был недавний, на заднем плане деревья отливали золотом и багрянцем, а на детях были свитера и джинсы.

Васин придирчиво оглядел их одежду: ничего, аккуратные, одеты по моде.

Он сосредоточился на мелочах, подсознательно стараясь не рассматривать лица детей. Потом бросил быстрый взгляд — и словно приклеился к фото.

У Артемки был характерный васинский прищур. Тонкие губы сжаты, брови нахмурены. Он смотрел в объектив с вызовом, словно делал одолжение. Весь вид его говорил: ну вот я встал, щелкайте поскорей и отцепитесь!

Ленка была худой и долговязой. Даже сквозь свитер и джинсы было видно, какие у нее тонкие руки и ноги. Лицо тоже было худым, вытянутым, прямые каштановые волосы свисали вдоль щек. Глаза Алкины, огромные, в пол-лица. Но не задорные и кокетливые, как у матери, а наоборот. В них Васин увидел такую недетскую печаль, что ему вдруг стало стыдно.

Он быстро отвел взгляд и развернул тетрадный листок. Буквы прыгали перед глазами и с трудом складывались в слова. Олег Петрович выхватывал их из контекста спонтанно, вразброс и никак не мог уловить общий смысл.

«...Папа... решила написать... хочу знать правду... так нельзя... если мы не нужны... скучаем... не станем навязываться...»

Васин помотал головой: что-то плохо стало видно, буквы расплываются. Он даже не понял, что это слезы мешают, машинально отер их и стал читать дальше.

Ленка писала, что мать не знает о том, что они решили связаться с отцом. А они разыскали его адрес по компьютерной справочной. Артемка маленький, он не понимает, а ей обидно, что папа не хочет с ней общаться...

Чуткая Ленка шестым чувством уловила, что в письме не стоит упоминать о матери, писала так, словно они с Артемкой были одни. И от этого старательного умолчания Васину вдруг ужасно захотелось знать, а как там Алка? Одна живет или нашла кого? Так же порхает или остепенилась? Ведь десять лет прошло, не девочка уже, сорок стукнуло.

Ему мучительно захотелось увидеть Алку. Но старые обиды вновь всколыхнулись, поднялись со дна души, и Олег Петрович отогнал эту крамольную мысль.

Нет, Алка недостойна того, чтоб о ней жалеть. Вот дети... Дети ни в чем не виноваты, и своей вины перед ними он не чувствовал. Ведь алименты отсылались исправно, — значит, свой отцовский долг он выполнял. И ничего странного не будет, если он решит их навестить, посмотреть, как живут, не нуждаются ли в чем, да и проверить заодно, как исполняет свой материнский долг Алка.

Да, как только вернется из рейса, надо будет съездить в Домодедово... Олег Петрович прикрыл глаза и

вдруг отчетливо представил себе их двухкомнатную квартиру в авиагородке на Взлетной. Все те же обои в розовый цветочек... он еще возмущался тогда пошлостью Алкиного вкуса, а она из вредности все же поклеила их в большой комнате... Впрочем, за прошедшие десять лет она наверняка уже сделала ремонт и заменила обои в розочки...

Игорь Игоревич то и дело возвращался мыслями в прошлое. Похоже, сегодня у всего экипажа было похожее настроение. Этакий день воспоминаний и самокопаний. Наверное, что-то в том небе, в котором они летели, настроило всех на одну волну.

Он вспоминал, как Ира поцеловала его перед взлетом, когда он проходил по салону в кабину. Она подлизывалась, а он хмурился оттого, что она с утра торчала в ванной невозможно долго, так что он едва успел побриться. И из-за нее они чуть не опоздали на работу...

Да уж лучше бы опоздали! Какие мелочи волновали его тогда! Пусть бы Ирка сидела в этой ванной хоть сутки, пусть бы вообще не выходила оттуда, лишь бы осталась жива...

А она еще так восторгалась их командиром... Всем говорила с гордостью, что он бывший космонавт. Ну почти космонавт, по крайней мере, учился немного в отряде... И вот теперь Ирки нет, а эта сволочь сидит рядом с Костей, небо коптит.

И еще Игорь не мог простить себе того, что упустил, проспал их последнюю ночь. Но он не знал тогда, что она окажется последней...

Ирка перед полетом всегда готовила ужин заранее. Приятно прийти усталой вечером, а все уже готово, только разогреть. Она еще баловала мужа, старалась угождать, накормить повкуснее. И в тот вечер она запекала в духовке фаршированную индейку. Игорь был сыт и уже ждал ее в постели, а она все возилась на кухне.

Индейка запекалась медленно, Ирка тыкала ее ножом, поливала жиром и опять задвигала в духовку. Игорь ждал-ждал да так незаметно и заснул.

Ира пришла поздно, нырнула под одеяло, прижалась к его спине. Руки ее были холодными, и он заворчал.

— Так нечестно, — тихонько пнула она его в бок кулачком. — Сам спит, а я там кручусь.

— Ты жена, тебе положено, — ответил он, не поворачиваясь.

Тогда Ирка тоже отвернулась, устроилась поудобнее, вздохнула и пробормотала:

— Как я устала... Игорюша, напомни завтра, надо в Мурманске купить копченого палтуса.

Они должны были лететь в Мурманск.

Илья Елисеев думал, что уже давно замолил свой невольный грех. Ведь не нарочно же, ошибиться может каждый... Да вот судьба свела, словно в укор, специ-

ально, через столько лет опять лицом к лицу с Петраковым.

Все эти годы он сам лез на рожон, даже вербовался на Север в полярную авиацию. Сколько раз тот самый пресловутый боковой ветер устраивал ему такую болтанку, что Илья не верил, что останется в живых. Сколько раз от холода заклинивало мотор и они сбивались с курса! Однажды в пургу их искали четыре дня, а они со штурманом и радистом растапливали на спиртовке снег, пили кипяток, пытаясь согреться и не погибнуть от голода. Тогда Елисеев думал, что надежды нет никакой, но их нашли.

Не хотела смерть его прибирать к рукам, не судьба была ему окончить путь земной. Он отчаянно стремился ей навстречу, а она ускользала.

Но если честно, совесть его не мучила. И не преследовал образ погибшей Ирочки Петраковой. Просто Илья Елисеев был обижен на весь мир. Он не считал себя виноватым, а его опозорили понижением. Его, такого высококлассного пилота! Вот и пусть локти кусают — такие, как он, везде нужны, везде нарасхват.

Елисееву хотелось риска, он стремился совершить что-нибудь выдающееся, он мучительно хотел прославиться. Он вызывался лететь на стоянку оленеводов, чтобы транспортировать в больницу роженицу, когда никто больше не рисковал вылетать в такую свистопляску. Он гордился, что родившегося эвенкийского мальчишку назвали в его честь Ильей.

Сколько раз он обмораживал руки и ноги! А если

вспомнить, как его скрутила лихорадка и в полубреду ему пришлось перепоручить управление штурману, который довел самолет до аэродрома, выполняя его команды! Тогда Илья Елисеев с трудом выдергивал себя из липкого тумана небытия, спрашивал показания приборов, отдавал указания и опять проваливался в горячечный обморок. После того полета штурман и радист считали себя обязанными ему жизнью.

А эти глубокие морщины совсем не по возрасту, эта обветренная, состарившаяся прежде времени кожа — результат секущего северного ветра и пятидесятиградусных морозов, которые Илье Елисееву были роднее сочинского тепла.

Он добился уважения, в полярной авиации его считали одним из лучших, но он начал понемногу спиваться.

В суровых северных условиях прожить без «ста с прицепом» было немыслимо. Тем паче что все спешили уважить Андреича, когда он запрашивал в наземных службах «пропан, бутан и двести грамм».

Сперва чтоб согреться, потом чтоб снять напряжение, потом просто потому, что хреново на душе, а ночь длинная, полярная... У Елисеева хватило сил завязать, когда он уже начал ловить на себе косые взгляды.

Не хотелось ему покидать Север, но надо было выдергивать себя из той обстановки.

Вернулся в Москву, жилплощадь за ним сохранялась по брони, а с отличными характеристиками его приняли в Шереметьевский авиаотряд.

Правда, о командирском месте речь уже не шла, несмотря на то что на Севере Илья пахал первым пилотом. Но он был рад и месту второго. И думать не думал, что та память, от которой он старался убежать, подкараулит его здесь, в собственном экипаже.

Костя почувствовал какую-то напряженную атмосферу, но никак не мог понять, в чем дело. Его новый второй пилот смотрел прямо перед собой, словно реагировать на остальных членов экипажа было ниже его достоинства.

Неприятный тип. Но что-то в Елисееве все же подкупало Костю. Некий шик, с которым он делал скупые, отточенные движения. Ни одного лишнего, сутливого.

Наверное, недоволен, что поставили в подчинение к мальчишке. Да и Сашка с Олегом скептически поглядывают на новоявленного командира. Только Игорь Игоревич ни на кого не реагирует, погрузился в себя, хмурится, словно ненавидит весь мир.

И все же Костя был доволен своим первым самостоятельным полетом. Несмотря на пережитое волнение из-за ложной бомбы, дальше — тьфу-тьфу — все шло по графику. Они вовремя набрали высоту, заняли свой эшелон и уже через сорок минут должны совершить посадку в парижском аэропорту Орли.

Он глянул на показания приборов. Скорость восемьсот тридцать километров в час, высота десять тысяч метров. Пожалуй, можно выпить кофе.

Сашенька явилась моментально, всем улыбнулась, стараясь привлечь к себе внимание. Особенно она красовалась перед Костей. Оно и понятно, пусть командир оценит расторопность старшей стюардессы. Сашеньке Тарасовой очень хотелось остаться старшей после этого рейса.

— Вам с сахаром, Константин Иванович? Сколько кусочков?

Костя усмехнулся. Раньше никого не интересовало, какой кофе он любит. Наталья приносила чашку и на блюдце клала стандартную аэрофлотовскую упаковку с рафинадом. И никогда не замечала, что упаковка остается нетронутой.

— Мне без сахара.

— Фигуру бережете? — стрельнула глазами Сашенька. — Хотите анекдот? «Я ноль-пятый, вызываю руководителя полетов. Горючее кончилось. Высота три тысячи. Жду инструкций». — «Ноль-пятый, я руководитель полетов. Повторяйте за мной: Отче наш, иже еси на небеси...»

Она засмеялась первая, громко и заразительно. Но только один Олег Петрович поддержал ее добродушным смешком.

— Да что вы какие-то заторможенные? — обиделась Сашенька. — Кому еще кофе, чтоб мне два раза не бегать? Никому? Ну и ладно.

Она налила кофе в чашку, поставила на поднос и подумала, что ей через неделю уходить на сессию. Руководство всегда предоставляло заочникам и вечер-

никам отпуск. И раньше Сашенька радовалась внеплановому отдыху, поскорее спихивала экзамены кое-как и развлекалась.

Но теперь ей хотелось застолбить за собой место старшей. А то, не ровен час, пока она будет английский зубрить, поставят вместо нее Динку. У той опыта столько же... Или Евлампию. У этой страхолюдины брат какая-то шишка, расстарается ради сестрички.

Черт, так, может, не брать отпуск? Подкатиться к декану, поплакаться, что ее заменить некем, попросить свободный график зачетов. Ведь иногда идут на-встречу...

Глава 25

Ну вот и Орли. Лайнер начал снижение. Радист Петраков запросил разрешение на посадку.

Разрешение получено. Борту сто двенадцать — шесть — два рекомендована полоса два-семь.

Штурман Васин рассчитал угол захода на посадку в рекомендованном наземной службой эшелоне.

Две тысячи метров... тысяча восемьсот... восемьсот... Снижение проходит нормально. Все параметры в норме.

— Выпуск шасси, — отдал команду Костя.

— Есть шасси, — отозвался Елисеев.

Но привычного, едва уловимого толчка под корпусом не последовало.

— Командир! — крикнул Сашка Смирнов. — Оба люка закрыты!

Лампочка на табло, сигнализирующая о выпуске шасси, не загорелась.

— Повтори!

— Глухо!

— Еще!

— Нет!

Все взгляды были прикованы к табло. Сашка жал на кнопку выпуска, она утопала до предела, но раскрытие не происходило. Индикатор показывал, что шасси все еще под крылом.

— Заклинило, командир, — повернулся Сашка. — Что делать?

Он внезапно побледнел, на лбу выступили капли пота.

Костя взял микрофон:

— Игорь, связь.

— Есть.

— Я борт сто двенадцать — шесть — два, — стараясь говорить спокойно, сообщил на землю Костя. — У нас заклинило шасси. Жду указаний.

— Борт сто двенадцать — шесть — два, займите эшелон тысяча двести и заходите на второй круг.

— Понял.

Они заходили уже на третий круг, но шасси заклинило напрочь. Сашка Смирнов уставился на табло, гипнотизировал взглядом лампочку индикатора. Не

горит! Хотя все внешне нормально, никаких сигналов о неисправности в системе. Такое ощущение, что проклятые люки просто упрямятся.

— Может, гидравлика? — спросил Костя.

— Нет. Хрен знает что!

В кабине повисло напряженное молчание. Экипаж обменивался только короткими репликами.

— Есть?

— Нет.

— Черт!

— Какой у нас вес?

— Сто пять, — доложил Сашка.

— Много, — буркнул Елисеев.

— Предел. — Костя повернулся к нему: — Что будем делать?

— Ты командир, ты и решай, — ответил тот.

— Сука, — в сердцах выдохнул в микрофон Игорь Игоревич.

— Борт сто двенадцать — шесть — два, — залопотали с земли по-английски. — Повторите, не понял.

— Прошу разрешения еще на один круг, — сказал Петраков.

— Есть? Сашка, глянь!

Бортинженер выглянул в иллюминатор, изогнувшись, чтобы удобнее было заглянуть под крыло. Видно плохо, но все же ясно, что на том месте, где должно быть шасси, пустота.

— Я проверю систему, — сорвался с места Сашка.

— Проверяй. — Костя помолчал. — Игорь, запроси нам верхний эшелон.

— Перегрузкой попробуешь? — спросил Елисеев.

— Один выход, — пожал плечами Костя.

— Что случилось? — спросила Евлампия.

На бортинженере лица не было. Он стремительно прошел мимо, рванул ведущую на нижний уровень дверь и помчался по крутой лестнице.

Сашенька замерла, проводив его взглядом.

— Вы думаете, что-то случилось? — помертвевшими губами шепнула она.

— А то нет, дура! — в сердцах выдохнула Евлампия. — Иначе какого черта мы на посадку пятый раз заходим?!

— Разве пятый? — растерялась Сашенька.

— Только молчи, — строго приказала Евлампия. — Поняла?

— Я сейчас... к командиру... — дернулась Сашенька, но Евлампия крепко ухватила ее за руку:

— Стоять! Пока командир не вызовет, не смей лезть под руку!

— Да... Отпусти... больно.

Сашенька потеряла запястье.

— Дина, зайди ко мне, — велел по внутренней связи Костя.

Динка вскочила и посмотрела на Таньку:

— Чего это он? Сегодня же Сашка старшая. Да и Ева у них впереди.

— Иди узнай, — пожала плечами Танька.

Они уже сделали объявление о посадке, велели пристегнуть ремни и уже убирали, наводили последний блеск, чтоб не очень задерживаться после приземления. Уж очень хотелось хоть одним глазком взглянуть на Париж.

— Иду. — Динка заглянула в зеркальце и поправила волосы. — Ну что, скоро сядем?

Танька старалась не смотреть в иллюминатор. Она мельком глянула в него и отвернулась.

— Не знаю. Вроде еще летим.

Динка гордо прошествовала мимо застывших в ступоре Евлампии и Сашеньки, покосилась на них с видом превосходства. Что, их тут двое, а командир ее требует?

С милой улыбочкой она заглянула в кабину:

— Вызывали?

— Да, Дина, — хмуро бросил Костя. — Войди и закрой дверь.

В его тоне было что-то такое, отчего Динке стало страшно. Она плотно прикрыла дверь и замерла.

— Дина, — Костя повернулся к ней, — сейчас ты пройдешь по всем салонам. Ты поняла? Проверишь, все ли пассажиры пристегнуты. Малышей пусть возьмут на руки. Объяснишь, что мы совершаем маневр

и что возникнут небольшие перегрузки. Покажешь, как дышать. Пусть не волнуются, если возникнет резкий крен салона. У тебя три минуты. Иди.

— А что? — помертвевшими губами спросила Динка.

— Шасси не вышло. — Костя повернулся к радисту. — Ну что, Игорь?

— Нам дают эшелон три тысячи и возврат на восемьсот.

— Приготовиться к пике, — велел Костя.

— Уважаемые пассажиры. Наш самолет готовится выполнить сложный посадочный вираж... — Едва Динка начала свою лекцию в первом салоне, как Евлампия перебила ее:

— Иди в третий салон, быстро, здесь я сама, — и подхватила Динку с полуфразы: — Детей возьмите на руки, потому что возникнет резкий крен салона...

— Что? — крикнула Танька, но Динка пролетела мимо не останавливаясь.

Влетев в третий салон, она перевела дыхание и объявила:

— Минутку внимания. Срочно пристегните ремни. Детей взять на руки. Сейчас возникнут перегрузки, связанные со сложным виражом лайнера. Просьба не волноваться, рот держать открытым, воздух выдыхать, напрягая уши...

Она пошла по салону, проверяя, все ли выполнили команду.

Так и есть! В семнадцатом ряду сладко дрых полный, плешивый мужчина. Толстый живот выпирал перед расстегнутыми ремнями. Динка поднатужилась, свела вместе оба конца и с трудом защелкнула пряжку.

— А?! — проснулся мужчина.

Он резко ухватил Динку за руку и залопотал по-французски:

— Мой бумажник! Будьте свидетелями, мсье!

Но тут нос самолета резко взмыл вверх, и Динка, не удержавшись на ногах, рухнула на пол.

Оба пилота знали, что заклинившее шасси можно выбросить за счет перегрузок. Резко вверх на две тысячи метров. Сверху наваливается тяжесть, трудно дышать, руки немеют, сердце колотится... А глаза неотрывно следят за приборами.

— Есть, три тысячи, — выдохнул штурман.

— Нижний эшелон свободен, — доложил Игорь.

— Вниз, — велел Костя.

— Есть, — Елисеев до упора сдвинул рукоятку руля.

Теперь земля стремительно неслась навстречу. Желудок подскакивал к горлу, а сила сопротивления стремилась вырвать их из кресел, выбросить вверх.

— Глянь индикатор.

— Нет.

— Ёкалэмэнэ!

— А теперь?

— Нет.

— Повторяем маневр.

И снова вверх, на трехтысячный эшелон, и снова мгновенная тяжесть вжимает, сплющивает людей в креслах...

— Бесполезно, командир.

И вниз...

Танька вцепилась в сиденье откидного стула. Она сползла на пол, прижала его к груди, уткнулась лицом в обшивку.

Вверх — вниз...

И каждый раз она всхлипывала и тихонько скулила:

— Ой, мамочка... пожалуйста... не надо...

Динка ухватила за ввинченные в пол ножки кресел, подтянулась и сумела сесть. Она низко нагнула голову, укрыв лицо в коленях.

Вокруг стоял дикий визг перепутанных пассажиров.

Вверх — вниз...

Уловив момент, когда наступило равновесие и лайнер принял горизонтальное положение, Динка быстро встала и как ни в чем не бывало с улыбкой пошла из конца салона к началу.

— У всех все в порядке? Пакет не нужен?

Она наклонялась к каждому ряду, и слева, и справа, посылая каждому уверенную дружелюбную улыбку.

— Что это было? — пролепетала женщина с девочкой на руках.

— Воздушная воронка, — соврала Динка. — Но вы не волнуйтесь, у нас очень опытный пилот.

— А можно выйти в туалет?

— Минутку, я узнаю у командира. Ремни не отстегивайте до конца полета.

Он даже не стал надевать рабочий комбинезон. Отвинтил люк в полу и спустился к основным узлам гидросистемы. Лихорадочно ощупывал стык за стыком, узел за узлом. Где заклинило? В чем причина?

Прямо под ним, внизу, с семиметровым размахом находились стойки шасси, скрытые от него еще одной перегородкой. Но основной механизм, приводящий в действие раздвижные шлюзы, был здесь.

Сашка вытер пот со лба и посмотрел на руки. Они дрожали. Спокойно. Надо внимательно осмотреть все еще раз.

Черт! Как смертельно хочется курить! Но нельзя, а рука сама тянется к внутреннему карману кителя...

Или он недоучка, или полный идиот, но он ничего не видит! Он не может найти причину!

Сашка третий раз осматривал одно и то же место, двигался дальше, возвращался — и чувствовал, как панический страх захлестывает его волной.

Страх от своей беспомощности и бесполезности. От него, бортинженера, сейчас зависит все, а он не

может ничего сделать и даже не знает, что происходит...

Полтора человека наверху, над ним, еще спокойно смотрят в иллюминатор на игрушечные пригороды Парижа...

В голове почему-то навязчиво вертелась одна строфа из старой, слышанной в раннем детстве песни:

— И надо бы прыгать, не вышел полет,
Но рухнет на город пустой самолет...

Нет, они рухнут не на город, они мужественно доползут до отведенной им полосы и грохнутся под заывание аварийек и «скорой помощи». Только от этого не легче.

Так, только без паники. Надо взять себя в руки. Посмотрим еще раз. Внимательно. Бывает, что не замечаешь того, что очевидно.

Смушало то, что на табло не было сигналов о неисправности. Он просто не знал, что искать.

Первое, что приходило на ум, — вышла из строя гидравлика, из-за этого могло заклинить створку. Но в кабине на схеме не было сигналов о сбое в гидросистеме.

По тому, как пол ушел из-под ног, Сашка понял, что ребята направили самолет в пике. Правильно, может, эта сволочь от перегрузки выскочит.

Он за что-то уцепился, зажмурился, ожидая, пока лайнер вернется в горизонтальное положение. Каждую секунду он ждал, что сейчас под ногами, внизу,

громыхнут раскрывающиеся створки и произойдет выброс шасси.

Нет. Лайнер выровнялся. Пилоты оставили свои попытки.

И тут он увидел... Конечно, все так, как и предполагал...

Не то от ветхости и износа, не то из-за небрежности рабочих во время последней профилактики, но контр-ящая проволока на одном из узлов гидропровода ослабла. От вибрации во время полета слетела с резьбы фиксирующая гайка, и сквозь крохотное отверстие под давлением вытекла вся гидрожидкость.

Он провел рукой по месту изгиба трубопровода. Алюминиевая трубка была влажной. Но самой жидкости не было видно, она стекла ниже, на следующий уровень...

Ну вот и все. Надежды больше не осталось. Они не смогут выпустить шасси.

Костя молча выслушал Сашкин доклад.

— Значит, пробой гидропровода? — уточнил он.

Елисеев повернул кресло и тоже молчал, глядя на бортинженера.

— Амбец, — подытожил он. — Будем падать на брюхо.

— Садиться, — резко оборвал его Костя.

— Как прикажешь, командир, — развел руками Елисеев. — По мне, что в лоб, что по лбу.

— А почему приборы не показали пробой? — спросил Костя.

— Хрен его знает! — Сашка пощелкал тумблерами. — Значит, и в системе сигнализации сбой. Бывает...

— Раз в сто лет, — буркнул Елисеев.

— Я, что ли, его пробил?! — огрызнулся Сашка.

— Ты, щенок, обязан был машину принять, всю контровку лично проверить! — оборвал его Елисеев.

— Запроси возможность посадки на пену, — велел Костя радисту.

Игорь Игоревич удивленно посмотрел на него:

— У нас предельный посадочный вес. Нам не поможет пена.

— Запроси. И скажи, что, пока они готовятся, мы будем делать круги. Надо сжечь топливо.

— Девять тонн в час, — скептически скривил губы Елисеев. — Сколько кружить собираешься, командир? Часа четыре или пять?

— Сколько надо.

Игорь Игоревич склонился над аппаратурой:

— Сто двенадцать — шесть — два вызывает КДП. Просим посадку на пену. Ждем указаний.

— Сто двенадцать — шесть — два, — отозвался руководитель полетов. — Мы готовим для вас пожарные машины. Сообщите, сколько осталось топлива?

Лайнер выровнялся и начал плавно заворачивать над аэродромом новый круг.

Пассажиры перестали паниковать, но все равно напряженно поглядывали в окна.

— Могу предложить вам прохладительные напитки, — громко объявила Динка.

Она двинулась с тележкой по проходу, и это возымело успокаивающее действие. Все на секунду отвлеклись от происходящего за окном, переключили внимание на нее, сосредоточились на насущных потребностях организма. После перегрузок во рту пересохло, и стаканчик колы или минералки был как нельзя кстати.

Динка раздавала воду, а сама смотрела, не нужна ли кому медицинская помощь.

Бабушке из пятого ряда стало плохо с сердцем. Динка накапала ей корвалол. Отечному мужчине дала нитроглицерин. Девочка лет пяти от перегрузок потеряла сознание, и ей понадобился нашатырь.

Работы невпроворот, а Танька дурью мается. Ревет как маленькая, напрочь отказывается встать на ноги. У Динки не было времени с ней возиться, она так и оставила ее сидящей на полу в закутке.

Когда она вернулась из салона, Танька сидела в той же позе.

Дина намочила ватку нашатырем и сунула ей под нос. Танька резко дернулась, чихнула и крепко ухватила Динку за лацканы жакета:

— Мы падаем, да? Скажи... Мы разобьемся... Я всегда знала...

— Перестань. Чувствуешь, мы летим ровно, даже не снижаемся. Ты посмотри в окно.

— Не могу, — всхлипнула Танька. — Ты знаешь... я... высоты боюсь.

— Как? — опешила Динка. — Как же ты летаешь?

— Ты только никому не говори! — испуганно пролепетала Танька. — А то меня из отряда отчислят...

Динке самой было страшно смертельно, но Танькина логика ее развеселила. Она боится быть отчисленной из отряда больше, чем разбиться...

— Выпей корвалольчику, — Динка накапала ей сорок капель. — Успокойся. Я не понимаю, если так, то какого черта ты пошла в стюардессы?

— Я сама не понимаю... Предложили, и пошла... Я не знала, что начну бояться... — Танька выпила лекарство и перевела дух. — Сначала все было нормально, а потом я однажды глянула вниз... и все... Поняла, что не могу. Мне нельзя разбиваться... Мама и Дуська без меня не протянут...

Динка опустила ее рядом и обняла ее:

— Ты же знаешь, что Костик классный пилот. И Илья Андреевич тоже. Говорят, он в полярной авиации служил, а там еще похлеще, чем здесь, бывало...

— Да, Костик классный пилот, — кивнула Танька. — Но я же не дура. Без шасси у нас нет шансов. Мы сядем на брюхо, под фюзеляжем внизу топливные баки. От трения корпус загорится, а если в баках останется хоть капля топлива, то мы взорвемся. Все просто, Диночка. Если не расплошимся в лепешку, то взорвемся и сгорим.

— Они что-нибудь придумают, — как можно убедительнее сказала Динка.

— Что? — Танька опять закрыла лицо ладонями. — Мне так страшно, Диночка... У меня сейчас остановится сердце. И мы так и не побываем в Париже...

Глава 26

Сколько рыжая маленькая Танька хранила свою тайну, свой страшный секрет? Как она ходила по салону, улыбалась, хихикала, отпускала шуточки, когда сердце замирало от парализующего волю страха?

Она никогда не смотрела в иллюминатор, ни под каким предлогом. Она полностью сосредотачивалась на салоне, уговаривая себя, что это всего лишь автобус, и мчится он не по небу, а по шоссе...

Но еще больше, чем высоты, она боялась, что об этой ее тайне кто-то узнает. Где еще она сумеет так заработать? В ее годы, с ее куцей специальностью и с ребенком на руках... Для своих двадцати Танька считала себя обеспеченным и вполне самостоятельным человеком. И эту обеспеченность и самостоятельность дала ей авиация.

И она надевала на лицо свою привычную улыбочку, смешно морщила носик, так что конопушки разбегались к кудряшкам... и никто на свете не догадался бы, что она сейчас чувствует...

Динка обнимала подругу и думала о том, какая она

взрослая и маленькая одновременно... Как мамин пирог «зебра», в котором разводы шоколадного бисквита перемешаны с обычным. Она боится разбиться, но хочет посмотреть Париж...

— Борт сто двенадцать — шесть — два, ответьте руководителю полетов.

— Борт сто двенадцать — шесть — два слушает.

— Через десять минут пожарные машины и «скорая помощь» будут в аэропорту. Мы готовим вам полосу семь-два.

— Спроси, сколько метров, — велел Костя.

— Сообщите длину полосы.

— Костя, — повернулся к нему Олег Петрович, — я помню семь-два. Она короткая.

— Борт сто двенадцать — шесть — два, износ полосы сорок процентов, но при северо-западном ветре вам удобнее планировать в этом направлении.

— Угол подлета, — бросил штурману Костя.

— Сто пятнадцать.

Костя и Елисеев переглянулись. Оба ясно понимали, что приземляться на короткую изношенную полосу слишком рискованно. Но остальные расположены в другом направлении, с наветренной стороны, и при заходе на посадку трудно будет избежать крена и погасить скорость. А чем больше скорость, тем выше сила трения, тем реальнее угроза пожара или даже взрыва.

— Весело, — буркнул Елисеев. — И так не эдак, и эдак не так.

— При полете к семь-два ваш курс не будет пересекаться с основными эшелонами, — сообщил руководитель полетов. — Ваше решение?

— Командир, — вдруг позвал Елисеев.

Костя повернулся, и тот указал ему глазами вниз. Под крылом самолета плавно изгибалась Сена...

Костя поправил микрофон, помолчал и решился:

— Просим сообщить нам возможность посадки на воду. Повторяю: наше решение — садиться на воду.

— Мне нужны координаты акватории шириной не менее пятидесяти метров, — сказал штурман.

— Борт сто двенадцать — шесть — два, посадка на воду, запрос акватории шириной полста, — повторил руководитель полетов и добавил: — Вы... хорошо подумали? У нас здесь шесть пожарных машин...

— Да, мы решили, — ответил Костя.

— Вы... знаете статистику таких посадок? — Диспетчер был ошарашен услышанным.

— Знаем. — Костя оглядел свой экипаж и вдруг улыбнулся: — Бог не выдаст, свинья не съест.

— А! — понял диспетчер. — Русский авось?

Конечно, все сидящие в кабине лайнера Ил-62М и все ведущие его полет из контрольно-диспетчерского пункта аэропорта Орли знали статистику. Более того, каждый из случаев таких аварийных посадок в

истории мировой авиации потом тщательно анализировался летным составом во всех странах мира.

А статистика была неутешительной.

При посадке на пену взрывом лайнера оканчивался каждый второй случай. Половина остальных — разломом корпуса. И только в четверти случаев все проходило более-менее успешно. Более-менее, потому что пена только гасила трение, но не давала достаточной амортизации — и большая часть пассажиров гибла при ударе. Особенно опасна такая посадка была для пилотов — нос лайнера первым принимал на себя удар: полградуса ошибка при снижении — и все.

Но это все-таки был шанс выжить. При том решении, которое принял Костя, таких шансов, если следовать статистике, не было вовсе.

Идея приводнения при неисправности шасси давно волновала авиаторов. Заманчиво. Все же это совсем не то же самое, что падать брюхом на бетон. Вода мягче, к тому же сразу естественным путем охлаждает корпус, трение не так опасно, вероятность пожара меньше.

Но все попытки оканчивались крахом. Лайнер взрывался, едва коснувшись воды, или же от удара корпус стальной машины разламывался пополам. И экипаж, и пассажиры при этом неминуемо гибли... Пока, наконец, в конце шестидесятых у одного из лайнеров нашего Аэрофлота при подлете к ленинградскому аэропорту Пулково не заклинило шасси.

И наши летчики — гордитесь! — чудом умудрились

посадить лайнер на воду. Они приземлились... приводнились прямо в городе, на Неве, неподалеку от набережной. И машина, и все люди остались целы и невредимы.

Весь мир обошли кадры, как пассажиров выводят из самолета по плавучим мосткам прямо на городскую набережную!

Правда, самолет недолго продержался на плаву и затонул посреди реки, но всех людей, и все вещи, и всю ценную аппаратуру до этого успели снять с борта.

Этот беспрецедентный случай долго вдохновлял всех, попавших в такую же аварийную ситуацию... Но постепенно энтузиазм сошел на нет. Больше никто и никогда не повторил успеха наших пилотов.

Взрыв, разлом корпуса, гибель людей. За исключением одного-единственного питерского случая — стопроцентная смертность.

— Русский авось! — усмехнулся Костя. — Все со мной согласны? Или надо голосовать?

— Ты командир, тебе решать, — сказал Елисеев.

— Но вы «за»?

— Кто не рискует, тот не пьет шампанского, — ответил второй пилот. — А я еще свою дозу не выпил.

Олег Петрович склонился над картой. Для удачной посадки первым условием было то, чтобы крылья лайнера не задели парапеты набережной или близлежащие постройки. Им нужна была широкая, длинная и

глубокая акватория, на которой мог бы приводниться лайнер весом около ста тонн и с размахом крыльев сорок три метра.

— Борт сто двенадцать — шесть — два, ответьте руководителю полетов. Мы запросили мэрию о возможности посадки на реку. Ждем решения. Сейчас сообщаем, что рекомендованные координаты: один — тридцать пять — двадцать. Угол захода: сто сорок два норд-норд-вест.

— Вас понял, сто сорок два норд-норд-вест. Ждем решение мэрии, — ответил Костя.

— Нам дали координаты северо-восточного пригорода, — сказал штурман. — Судя по отметкам, это самое глубокое место, но вот ширина всего сорок пять...

— Впритык, — заметил Елисеев. — Придется строго соблюдать центровку. Пара метров в сторону — и ломаем крыло.

— Значит, сядем строго по центру, — пожал плечами Костя.

— А сумеешь?

— Раз надо, — нахмурился он, — то придется суметь.

— Высота парашюта не бывает больше десяти метров, а у нас крылья высотой двенадцать с половиной, — вставил Сашка Смирнов. — Так что, может, пронесет... И потом, существеннее глубина. Важно, чтобы больше было сопротивление.

— Это понятно... Сколько у нас осталось топлива?

— Пять тонн.

— Ну что ж, — вздохнул Костя. — Надеюсь, за полчаса мэрия успеет дать ответ.

Сашенька Тарасова никак не могла расстаться с туалетом. Евлампия злилась, но ничего не могла поделать. У девчонки истерика перешла в медвежью болезнь. Но уж лучше пусть отсиживается, чем утомляет ее и нервирует пассажиров своими дурацкими шуточками.

Ведь, услышав команду пристегнуть ремни, Сашенька закатилась нервным хохотом:

— Ага, а то тех, кто не пристегнулся, по стенке размажет. А кто пристегнулся, как живые сидеть будут!

— Заткнись, — строго велела ей Евлампия и для убедительности поднесла к носу крепкий, обветренный кулачок.

Не ровен час, услышат русские пассажиры, как тогда гасить панику? А Ева по опыту знала, что на борту это самое страшное. При любых ситуациях задача стюардессы не допустить волнений, хождений, вскакивания с мест. Нагрузка внутри лайнера в критической ситуации должна быть постоянной и равномерной, чтобы пилоты могли учитывать это при маневре.

Но у Сашеньки после крутого пике еще и икота началась. Хороша стюардесса! Что за экипаж!

Евлампия заглянула в третий салон. К ее удивле-

нию, в экономклассе все было спокойно. Все пристегнуты, по салону разносится легкий запах вальерьянки. Девочки молодцы, со всем уже справились.

Динка разносила кофе и закуски, а зареванная Танька Шохина, с красным носом и упрямо сжатыми губами, быстро резала колбасу на бутерброды. Правильно. Они кружили над Парижем уже второй час, сжигали топливо, и люди успели проголодаться.

Динка нашла, чем отвлечь Таньку. Пятилетняя девчушка, очнувшись от обморока, сначала захотела пить, потом есть, и Динка решила перепоручить ее Танькиным заботам.

И верно, Танька тут же сумела взять себя в руки, едва увидела еще более беззащитного, чем она, ребенка. Сработал ее сильно развитый материнский инстинкт, и через минуту она уже деятельно хлопотала вокруг девочки, разводила для нее сладкий «Несквик» и предлагала оставшиеся пирожные.

— Дин, — отозвала она в сторонку Динку, — наверное, мы будем садиться на воду.

Динка тихо охнула и зажала рот ладошкой.

— Тише, — Евлампия сурово посмотрела на нее. — Справитесь?

Динка кивнула и выдохнула:

— Когда?

— Видимо, через полчаса. Командир сообщит. Вы пока приготовьте аптечку. Бинты, шины, анальгетики, чтоб все под рукой. До берега там метров тридцать, пока доберутся...

— Я поняла, — сказала Динка. — Не волнуйся.

Почему-то визит Евлампии вселил в нее уверенность.

Ил-62М получил разрешение на посадку в северо-восточном пригороде Парижа, в акватории реки Сены. С места предполагаемой посадки российского лайнера срочно были отведены все теплоходы, к набережной направлялись машины «скорой помощи», а в воздухе неподалеку завис вертолет спасательной службы.

Горячее было на нуле, и теперь экипаж должен был рассчитать посадку так, чтобы не заходить на второй круг.

Все были предельно сосредоточены. Водная гладь приближалась, уже стали различимы серые волны с грязной шапкой пены, бьющиеся о парашют набережной.

— Ну, с Богом! — выдохнул Костя и отжал рукоятку руля.

— Пристегнитесь, пожалуйста, мы сейчас совершим посадку, — с милой улыбочкой говорила Динка. — Мы вынуждены садиться на воду, поэтому я повторяю вам правила пользования спасательными жилетами. Они находятся у вас под сиденьями... Танюша, покажи.

Танька с готовностью продемонстрировала, как бы-

стро надеть спасжилет. Движения у нее были отточенны и грациозны... и она тоже улыбалась. Словно манекенщица на подиуме. И, несмотря на трагичность момента, молодые мужчины смотрели на нее, не скрывая своего восхищения...

— А теперь обхватите головы руками, нагнитесь вперед, уприте лоб в колени и ждите толчка.

Динка глянула в иллюминатор, дернула Таньку за руку и посадила рядом с собой в проходе. Они тоже уперлись ногами в кресла и сгруппировались.

— Не бойся, сейчас все кончится, — шепнула подруге Динка.

Сейчас все кончится... Будет удар, мгновение боли — и вечный мрак... Страшнее всего готовить себя к неминуемой смерти, когда тебе всего чуть-чуть за двадцать.

Только об одном молила судьбу Динка: чтобы кончилось все сразу и навсегда. Чтобы не было мучений, неподвижности и жизни полутрупа... Когда тебе всего чуть-чуть за двадцать, это кажется еще страшнее смерти.

— Мне уже все равно... скорей бы... — ответила Танька.

Сотни глаз напряженно следили за тем, как над Сеной постепенно снижается российский лайнер. Последние секунды были самыми напряженными: каждая длиной в вечность...

— Четыре... три... два... — неслышно отсчитывали губы и тех, кто летел, и тех, кто ждал внизу.

— Раз!

Лайнер тяжело плюхнулся брюхом в воду, взметнув вокруг себя столб брызг, и на несколько мгновений его не было видно за стеной вытесненной его весом воды.

Все затаили дыхание, ожидая взрыва...

Но вот столб брызг опустился вниз, и стало видно, что лайнер скользит вперед, словно огромный теплоход... Еще минута — и он замер на месте, окутанный облаком пара.

— Вива! — со всех сторон раздались радостные крики. — Вива ля рюс! Браво, мастер!

Сели... Кажется, обошлось... За окном, метрах в тридцати, виднелся серый парашют набережной со стоящими наготове пожарными машинами и «скорой помощи».

Динка медленно поднялась, все еще не веря в то, что они остались живы, машинально отряхнула юбку и по привычке взяла в руки микрофон.

— Уважаемые пассажиры, — откашлявшись, сообщила она. — Наш лайнер совершил посадку в пригороде города Парижа. Температура за бортом неизвестна, о подаче трапа, или чего нам там дадут, будет объявлено дополнительно. Посадку произвел коман-

дир экипажа пилот первого класса Константин Акимов!

В ответ раздались сначала недоуменные, робкие смешки, которые перешли в громкий и радостный смех. И аплодисменты. Людям была необходима разрядка после напряжения и смертельного страха.

— А теперь возьмите ручную кладь истройтесь у выхода, — велела Динка. — Как только я открою дверь, выходить будете быстро, вплотную друг к другу.

Теперь пассажиры уже спокойно следовали ее указаниям, самое страшное было позади.

Глава 27

— Нет, я абсолютно ничего не чувствовала, я просто выполняла свою работу, — Динка бойко отвечала на вопросы репортеров, не забывая кокетливо улыбаться.

Рядом с ней Танька Шохина говорила ровно противоположное:

— Я чуть не умерла от страха. Абсолютно не помню, что делала. Просто как автомат...

Двум молоденьким стюардессам достались все лавры славы, их крупные фотографии украсили первые страницы «Пари матч», вечерних газет и еженедельника «Катастрофы недели». Да и кого еще было печатать, не эту же старую гримзу со странным славыанским именем. Его и не выговоришь, не то что написать по-французски.

Сашенька Тарасова от стыда пряталась в своем гостиничном номере, а мужская часть экипажа делала разбор полета и писала объяснительные. Зато Динка с Танькой были нарасхват.

Не бывает худа без добра. Их лайнер после приводнения затонул в акватории Сены, едва стюардессы успели вывести людей, и пока шло разбирательство и верхи решали, что делать с лайнером, как поднимать такую махину, весь экипаж разместили в одной из лучших гостиниц.

Журналисты вволю удовлетворили свое любопытство, ни на секунду не оставляя девчонок, сопровождая их и в магазины, и в кафе.

Парижане готовы были на руках носить героический экипаж, спасший жизни многим их соотечественникам.

— Слушай, я чувствую себя как Жанна д'Арк, — сказала Танька. — В смысле национальной героиней.

— Должна тебя разочаровать, — фыркнула Динка. — Французы ее на костре сожгли.

— Вот она, людская неблагодарность, — вздохнула Танька, примеряя шляпку. — Мне идет?

Динка кивнула. Миленькая круглая соломенная шляпка с букетом фиалок очень шла к рыжим Танькиным волосам.

— О! Мадемуазель э ля рюс стюардесс?! — воскликнул продавец, взглянув на Таньку, и схватил с прилавка вчерашний номер вечерки. — Презент, презент...

Танька взглянула в зеркало и благосклонно улыбнулась:

— Правда? Спасибо. Я бы в жизни такую дорожную не купила. Дин, ну за что тут пятьсот франков платить?

— А ты фирму видела? — хмыкнула Динка. — А дареному коню в зубы не смотрят.

Через пару шагов вновь налетели репортеры и защелкали фотоаппаратами, снимая Таньку в новой шляпке.

Динка поразмыслила, вернулась к прилавку и тоже нахлобучила на голову шляпку, но изящную, велюровую «таблетку» с вуалькой.

— Же ля рюс стюардесс, оси... — для доходчивости она ткнула пальцем в фото, на котором стояла рядом с Танькой, и повернулась к репортерам.

В конце концов, она тоже заслужила себе шляпку!

— Презент... — растерянно пробормотал вслед продавец, оглядываясь, нет ли поблизости еще кого из русских.

Вечером в их честь мэрия устроила прием. Появление юных стюардесс в формах и кокетливых пилоточках на кудряшках вызвало овацию. Но тут уж милым дамам пришлось уступить пальму первенства своему командиру.

И вправду, так мужественно выглядел высокий, худощавый командир с мальчишеским лицом рядом с испещренным морщинами, суровым вторым пилотом. Солидный штурман, молоденький бортинженер и уг-

рюмый, насупленный радист — все возрасты, все типы, как по заказу папарацци.

Динка смотрела на Костю и невольно восхищалась. Как ему, оказывается, идет форма! И какие мужественные складки у него в уголках губ... и с какой очаровательной скромностью он держится, но при этом какая сила чувствуется внутри...

И он явно пользуется вниманием противоположного пола... Гм-м...

Динке совсем не понравилось, что к Косте тут же подскочили две юркие француженки, бойко зашептали на смеси французского с английским, дополняя речь многозначительными улыбками. А Костя-то расцвел, подхватил дам под ручки и увлек к бару.

У! Бабник! Динка гневно отвернулась. Фу, даже настроение испортилось. Разве можно так легкомысленно вести себя на официальном торжественном приеме?! А еще командир! Весь экипаж позорит! Что теперь французы о них подумают? Его принимают, как героя, а он... Казанова!

— Ты чего надулась? — спросила Танька. — Смотри, какое чудо!

Она с восхищением рассматривала свой бокал с коктейлем, украшенный крошечным разноцветным зонтиком. Он был совсем как настоящий, даже открывался и закрывался. Танька незаметно вынула его из бокала и сунула в карман.

— Для Дуськиной Барби, — смущенно пояснила она.

...Сашенька Тарасова еще не отошла от пережитого шока, и Евлампия из солидарности осталась с ней в гостинице. Она хоть и злилась на эту никчемную вертихвостку, которая не умеет себя держать в руках, но врожденное чувство коллективизма не позволяло Евлампии оставить товарища одного.

А той даже на прием идти не захотелось, хотя раньше Сашенька никогда не упустила бы возможности пококетничать и покрасоваться. Даже мысль о том, что там можно закадрить какого-нибудь французика, а в перспективе и окрутить его, не упустив своего счастья, сейчас ее не вдохновляла. Ничего не хотелось, наступила полная апатия и безразличие ко всему. Только одна мысль еще тревожила.

— Теперь меня все презирают? — глядя в окно, вздыхала Сашенька. — Мне что теперь, в другой экипаж проситься?

Евлампия строго поджала губы:

— Ты всегда от трудностей сбегаешь?

— А как мне теперь летать? — Сашенька говорила медленно, словно заторможенная. — Я не знаю, как на борт поднимусь.

— А через «не могу» не пробовала? Иногда помогает, — сказала Евлампия. — Пересиль себя, я рядом буду, если что. Страшнее, чем было, уже не будет.

— Да уж... — поежилась Сашенька. — Знала бы, в жизни не пошла в эту авиацию.

— Не можешь — уходи, — пожала плечами Евлампия.

— Куда? — испугалась Сашенька.

— На кудыкину гору. Тут уж или — или, третьего не бывает.

Сашенька закурила и задумчиво посмотрела на Евлампию.

— Я подумаю, — медленно проговорила она.

Голова кружилась от шампанского, а от всеобщего внимания и восхищения Динка была как на крыльях. От избытка чувств она покружилась по коридору гостиницы, проделала несколько пируэтов и залилась счастливым смехом.

Теперь ей уже ничего не страшно! Она уже пережила столько ужасных мгновений, когда прощалась с жизнью, что теперь все остальное — семечки! Тыфу, трын-трава!

После удачного трюка с «бомбой» у Динки словно гора с плеч свалилась. Она больше никому ничего не должна! Ей больше нечего скрывать и не от кого прятаться! Какое счастье чувствовать, что тебе ничто и никто не угрожает! Что-то Динка за последнее время отвыкла от состояния безопасности и безмятежности.

От какого-то чиновника мэрии, увязавшегося провожать их до гостиницы, Динка отделалась еще в холле. Да и с чиновником этим она танцевала и кокетничала только потому, что Костя слишком уж увлекся местными дамами. Вообще-то, конечно, скорее они им

увлеклись, но он и не сопротивлялся и оказывал ответные знаки внимания.

Динка сама не могла объяснить себе, почему это так ее задевает. Но именно поведение нового командира оказалось каплей дегтя в ее лучезарном настроении.

И потому все, что делала Динка, было немного чересчур. Чересчур громко она смеялась, чересчур вызывая улыбку, а сама косила глазом в сторону Кости, видит ли, каким успехом она пользуется?

Костя догнал их с Танькой в коридоре, насмешливо спросил:

— Ты еще не наплясалась?

— Ах нет! — закатила глаза Динка.

— Пойдем вниз, — неожиданно предложил он. — Там в баре ансамбль играет.

Динка посмотрела на Таньку, та сразу же отказалась:

— Без меня, я что-то устала.

Динка даже не стала лицемерить и уговаривать подругу, а просто повернулась к Косте и с готовностью взяла его под руку. Только не удержалась и язвительно поинтересовалась:

— А куда же ты своих дам подевал? Я думала, ты целый гарем заведешь.

— В принципе я за моногамию, — усмехнулся Костя.

— Это заметно! — фыркнула Динка.

...Ой, зачем только она согласилась выпить еще и в баре?! Не надо было мешать шампанское с виски и запивать все это трехлетним бордо.

Динка просто не чувствовала ног. Зато они показали этим французам класс! Все смотрели на них с Костей, а особенно на Динку. Ее чрезмерное веселье и смелые пляски вызывали одобрительные улыбки.

Маленький ансамбль: гитарист, клавишник и ударник — даже исполнил в их честь «Подмосковные вечера» и «Калинку».

На «Калинке» Динка была особенно в ударе. Она порхала по паркету, трясла плечами, откидывала голову, хлопала ладошками по пяткам и периодически сбивалась на украинский гопак.

Ой, мамочки! Она еще и юбку вверх поддегивала, пытаясь исполнить канкан...

И почему у нее такая хорошая память?! Другие куролесеят невесть как, а потом не терзаются угрызениями совести, благодаря своему беспамятству. А она всегда все помнит в деталях, даже то, что лучше бы поскорее забыть...

Костя поддерживал ее за плечи, и очень правильно, потому что Динку уже «штормило», мотало от стенки к стенке. Сумочка сползла с плеча, и она волочила ее позади, за ремешок. Ноги заплетались...

Слишком усиленно Динка изображала опьянение, слишком резко качалась из стороны в сторону, слишком сильно сжимала пальчиками Костину руку.

Ведь мужественный командир экипажа просто обя-

зан помочь слабой, не рассчитавшей своих силенок женщине. На кого же ей еще опереться?

Рядом с дверью своего номера Костя остановился, осторожно прислонил Динку к стене и полез в карман за ключом.

— Стоять можешь?

— Угу, — глупо улыбнулась Динка и медленно сползла по стеночке.

Он открыл дверь, подхватил ее за плечи, поднял и втащил внутрь.

Динка с готовностью обмякла в его руках, кося одним глазом, куда они передвигаются. Ого! К кровати! Да Костик не промах, не теряется!

Он положил ее на кровать, снял туфельки и закинул ноги на одеяло.

— Ой, как здорово! — пробормотала Динка и блаженно улыбнулась. — У меня в голове все крутится и куда-то плывет...

Костя сел рядом и осторожно склонился к ее лицу. Динка почувствовала на виске его горячее дыхание, а глаза его были так близко, что стали заметны зеленые крапинки на коричневой радужке. Взгляд его был серьезным, пронзительным, он просто обжигал кожу.

Динке вдруг стало страшно. Она невольно отодвинулась, вжалась затылком в подушку. Нет, не надо... Если он ее сейчас поцелует, то она не сможет себя контролировать.

Париж — город любви... И ей тоже так хочется

любви. Большой, чистой, пламенной... Искренней любви, когда душа нараспашку, когда никаких тайн и недомолвок, когда на целом свете есть только двое: она и он.

И Костя как раз тот, в кого она могла бы влюбиться так, как мечтала. Или уже влюбилась?

Его губы слегка коснулись виска, скользнули вдоль щеки, замерли напротив ее губ. Динка напряглась и зажмурилась в ожидании поцелуя. В душе ее боролись два противоречивых желания: немедленно убежать... и раствориться в его ласках...

Искушение было слишком велико, и она медлила. Костя тоже оттягивал этот момент, словно давал ей шанс одуматься.

Руки сами собой поднялись, чтобы обвить его шею... Но вместо этого Динка судорожно оттолкнула Костю, вскочила и бросилась к двери.

Нельзя его любить. Он не сможет отнестись к ней серьезно. Он все о ней знает, о ее похождениях, о ее романе с Антоном, о загулах в гостиницах, о многочисленных ухажерах. Он считает ее легкомысленной шлюшкой, недаром же вот так сразу привел к себе в номер и уложил на кровать. Думает, что раз она пьяна, то ей уже все равно, с кем быть, думает, что она вообще неразборчива в контактах и озабочена только одним...

Нет, Динка не вынесет, если он не примет ее любовь, посчитает ее простым капризом, усмехнется завтра утром, подмигнет с намеком и с чистой совестью примется ухаживать за кем-нибудь другим.

Да уж, у него, видимо, тоже нет недостатка в жен-

щинах. А ей придется с этим мириться, ждать, когда и до нее дойдет очередь, ревновать, страдать... Ну нет! Ни за что на свете Динка не согласится играть в жизни любимого такую унижительную роль! Так что лучше вовремя остановиться. Как говорят англичане: не попробуешь мед, не узнаешь, как он сладок.

Он не ожидал ее отпора и на мгновение растерялся. Этого оказалось достаточно, чтоб Динка выскочила в коридор. Хмель сразу выветрился из головы, мысли были абсолютно ясными и четкими. Динка вновь обрела координацию движений, — видимо, за счет выплеснувшегося в кровь адреналинчика.

Костя выбежал вслед за ней, успел ухватить за руку и развернуть к себе.

— Почему? — выдохнул он.

— Пусти! — рванулась Динка.

Он прижал ее к стене, оперся с двух сторон своими длинными руками:

— Объясни.

— Не стоит!

Он приблизил свое лицо:

— Но ты же хочешь.

— Нет, — независимо прищурилась Динка. — У нас все равно ничего не выйдет, незачем начинать!

— Откуда ты знаешь? — вспыхнул он. — С чего такая проницательность?

— Не люблю быть легкой добычей.

Он посмотрел на нее с удивлением.

— А я не люблю легких побед. Но я не думал, что нам придется сражаться.

— А мы не будем, не надейся, — с вызовом глянула на него Динка.

— Сдаешься?

— Просто мне не интересен приз.

— Вот как? — Он слегка отстранился.

— А ты полагал, что неотразим?

Вместо ответа Костя вдруг резко рванул ее к себе за плечи и обжег губы поцелуем. У Динки дыхание перехватило. Ой-ей... как он целуется! Жизнь можно отдать!

Но рядом некстати распахнулась дверь, и кто-то громко заговорил над ухом по-французски. Динка отпрянула в сторону, отвернулась, тяжело дыша, но Костя заслонил ее собой и удерживал на месте.

— Пусти... смотрят.

— Ну и пусть!

— Я боюсь.

— Кого, дурочка? — ласково шепнул он.

— Тебя, — выдохнула Динка.

Она поднырнула ему под руку и быстро побежала прочь по коридору. Костя не стал ее догонять.

Серенький рассвет делал очертания предметов зыбкими и нечеткими. Танька мирно сопела, свернувшись калачиком, а она все никак не могла заснуть. Уже выпила из бара всю минералку, а в горле по-прежнему сухо. Эта жажда, наверное, оттого, что слишком много выплакано за ночь слез.

Динка встала, вышла в ванную и подставила ладошки под струю холодной воды. Ополоснула опухшее от рева лицо, попила и глянула на себя в зеркало.

Фу! Ну разве можно в такую влюбиться?! Надо реально смотреть на вещи, надо оценивать себя адекватно. Глазки-щелочки, красный сопливый нос и растрепанные патлы. Хороша, сил нет! Правильно она сделала, что сбежала от Кости.

Ой нет, неправильно... Динка вернулась в постель, уткнулась лицом в подушку и опять тихонько завывала. Неправильно... Глупо...

Больше всего на свете ей хотелось прижаться к нему, обнять и получить еще хоть один поцелуй, как тот, в коридоре...

И ведь она могла бы сейчас лежать с ним рядом, отвечать на его ласки, а не реветь здесь одной, в холодной постели...

И все же правильно! Детские комплексы одержали верх. Ее, такую грязную и испорченную, нельзя по-настоящему любить. С ней можно только развлекаться. И она готова с легкостью развлечься с кем угодно, кроме Кости...

Глава 28

Как быстро проходит земная слава... На следующее утро парижские газеты уже писали о других новостях, а на набережной кипели подъемные работы. Костя

целый день пропадал там, да и вся мужская часть экипажа не упустила случая понаблюдать, как поднимают со дна Сены их лайнер. Фотографии спасательных работ появились на первых страницах газет и исчезли, а еще через день французов уже волновало начало рождественской распродажи.

И теперь никто, кроме официальных лиц, не провожал их, когда они возвращались в Москву обычным аэрофлотовским рейсом.

— Динка, смотри, про нас написано!

Танька с детским восторгом держала в руках принесенную стюардессой газету. Динка с интересом глянула через ее плечо:

— Где?

— Да вот же, в рубрике «Срочно в номер», — ткнула пальчиком Танька и прочла вслух: — «В обнаруженном на борту самолета Ил-62 тайнике особый отряд ФСБ изъяс контрабанду в особо крупных размерах. Этот этап завершил операцию по обнаружению и возвращению в Гохран украденной ранее иконы «Богородица в печали», которую приписывают кисти Андрея Рублева...»

— Складно пишут! — засмеялась Динка. — Выходит, они эту операцию заранее планировали.

— Ну откуда ты знаешь, может, и планировали, — убежденно сказала Танька. — Они знаешь как работают! Пассажиров специально бомбой испугали, чтоб спокойно контрабанду вынуть.

— Ой, как интересно! — округлила глаза Динка.

Танька расхрабрилась, уселась в салоне у окошка и весь полет нет-нет да и поглядывала вниз.

— Завтра с Дуськой в парк пойду, — мечтательно сказала она. — На колесо обозрения. Ты знаешь, Динка, я ведь сто лет на нем не каталась! Дуська всегда плачет, просится, а я не могу... боюсь. И с бабушкой ее отпустить тоже боюсь, все время какие-то ужасы мерещатся... — Она легко рассмеялась. — На ВДНХ пойдем, на самое высокое, пол-Москвы увидим! Блеск!

После операции Антон чувствовал себя уже гораздо лучше. Его перевели в отдельную палату. Истомин приходил еще раз, расспрашивал о Валентине Агееве, о возможности контрабанды, но ни слова не сказал о мнимой бомбе на борту его лайнера. Об этом Антон узнал из газеты, которую ему вместе с ужином принесла медсестра Юленька.

До него популярную газету прочло, видимо, все отделение, она была небрежно сложена, угол оторван, но Антон был рад и такой возможности узнать, что происходит в мире.

Он прочел о находке иконы рублевской школы и отложил газету. Сердце бешено заколотилось. Что это значит для него?! Теперь его оставят в покое, на нет и суда нет? Или теперь ему придется отвечать сполна?

Икону нашли, но она попала не по назначению. Кажется, есть такой вид штрафа, который называется

«упущенная выгода». И те, кто ее упустил, могут ему этого не простить. А у него около двери даже охраны нет...

Впервые Антон пожалел, что не рассказал Истому все. Тогда он был бы для следствия важным свидетелем, его бы охраняли, в больнице дежурство установили. А так он всего-навсего пострадавший от случайного бандитского нападения, да еще к тому же ничего не разглядевший. И ни для кого в таком качестве особого интереса он не представлял.

— Укольчик, Антон Васильевич, — зашебетала Юленька. — А потом поужинаем.

Антон вздохнул и с трудом повернулся на бок. Медсестрички его обожали. Еще бы, такой симпатичный летчик, да к тому же раненый, просто герой! Девчонки не вдавались в подробности, что именно произошло с Антоном. По их версии, он героически защищал свою жену.

У Юленьки была легкая рука, Антон даже не почувствовал укола, а через несколько минут по всему телу начало разливаться приятное тепло.

Юленька ушла и вернулась с тарелкой каши и кусочком хлеба с маслом. Помогла Антону повернуться на спину, приподняла подушки.

— Ну, открывайте ротик. — Она слегка кокетничала, не забывая, что перед ней хоть и больной, но все-таки мужчина. — Вам надо кушать хорошо, чтобы быстрее на ноги встать. Вы тогда всем этим гадам покажете...

Антон послушно проглотил ложку овсянки.

— Мы все вам так сочувствуем, Антон Васильевич! Девочки говорят, что жена ваша ребенка потеряла. Хорошо, хоть сама пока жива, да? Ой, хотя разве это можно назвать жизнью?!

Антон прислушался к щебету Юленьки и оторопел:

— Какого ребенка? Кто потерял?

— Ну как же! — Она округлила щедро намазанные тушью глазки. — У вашей жены выкидыш произошел. Только она ведь в коме, так что еще ничего не знает... Вам разве никто не говорил?

— Нет. — Антон с трудом проглотил скользкий теплый комоч каши.

— Там всего-то шесть недель было, совсем еще ничего, так что не расстраивайтесь. Вам любая с радостью родит. — Юленька с намеком стрельнула глазками. — Вы мужайтесь, Антон Васильевич. Вам надо быть готовым... Врачи говорят, вряд ли она выживет.

Он прикрыл глаза и вздохнул. Наташку жалко нестерпимо, она любила его, как верная собака... И оказывается, носила его ребенка... И даже не сказала! Или сама еще не знала? Теперь уж и не узнает...

Стоп! Так это она о ребенке говорила! А вовсе не об иконе и деньгах! Она хотела оставить ребенка! А он-то, идиот...

Но тогда кто же взял передачку?! Неужели и вправду Валентин спрятал ее на борту? Ах, какой он кретин! Надо было самому облазить весь лайнер, во все закутки заглянуть! Девчонки всегда так плохо убирают, что в

углах и нишах чего только не обнаружишь! Если бы он догадался все проверить сам, во все сунуть нос, то уже давно не имел бы этих неприятностей. Богородица, или Мама, как зовут ее эти отморозки, была бы за кордоном, у него в сейфе лежала бы приличная сумма, а Наташка была бы жива и здорова и боготворила его по-прежнему.

Теперь, после всего, что произошло, ей лучше не приходить в сознание. Она ведь вспомнит, как он струсил, как подставил ее под удар...

Если бы он вовремя нашел эту заначку, сейчас не пришлось бы терзаться муками совести. Он же не подлец какой-нибудь, не подонок... Он, может, даже женился бы на Наташке, а с Динкой крутил бы пылкий роман.

Кстати, а где Динка? Он ничего не знал о ней с тех пор, как она не дождалась его у машины. И Антон впервые подумал, что ее могли увезти бандиты. Что они с ней сделали? Пытали? Изувечили? Он не догадался спросить о ней у Истомина, да и неловко было. Вроде представился женатым, а интересуется любовницей. А тот, гад, ни словом не обмолвился. Может, специально? Ждал, пока Антон сам спросит?

И вдруг он похолодел от внезапно пришедшей в голову мысли: а что, если за ними за всеми давным-давно следила ФСБ? Что, если они все давно на крючке? В газете написано, что акция была спланирована... Так, может, Валька... агент? Как в фильме... Агент национальной безопасности? Может, он специально

прикидывался, баловался на контрабанде мелочевкой, а сам разрабатывал операцию? Но тогда там уже все знают об Антоне Потемкине, о его связях, о происхождении его доходов...

Руки начали холодеть от смертельного страха, потом ноги. Антон почувствовал, как сковывает холодом веки, они сами закрываются, язык и губы деревенеют. Он с усилием отвернулся от очередной ложки. Липкий сон охватывал его, укутывал, спеленывал ледяной простыней. И уже откуда-то издалека он услышал Юленькин щебет:

— Устали, Антон Васильевич... Ну поспите... Вот какое снотворное хорошее ваши друзья принесли! Швейцарское! У нас ведь с лекарствами туго, мы все больше аналгинчик колем да новокаинчик...

В комнате экипажей громко работал телевизор. Все напряженно смотрели выпуск новостей. Совсем рядом, в Шереметьеве-1, террористы захватили «Боинг-727», алжирской авиакомпании. На борту находилось сто семьдесят заложников, из них больше пятидесяти детей и женщин.

На возвращение героического экипажа в родные пенаты из-за этого события никто не обратил должного внимания.

— Привет, Динка, — кивнула Тамара. — Видала, какие твари?! Прикинь, что там люди сейчас чувствуют! Они грозят подорвать лайнер прямо на полосе.

В темноте операторы выхватывали мигалки оперативных машин, бойцов «Альфы» в черных масках, темный контур самолета на ВПП.

По сравнению с нынешними угрозами террористов недавняя лжебомба уже казалась чем-то несерьезным и далеким. Все внимательно следили, как «Альфа» короткими перебежками подбирается «боингу» под крыло, как автоматчики забираются внутрь через задний люк...

Яркие вспышки трассирующих пуль, отрывистые переговоры по рации, треск, шум, мечущиеся на экране тени... И вот уже из «боинга» выволакивают троих террористов, четвертого выносят накрытым с головой, а по трапу спускаются насмерть перепуганные люди, прижимая к себе малышей.

Белокурая, белокожая стюардесса, вовсе не похожая на алжирку, рыдала в голос и размазывала по лицу тушь и помаду. Динке стало жаль ее, натерпелась, бедная. Небось не верит, что все позади.

Новости закончились, и экипажи начали расходиться. Тамара торопливо допила кофе и тоже вскочила. Динка подошла к ней:

— Томчик, случайно не ты на регистрации сидела, когда у нас бомбу искали?

— Случайно я, — улыбнулась она.

— Ой, как здорово! А ты не помнишь фамилию того дядечки, что потом лететь струсил?

— Дядечку помню, представительный такой, —

кинула Тамара. — А фамилию нет. Но я могу посмотреть.

— Посмотри, а! — умоляюще сложила ладошки Динка.

— Опять дела сердечные? — приподняла бровку Тамара. — Да он вроде староват уже...

— Ну, Томочка, сердцу не прикажешь! — подмигнула в ответ Динка.

— Ох, ну что с тобой поделаешь! Пойдем.

Тамара покопалась в компьютере, просмотрела данные регистрации и повернулась к Динке:

— Да, точно он. Вот и отметка о возврате билета. Ларионов Борис Федорович.

— Спасибо. — Динка чмокнула ее в щеку.

— Эй, милая, ему пятьдесят девять лет. Он тебе в дедушки годится.

— Любви все возрасты покорны, — промурлыкала Динка.

— Ну, счастливо, командир. — Илья Андреевич протянул Косте руку. — Приятно было с тобой полетать.

— Мне тоже, — улыбнулся Костя. — Кажется, мы друг друга поняли.

— Вроде того. — Елисеев нахмурился и отвернулся. — Только я в другой экипаж перехожу. Сейчас рапорт подал. Так что ищи замену, командир.

— Почему? — растерялся Костя.

— Есть причины. — Елисеев положил ему на плечо тяжелую ладонь. — Ты не бери в голову, сынок, ты тут ни при чем. Это меня старые грехи в рай не пускают.

— Очень жаль.

— Мне тоже.

Елисеев отвернулся и пошел по нижнему залу к выходу, невероятно прямой, подтянутый, с гордо откинутой назад головой. И пассажиры оглядывались ему вслед с восхищением...

— Старый козел, — сказал, подходя к Косте, Игорь Игоревич. — Все красуется. Горбатого могила исправит.

— Он от нас ушел, — задумчиво сказал Костя. — Не знаешь почему?

Игорь отвернулся, закурил и буркнул:

— Не знаю и знать не хочу.

Отделение экстренной хирургии погрузилось в сонную тишину. Ночной сумрак разбивала только настольная лампа на посту медсестры. Юленька с увлечением читала детектив. Она так увлеклась, что даже не услышала, как к ней подошел дежурный врач:

— Не спишь?

— Нет, Александр Алексеевич, — вскинула глазки Юленька.

— Кофейку сделаешь?

— Сейчас. — Она пошла в сестринскую и включила

электрический чайник, достала из стола банку кофе, сахар, две чашки.

— Все в порядке? — Дежурный врач сел в кресло, вытянул ноги.

— Да, все спят. Наш герой даже кашу не доел, отключился после укола как убитый.

— Какой герой?

— Ну летчик. Антон Васильевич. Я ему снотворное сделала.

— Погоди... — Дежурный врач устало потер лоб. — Разве я назначал снотворное?

— Нет, вы назначили успокоительное, — пояснила Юленька. — А снотворное кто-то из его друзей принес, швейцарское, очень дорогое.

— Кто принес? Когда? — резко повернулся к ней врач. — И ты взяла лекарство?

— Да, — растерялась Юленька. — А что, нельзя? Мы же сами родных просим, чтоб приносили, если есть возможность...

Дежурный врач разом стряхнул с себя сонную одурь, вскочил и скрылся в палате Антона. Через минуту он выскочил оттуда с перекошенным от ужаса и злобы лицом.

— Александр Алексеевич...

— Закрой рот! — рявкнул он. — Летчик твой уже часа три как готов! Холодный уже! Амбулу мне! Живо!

— Какую амбулу?

— Что ты ему там делала?!

— Сейчас... — Юлька принялась лихорадочно рыться в мусорном ведерке. — Вот...

Врач осторожно взял ампулу, посмотрел на свет, положил в пакетик из-под одноразового шприца и опустил в карман.

Глава 29

Результаты вскрытия показали, что Антон Васильевич Потемкин скончался от остановки дыхания, вызванной сильнодействующим ядом парализующего действия. Название его было длинно написано по-латыни, следовательно Истомин сумел прочесть до середины, чертыхнулся и отложил лист в сторону. Лабораторный анализ показал, что в ампуле якобы швейцарского снотворного находился именно этот яд.

Итак, способ убийства Антона Потемкина был более-менее ясен, оставался суший пустяк: выяснить, кто это сделал и, главное, зачем.

Невольная исполнительница чужой воли, медсестра Юленька сидела перед ним на стуле и редела.:

— Я не хотела... честное слово. Я ведь не знала... я думала...

Больше она связно ничего произнести не могла. Девчонка пришла в ужас, узнав, что своей рукой убила красавца летчика, к которому успела проникнуться симпатией.

Из ее обрывочных слов Истомин сумел выяснить,

что перед ужином, когда Юлька приняла смену, ее вызвал из отделения на лестницу какой-то приятный, представительный мужчина. Посещения в хирургии из-за карантина были отменены, но мужчина и не настаивал. Он сказал, что является другом Антона Потемкина и что тот просил его достать лекарство. Вот он принес, дорогое, редкое.

Юлька клялась, что внимательно рассмотрела упаковку, потому что каждая ампула была в отдельной коробочке с названием знаменитой швейцарской фармацевтической фирмы.

Лаборатория установила, что в остальных ампулах был обычный промедол, и просто случайность, что Юленька первой же взяла именно эту, с ядом. Ведь передай она по смене «швейцарское лекарство», через пару дней, когда до яда дошла бы очередь, на «снотворное» никто бы не погрешил. И уже никто не пытался бы вспомнить личность услужливого «друга».

Истомин посмотрел на несчастную девчонку, размазавшую по щекам тушь, и вздохнул. Ну за то, что она не выполнила предписания врача и сделала самовольный укол, она свое получит. Ведь в итоге она совершила хоть и неосторожное, по незнанию, но убийство.

М-да... Благими намерениями вымощена дорога в ад. Интересно, а какими намерениями вымощена дорога в рай?

Он поднялся и отвел Юльку в соседний кабинет для составления фоторобота. Хотя и не верил, что из

этого что-то получится. Если человек свободно разгуливал и не боялся светиться, значит, в органах на него ничего нет, картотеку поднимать бесполезно. И ищи иголку в стоге сена, одного из десяти миллионов! К тому же почерк явно не дешевого криминалитета. С выдумкой организовано, со знанием дела...

Хотя при том бардаке, что творится в наших больницах, проще и безопаснее именно такой путь, нежели банальный визит гангстеров в масках и с пистолетами. Бандитам еще надо пройти мимо охраны, пронести оружие, а с глушителем пистолет в кармане не спрячешь. Да еще проникнуть в отделение, куда не пускают посетителей. Долго, хлопотно, опасно. А тут сунул в руки медсестричке красочную упаковку — и дело сделано.

Он сидел рядом, наблюдая, как появляются на экране компьютера глаза, брови, овал лица... С носом пришлось повозиться: Юлька сомневалась, выбирая то греческий, то римский... М-да, примечательного в этом типе только то, что шея налитая, широченная. Может, бывший борец? Хотя девчонка посмотрела на результат своих трудов, поморщилась и честно сказала:

— Нет, не очень похоже. Я ведь на него только мельком глянула.

— Ну что за экипаж, ей-богу! Сплошные ЧП! — Дежурная бросила трубку и тут же принялась набирать номер внутреннего телефона. — Тамара, Потемкин

умер. Возьми в отделе кадров фотографию, надо увеличить, ну знаешь сама. Ватман получи.

Тамара обладала красивым каллиграфическим почерком, и ей всегда поручали писать объявления и некрологи. Когда-то для оформительских работ в аэропорту держали художника, но во время кризиса его должность сократили. Кроме объявлений для внутреннего пользования, никакой другой работы для него не было — электронные табло и световые таблицы-картинки вытеснили ватман и плакатную тушь.

Тамара уже не рада была, что обнародовала свои способности. Теперь, как юбилей у кого или похороны, ей дополнительная работа. Вот сейчас она после смены собиралась домой уйти, задержалась только по Динкиной просьбе, и на тебе, поймали ее у телефона. Не надо было трубку снимать!

Она подняла глаза на стоящую рядом Динку и охнула:

— Динуль! Ваш Потемкин умер! Сейчас сообщили...

Судя по тому, что Динка искала адрес очередного «симпопончика», с Антоном у нее было несерьезно. А то Тамара ляпнула, не подумав, а потом уже испугалась, что та еще, не ровен час, хлопнется в обморок от такого известия.

Динка резко побледнела, сжала зубы и коротко бросила:

— Когда?

— Не знаю. Недавно, наверное...

— От чего?

— Мне откуда знать? Может, осложнение какое от раны. — Тамара выключила компьютер и поднялась. — Черт, мне теперь еще задержаться придется! Жалко, да, Дин? Такой мужик был классный!

— Да, жалко, — кивнула Динка, глядя куда-то мимо Тамары остановившимися глазами.

Еще одна смерть... Но она же уже избавилась от денег и иконы. Уже и в газетах написано, что их изъяла ФСБ. Так почему же продолжается расправа? Ведь им больше не надо искать свою потерянную передачку! Или это уже месть за потерю?

— Пойдем со мной в отдел кадров, — предложила Тамара. — Надо фотку взять. Поможешь?

— Нет, не могу. — Динка отвернулась и почти бегом направилась к выходу.

Олег Петрович заехал в «Детский мир» и долго стоял перед витриной с роботами-трансформерами, навороченными луноходами, видеоприставками с набором картриджей. Все это великолепие привлекало внимание мальчишек. Они торчали перед отделом, разглядывая игрушки.

Олег Петрович вдруг понял, что совсем не знает, во что сейчас играют мальчишки тринадцати лет. А что любит его сын? Чем он увлекается?

На фотографии Артемка шупенючий, совсем неразвит физически. Может, лучше посмотреть для него

что-то в спортивном отделе? Роликовые коньки, например, со шлемом и наколенниками, или подростковый тренажер? На нем, правда, обозначена трехзначная цена в у. е. Ну да черт с ним! Деньги дело наживное, а сын у него один.

Олег Петрович купил тренажер и, пока нес его к машине, заметил на первом этаже, в секции моделей, сборные копии «боингов», Илов и новейших вертолетов Камовского КБ. У него самого глаза разгорелись, как у мальчишки. Посреди секции на веревочках висел в воздухе крошечный, но совсем как настоящий К-52, «Черный сокол», еще даже не поступивший в серийное производство. Рядом с ним знаменитая К-50, «Черная акула», казалась несколько тяжеловесной и неуклюжей.

— Девушка, покажите «Сокола», — попросил Олег Петрович.

Она подала коробку.

— А теперь К-50, и «боинг», и А-300... — Штурман Васин никак не мог остановиться, ему хотелось купить каждую модель.

Скоро перед ним высилась приличная стопка коробок.

— Вам выписать чек?

Он подсчитал оставшиеся деньги и кивнул: слава богу, хватает. Здорово было бы вечерами склеивать с Артемом эти модели, объяснять ему устройство самолетов, правила аэродинамики, с гордостью замечать в глазах сына восторг, слышать, как он хвалится перед

друзьями, что это все они сделали вместе с папой... Да за это никаких денег не жалко! Вот только из-за Алки такие тихие домашние вечера вряд ли возможны...

Он уже уложил все в багажник машины, как вспомнил про Ленку. Вот идиот! Увлёкся, как пацан, модельками, а девчонке ничего не купил. И даже не представлял себе, что ей нужно. Какие они сейчас носят платья, какие туфли, какого размера? Не куклу же дарить семнадцатилетней девушке. А косметики она не дожидется, он ей не позволит раскрашивать лицо, как это любит делать ее мамаша.

Костя догнал Динку у выхода. Все уже давно разбежались по домам, и только они двое из всего экипажа все еще болтались в аэропорту.

— Слышала новость? — осторожно спросил он.

— Да, — кивнула Динка. — Интересно, он сам умер или ему помогли?

Костя взял ее под руку и заглянул в лицо.

— Выходит, ты еще не в курсе. Это убийство. Медсестра какая-то, черт знает почему, сделала смертельный укол...

— Медсестра? — ошалела Динка. — Ей-то зачем? Подкупили?

— Кто? — быстро спросил Костя.

— Не знаю. — Динка отвернулась. — Нас теперь опять к следователю таскать начнут?

— Скорее всего. — Костя вздохнул. — Меня завтра еще на разбор полетов вызывают. Перед комиссией отчитываться.

— Но ты же все делал правильно!

— И то, что мы здесь, лучшее тому доказательство.

Динка осторожно освободила руку и отстранилась от него.

— Всего хорошего, Константин Иванович, мне на маршрутку.

— Мне тоже. — Он нахмурился. — Но если ты хочешь побыть одна, я не стану навязываться. Ты ведь... любила Антона?

— А ты его не любил, — повернулась к нему Динка.

— Не стану скрывать. Но о мертвых плохо не говорят.

— Тогда давай не будем, — отрезала Динка.

— А ты куда сейчас?

— Домой.

— Может, посидим где-нибудь? — предложил Костя. — Или меня в гости пригласишь?

Динка остановилась и в упор глянула на него:

— Что, спешишь занять вакантное место?

— Зачем ты так? — тихо спросил Костя. — Я ведь серьезно.

— Что серьезно? — опешила Динка.

— Все. Ты мне давно нравишься... — Он огляделся по сторонам и вдруг улыбнулся: — Тебе не кажется, что это не самое подходящее место для любовного объяснения?

Они стояли посреди площади, и их со всех сторон толкали спешащие с вещами люди.

— И не самое подходящее время, — заметила Динка.

Глава 30

Весь мир потерял цвета. Остался только один — белый. Блестящий, маслянистый — если посмотреть вбок, матовый, шероховатый — если вверх, а когда скосишь глаза чуть ниже носа — упрешься взглядом в шуршащую крахмальную белизну.

Натаалья осторожно водила глазами по кругу. Раз она различает оттенки белого, значит, все-таки не ослепла. Но что-то с ней все же случилось. Что? Где она?

Голова не поворачивалась, и разглядеть что-то еще, то, что не попадало в пределы ее поля зрения, она не могла. И вообще, какое-то странное ощущение, что от нее только глаза и остались. Она — это глаза. И все, больше ничего Натаалья не чувствовала. Ни рук, ни ног, ни туловища. Не было ни боли, ни тяжести, ни онемения — ничего.

«Я есть, или меня нет? Кто я? И что именно составляет мое «я»? Из чего я состою? Что собой представляю? Я живу или уже нет?»

Натаалья закрыла глаза. Мир потух. Стало темно, только расплывчатые красноватые круги и пятна сме-

няли друг друга под сомкнутыми веками. Открыла глаза — свет. Белизна.

Белый свет... Она на белом свете. Она жива.

Наташа не помнила даже, кто она, как ее зовут, что с ней случилось. Память тоже была белой и пустой, как чистый лист.

Что-то скрипнуло сбоку, раздались шаги, и Наталья с удивлением обнаружила, что кроме зрения у нее есть еще и слух. Что мир не только состоит из белого и черного, но еще и звучит, и она эти звуки различает.

— Смотрите, глаза открыла! — сказал где-то вверху низкий женский голос. — Молодец, девочка. Цепкая.

Чье-то лицо, незнакомое, склонилось над Натальей. Сдвинутая на лоб темно-зеленая шапочка скрывала волосы.

Наталья хотела спросить, кто она и где, но язык не слушался, губы не шевелились. Вместо слов изо рта вырвалось глухое мычание.

— Очень хорошо! — обрадовалась незнакомка. — Связки напрягаются. Люся, поставь капельницу. А на завтра запиши обследование на томографе. — Она опять склонилась над Натальей и спросила: — Ты меня слышишь? Если да, то закрой глаза.

Наталья опустила веки, подержала их сомкнутыми и вновь открыла.

— Умница! — обрадовалась женщина. — А помнишь, что с тобой случилось?

Наталья смотрела на нее. Та подождала несколько секунд и кивнула с видимым сожалением.

— Так. А как тебя зовут? Кто ты?

Наталья не шелохнулась.

Женщина отвернулась и, подавив вздох, сказала кому-то:

— Что ж, может, так оно и лучше...

Лидия Ивановна опять была чем-то недовольна. На сей раз ей не угодила прислуга. Закрывшись в кабинете, Сашка слышал, как она возмущенно кричала:

— Я ей каждый день говорю: несешь блюдо, сразу подавай чем брать! То салфетки забудет, то хлеб не нарезан!

— Сама нарежь! — огрызнулась Любка.

— Я?!

— А что? Ты забыла, как это делается?!

— Но для чего мы держим прислугу?! Она за это деньги получает!

— Во-первых, плачу ей я! — жестко отчеканила Любка. — А во-вторых, делать ей замечания тоже имею право только я. Ты хочешь ее рассчитать?

— Но она ведь не справляется! — взвизгнула Лидия Ивановна.

— Она отлично готовит, — парировала Любка. — Гораздо вкуснее, чем ты. И чтобы прекратить скандалы, я могу оставить за ней только готовку, а сервировку и мытье посуды поручить тебе.

— Мне?! — поперхнулась теща. — Дожили! Хо-

чешь, чтоб мать на старости лет у тебя в прислугах была!

За их воплями Сашка даже не слышал звонка телефона. Он уже давно предпочитал не участвовать в семейных обедах, делал вид, что углублен в работу. Раскладывал на столе технические справочники, схемы, и жена с тещей оставляли его в покое.

— Саш, тебя! — стукнула в дверь Любка и протянула ему трубку радиотелефона.

— Слушаю.

— Ну здравствуй, Аванс, — ласково сказал ему незнакомый мужской голос.

— Вы не туда попали, — разом осипшим голосом ответил Сашка. — Вы... ошиблись номером.

— Не финти. — В голосе появились металлические нотки. — Мы не ошибаемся. Смирнов ты теперь или Иванов, не забывай, что ты Аванс.

— Вы... кто? — выдавил Сашка.

— Я от Папы, — представился собеседник. — Знаешь такого? Папа хочет потолковать.

— О чем? — напрягся Сашка. — Мы ведь не знакомы, я давно со всем завязал.

— Папа знает, — успокоил мужчина. — И очень этим доволен. Говорят, твоя жена в депутаты метит? У нее сложности с бизнесом?

— А откуда вы...

— Мы можем быть полезными друг другу, — усмехнулся собеседник. — Так что сегодня в семь. Запиши адрес.

...Сашка остановил машину рядом с аккуратным двухэтажным особняком. Тротуар и проезжая часть вокруг него была огорожена чугунными столбиками с цепями и превращена в служебную автостоянку. Места для машин были помечены, у каждого свое индивидуальное, согласно иерархии, как на Западе.

Охранник посмотрел на его номер, сверил его со списком и указал, куда ему следует встать. Сашка удивился, как оперативно работают у Папы агенты. Эту машину Любка купила ему меньше месяца назад, а у них уже есть его номер.

Охрана на дверях, видимо, тоже ориентировалась по номеру машины, который они наблюдали в телекамеры, потому что Сашке, едва он позвонил в дверь, без лишних расспросов указали, куда идти.

Он поднялся по широкой мраморной лестнице, и в верхнем холле его встретил услужливый человек в строгом черном костюме. Он был похож на ученого секретаря.

— Одну минутку, — остановил он Сашку. — Вам назначено на семь, подождите несколько минут.

Он указал на мягкие кожаные кресла, рядом с которыми на круглом столике лежали газеты и журналы.

— Чай? Кофе?

— Спасибо, — отказался Сашка.

Он пристально смотрел на висящие перед ним круглые настенные часы. Когда большая стрелка достигла верхней кульминации, секретарь встал, заглянул в соседний кабинет, вернулся и пригласил Сашку войти.

Переступая порог, он изрядно струхнул, ожидая увидеть самого Папу. Их первая встреча еще не до конца изгладилась из памяти, и Сашка готовил себя почти к таким же переживаниям. Кто знает, что взбредет Папе в голову? У него реакции неадекватные.

Но к своему удивлению, он увидел вовсе не Папу. Его, хоть поседевшего, хоть постаревшего, он теперь узнал бы из тысячи. Но за массивным дубовым столом с несколькими телефонными аппаратами сидел приятный, подтянутый человек интеллигентной наружности.

— Добрый вечер, Александр Антонович. — Он с любезной улыбкой поднялся Сашке навстречу. — Вы точны, минута в минуту. Вот что значит служба в авиации! Ну проходите, садитесь.

Он указал на стоящий напротив диванчик. А сам перелистал лежащие перед ним бумаги.

— У нас будет к вам несколько поручений, — сказал он. — Для вас это сущий пустяк.

— Вам нужен канал мимо таможни? — откашлявшись, спросил Сашка.

— Вы все понимаете правильно, — кивнул собеседник. — Иногда необходимо срочно переправить кое-что незадекларированное. Но нечасто, — тут же успокоил он. — Крупные суммы перечисляются на счета, крупные партии идут по официальным документам, так что мы с вами говорим исключительно о мелких услугах.

Он как бы специально подчеркивал незначитель-

ность просьбы, давая понять, что никаких особых заслуг в выполнении таких разовых заданий не видит.

— Вы знаете, я хотел бы, чтобы мое прошлое... Понимаете... — замялся Сашка.

Собеседник понимающе кивнул:

— Конечно. Кто старое помянет — тому глаз вон. Знаете такую народную мудрость? Ну и мы, конечно, в долгу не останемся. Мы в курсе ваших проблем и окажем вашей супруге всестороннюю поддержку. Она ведь идет по одномандатному округу?

— Да. По сто первому, — ответил Сашка.

Собеседник пометил что-то в бумагах и выжидательно посмотрел на Сашку. Тот понял, что пора откланяться, и поднялся.

— Скажите, а Антон Васильевич тоже с вами был связан? — решил он спросить, уже взявшись за ручку двери.

— Кто?

— Командир экипажа. Потемкин... — Сашка помялся. — Говорят, его убили.

— Нет, не знаю такого, — секунду подумав, ответил мужчина. — Не знаю.

Нет, не сходятся концы с концами. Он в сотый раз пересматривал материалы дела, но не мог понять, что не так. Чувствовал, что не все так просто с этим экипажем, а доказательств не было. Одни домыслы и догадки.

Истомин выкурил с утра уже две пачки, полез за очередной сигаретой и увидел, что и третья подходит к концу. Когда он нервничал, то переставал контролировать себя. Да как тут не нервничать, если начальство в упор не видит явной связи между убийствами членов экипажа и обнаружением на его борту рублевской иконы!

Конечно, как они позволят объединить эти три, казалось бы, совсем не связанных между собой дела в одно, если хищение иконы проходило по другому ведомству и уже давно закрыто в связи с неожиданной находкой? У них теперь в отчетах все тип-топ! Они теперь развешивают лапшу, что планировали операцию захвата, что вели слежку и отрабатывали версии.

А Истомин чувствовал, что это ложь. И не просто так оказалась икона именно на этом борту. Возможно, она и есть причина совершенных преступлений.

И уж совсем незамеченным для всех, кроме Истомина, прошел факт обнаружения убитым в Риме курьера коптевских Павла Кондакова. А ведь именно на Рим до недавнего времени летал борт сто двенадцать — шесть — два. Но это было уже из области фантастики. Притянуть убитого за кордоном курьера, хоть и летевшего этим же рейсом, можно было только за уши.

Истина где-то рядом... — вспомнил Истомин слоган из «Секретных материалов», замененный впоследствии на более подходящий к его случаю: истина где-то там... При этом он невольно поднял палец вверх,

указал им в потолок и в сердцах ткнул в пепельницу докуренный до фильтра бычок.

По его агентурным данным коптевские были на ножах с Папиными. Хотя сам Папа уже давно нигде не светился, и Истомин даже думал, что тот отбыл на покой куда-нибудь на Мальорку, а «детки» числят его по привычке. Но стоит за ними Папа или нет, а «детки» вполне могли посчитаться с коптевским курьером. А курьер мог обнаружить слежку и скинуть икону прямо на борту. Вот и вся взаимосвязь. Просто как пять копеек, но поди докажи...

Как доказать связь между курьером и экипажем? Кто мочит летунов: коптевские или Папины? И за что? Одни догадки да загадки...

Надо еще раз опросить весь экипаж. Хотя они молчат, как партизаны. Никто ничего не видел, ничего не слышал, и ему ничего не говорят. А у него нормальный «висяк» намечается. И кстати, уже третий за квартал...

Динка старалась не обращать внимания на Костю. Ну идет он следом, ну садится в тот же вагон метро, в тот же автобус. Его проблемы. Мало ли куда он направляется! Он послушно тащился за ней до «Бабушкинской», потом ждал автобус, потом топал по улице вдоль решетчатой ограды и, лишь когда Динка свернула во двор больницы, догадался спросить:

— Ты к кому?

— К Наталье. — Динка соизволила оглянуться. — Тебя это удивляет?

— Нет, — пробормотал Костя. — Я тоже хотел навестить...

Чуть поодаль стояло низенькое приземистое здание морга, и оба они старались не смотреть в ту сторону. Трудно представить себе Антона... там.

— Очнулась ваша Симакова! — сообщила старушка в справочном. — Но состояние все еще критическое.

— А повидать... — заикнулась Динка.

— Даже не просите! Вот с врачом можете поговорить, если она еще не ушла. Я узнаю.

Старушка отправилась на поиски, а Динка с Костей уселись в пустом холле на жесткую скамью. Через несколько минут к ним вышла пожилая женщина в накинутом поверх белого халата старом пальто.

— Это вы к Симаковой?

— Да. — Динка с Костей поднялись ей навстречу.

Врач закурила «Яву», выбив ее из пачки ловким щелчком. Она жадно затянулась и пристально посмотрела на обоих:

— Вы ей кто?

— Я командир... — почему-то начал Костя.

— Командир, — перебила врача. — Тебе скажу. Не будет ваша Наталья ни летать, ни ходить. А может, и говорить не будет. От удара у нее произошло кровоизлияние в мозг. Чтобы вам было понятно, зона семь на шесть на четыре практически выжжена. Это необратимо.

— И ничего нельзя сделать? — в ужасе переспросила Динка.

— Медицина бессильна, — нахмурилась врач.

— Скажите, а она... что чувствует?

— Ничего, деточка. Совсем ничего. — Врач сделала резкую затяжку. — Да оно и лучше. У нее перелом позвоночника, шейки бедра, голеностопа со смещением, разрыв селезенки. Мы ее по кусочкам собрали. А ведь красавица была?

— Красавица, — кивнул Костя.

— У нее родные есть?

— Я не знаю, — растерялась Динка.

— Нет, — ответил Костя. — В прошлом году она одна осталась.

— Да, — вздохнула врач. — И муж умер, и ребенка потеряла. Хотя какому мужу такая нужна? Им здоровых, да красивых подавай.

— И что же теперь будет? — растерянno спросила Динка.

У нее в голове не укладывалось, что может быть такая болезнь, которую нельзя вылечить. Разве возможно такое, чтобы Наташка никогда больше не смогла ни пошевелинуться, ни заговорить?

— Немного подлечим и передадим в интернат, — нахмурилась врач. — Там таких доглядывают.

— А навещать там можно? Адрес дадите? — спросил Костя.

— Дам. — Она усмехнулась. — Только ведь вы

разок съездите и сами больше не захотите. Тяжело это.

— Ничего подобного! — взвилась Динка. — Зачем вы так? Нам всем Наташу жалко. Мы всем экипажем...

— Ну-ну. — Врач выкинула сигарету в урну и отвернулась, чтобы уйти.

— Подождите, а что вы сказали о ребенке? — остановил ее Костя.

— Шесть недель у нее было, — обернулась в дверях врачиха.

Динка опустила голову и залилась жгучей волной краски.

Теперь она уже не гнала Костю. Очень паршиво остаться одной в таком состоянии, когда в один клубок сплелись в душе и боль, и стыд, и чувство вины, и острая жалость. Динке казалось, что теперь Костя должен ее презирать, она ждала упреков. И была благодарна даже за простое молчание.

— Прекрати, — сказал Костя, когда Динка, наглотавшись сигаретного дыма, очередной раз хлюпнула носом. — Сколько можно винить себя во всех грехах? Ты здесь ни при чем.

— Но ведь я...

— И он тоже, — отрезал Костя. — В первую очередь, виновен он. И мы уже никогда не узнаем, что у них там произошло.

Он остановил такси и выжидательно посмотрел на

Динку. Она назвала свой адрес и уютно устроилась на заднем сиденье рядом с Костей. Он обнял ее за плечи, притянул к себе, и ей стало вдруг так спокойно, тепло, как уже давно не было. От Кости ей передавалась какая-то уверенность. Пока они мчались через всю Москву, с одной окраины на другую, Динка даже незаметно для себя задремала.

Так бывает, когда боль превышает порог чувствительности и организм, защищаясь, отключается от реальности.

Она открыла глаза уже около собственного подъезда и тут же принялась корить себя за бесчувственность. Но за время сна боль и стыд прошли и исчезло чувство страха. Чего ей бояться? Кого? Страшнее, чем случилось с Натальей, с ней случиться уже не может. И в конце концов, ведь кто-то должен ответить за все?!

Несправедливо, если Наталья будет лежать бесчувственным бревном, а кто-то всемогущий, стряхнув ее с доски, как ненужную пешку, будет продолжать свою игру!

Они вошли в подъезд, и Динка машинально открыла почтовый ящик. За время ее отсутствия там уже скопилось несколько газет, рекламных листочков и каких-то бумажек. Газеты скомкались, порвались на сгибах. Динка расправила их и стряхнула на пол желтый бланк повестки.

— Так и есть, — Костя наклонился и поднял его. — В прокуратуру. На завтра.

Из освобожденного от газет ящика выпали объяв-

ления о ремонте холодильников, автошколе, ускоренном курсе английского, последней выскользнула предвыборная листовка с цветным портретом.

Динка схватила ее, не дав упасть, и уставилась на портрет, не веря своим глазам.

«Ваш кандидат на выборах — Ларионов Борис Федорович», — крупно было набрано сверху красочного открыточного листа. А ниже на фото красовался представительный седой мужчина.

Глава 31

— Интересная биография! — усмехнулся Костя, разглядывая листовку. — Когда он успел два высших образования получить?

— А что? — Динка усиленно делала вид, что ее не интересует этот кандидат в депутаты, а сама поневоле все поглядывала на портрет.

От этого взгляда даже на фото не по себе.

— Так по датам не совпадает.

— Ну мало ли... может, опечатка? — Она пожала плечами, думая о другом.

Слепая тетка Фемида, кажется, по калечности своей перепутала правых с виноватыми. Лупит по невинным чем ни попадя, а преступников заслоняет своей широкой грудью.

Через каких-то пару недель господин Ларионов станет народным избранником, приобретет депутатскую

неприкосновенность, и тогда никакая прокуратура до него не доберется.

Да сам же Истомин просто возьмет под козырек и вперед забежит дверь открывать. И никто, конечно, не станет слушать какую-то стюардесску, которая в каком-то лесу кого-то там мельком видела. Пусть она попробует доказать причастность господина Ларионова к чему бы то ни было!

А самое смешное, не появившись Папа в том самом лесочке, Динка Лебедева с чистой совестью пошла бы отдавать за него свой голос и своими руками помогла бы вскарабкаться к власти.

Борис Федорович Ларионов числился председателем крупного благотворительного фонда под скромным названием «За мир и гуманизм». А где-то она это уже слышала... Причем совсем недавно...

Динка бросилась к телефону и набрала номер.

— Анжелика! Это Дина. Я спешу, золотко. Ты мне скажи, твой благоверный где работает? В фонде? А в каком? «За мир и гуманизм»? Кажется? Да просто так, у меня там знакомый объявился. С удовольствием! И прямо сейчас! — Она бросила трубку и повернулась к Косте: — Собирайся! Мы едем в гости.

Костя только расслабился в мягком кресле, выпил кофе и, поглядывая на сгущающиеся за окном сумерки, думал, как продлить свой визит подольше, чтобы стало слишком поздно возвращаться домой.

— Зачем? — недовольно спросил он.

Но Динка уже металась по квартире, собираясь к подруге.

...До загородного коттеджа Анжелики они добрались, когда уже совсем стемнело. Зимний вечер плавно перешел в ночь. За высокими заборами с пушенной поверху колючей проволокой едва виднелись освещенные верхние этажи роскошных вилл.

— Куда это мы попали? — изумленно оглядывался Костя. — Ты к кому меня привезла?

— К подруге, — невозмутимо отвечала Динка.

— А она кто?

— Домохозяйка.

Динка остановилась рядом с будкой охранника и нажала на кнопку звонка. Из окошка выглянул добрый молодец в пятнистом камуфляже.

— Мы к Анжелике, — сказала Динка.

Добрый молодец щелкнул кнопками на пульте, и Костя заметил, что наверху застрекотала видеокамера.

— Открой, это ко мне, — слышался из радиодинамика женский голос.

Тяжелые ворота отъехали в сторону, Костя шагнул на мощеную дорожку, обрамленную заснеженными кустами, глянул на открывшийся взору трехэтажный замок и восхищенно присвистнул...

Анжелика и вправду тосковала в своей глуши и к приезду дорогих гостей расстаралась, следуя русской поговорке: что есть в печи, все на стол мечи. И стол этот ломился от обилия яств, что было весьма кстати, потому что у Динки дома, как обычно, шаром покати.

Олежек уже вернулся с работы и томился у камина в ожидании ужина. Анжелика не позволяла ему сесть за стол до Динкиного приезда.

— Ну наконец-то! — воскликнул он, усаживаясь во главе стола. — Я уже слюной истек.

Он абсолютно не обращал внимания на то, что жена с порога принялась кокетничать с гостем. Зато Динка даже немного приревновала.

— Хоть на мужика посмотреть! — притворно вздыхала Анжелика. — Я ведь, кроме охраны, никого не вижу. Дин, он меня стережет, словно персидскую княжну! Даже по магазинам я должна с каким-то тупым лбом таскаться. А люди думают, что это у меня вкус такой! Просто стыд!

— Не нравится, не таскайся, — флегматично заметил Олег.

Динка едва дождалась окончания ужина, ей не терпелось пристать к Олегу с расспросами, а Анжелика все болтала, обретя долгожданных слушателей. Наконец в столовой появилась пожилая молчаливая женщина и принялась убирать со стола, а Олег достал коньяк и сигары.

Динка поставила бокал.

— Ничего, если я украду твоего супруга на пару минуток? — подмигнула Динка подруге.

— А Костика мне оставишь?

— Только в качестве залога.

— Залог принимается, — улыбнулась Анжелика. —

Мне кажется, ты прогадала, подруга. Мой муж ужасно скучный тип.

И она с удовольствием подхватила под руку Костю.

Олег с Динкой вышли на застекленную веранду. Впрочем, это Олег скромно именовал верандой огромный зимний сад, в котором цвели диковинные экзотические растения, топорщили всевозможные кроны пальмы и порхали настоящие птички.

С коньяком и сигаретами они устроились на деревянной скамье у стеклянной стены, за которой в темноте смутно белели сугробы.

— У меня такое ощущение, что мы плывем на «Титанике», — поежилась Динка.

Олег отхлебнул коньяк, пристально посмотрел на нее и усмехнулся:

— Напрасно. Мы здесь, скорее, на том самом айсберге. Причем на подводной части.

— Почему? — удивилась Динка.

— Ты что-то хотела спросить без лишних ушей? — напомнил Олег.

— Да. Ты знаешь такого Бориса Федоровича Ларионова?

— Знаю, — кивнул Олег. — А что?

Динка сделала несколько глубоких затяжек.

— Ваш фонд занимается благотворительностью?

— Да.

— Тогда передай Ларионову, что в 20-й больнице лежит Наталья Михайловна Симакова. Та самая, что

выпала из окна, он поймет. Пусть отправит ее на лечение в лучшую клинику, понял?

— Куда? — спокойно спросил Олег.

— В Швейцарию, Америку, да хоть в Австралию, лишь бы Наташку на ноги поставили!

— Записано, — кивнул Олег.

— Но ты же ничего не пишешь!

Он постучал пальцем по лбу:

— Это твоя подруга?

— Да. Скажи Ларионову, она стюардесса.

— Скажу. Что-нибудь еще?

Динка подумала.

— Еще скажи, что Наташка ни при чем. Это я. А тем уродам, что все это устроили, надо головы открутить.

Олежек задумчиво смотрел за стекло, вдаль, туда, где английский сквер плавно переходил в заснеженный подмосковный лес.

— Это я уже понял, — тихо сказал он и повернулся к Динке.

— Что?

Она уставилась на него, потом залпом допила коньяк и закашлялась.

— Коньяк нельзя пить залпом, перехватывает дыхание.

Он поднялся, взял с низкого столика сифон, налил в бокал воды и подал Динке. Она машинально выпила.

— Что ты понял? — ошалело повторила она.

— Что это ты.

— Выходит, ты... в курсе всего? — с ужасом спросила Динка.

— Ну постольку поскольку мне Папа докладывал, — он пожал плечами. — Конечно, я не вдавался в детали. Возможно, его ребята наказали не того, кого надо...

Он выразительно посмотрел на Динку, и она поневоле поежилась от этого взгляда. Всегда добродушный и покладистый Олежек вдруг стал каким-то незнакомым. И сквозь милое, «домашнее» лицо проступили жесткие и властные черты.

Повисло тяжелое молчание. Несколько томительно долгих минут они смотрели друг на друга, а потом Олег обезоруживающе улыбнулся:

— Ну мы же друзья, Динуль. Не бери в голову. Я сам прослежу за делами твоей Натальи. Все будет в лучшем виде. Хотя... на будущее советую запомнить: дружба дружбой, а служба службой. Поняла?

— Поняла. — Динка поднялась. — Послушай, ведь этот фонд тебе принадлежит, да? И Папа с его уродами на тебя работают?

— Догадливая... — усмехнулся он.

— Тогда при чем здесь гуманизм, Олежек? Это совсем из другой оперы.

— Так ведь грехи надо замаливать, — спокойно пояснил он.

Анжелика приготовила для гостей прекрасную спа-ленку, всю в розовато-жемчужных тонах, из которой открывался дивный вид, но Динка была непреклонна:

— И не проси. Мы все же поедем. Не могу спать в гостях.

— Ну что за предрассудки! — упрямилась Анжелика. — Олег, ну-ка уговори Динку! Мы бы с утра баньку натопили, потом на снегоходе покатались, оставайтесь, а?

Но, к ее удивлению, муж поддержал Динку, пожал Косте руку и вызвал шофера.

— Отвезешь в город, — велел он.

— Ну! — топнула ножкой Анжелика. — Зачем ты их отпускаешь?! Тебе нравится, когда мне скучно, да?!

— Дорогая, люди устали, — мягко возразил муж.

— У нас лучше отдыхать, чем в ее конурке! — упрямилась Анжелика.

— Позволь ей самой решать.

— А ты позволь мне!

Семейный скандал готов был вот-вот разразиться, и Динка поспешила откланяться. Чмокнула подругу на прощание, а та покосилась на Костю и заговорщицки шепнула:

— Это ты про него тогда говорила? Одобрям-с! Такой обаяшка, совсем не то что мой тюфяк!

Динка невесело усмехнулась: Анжелика искренне считала своего благоверного глупым недотепой, которым при желании можно отлично манипулировать.

Телефон надрывался, трезвонил на всю квартиру. Динка не успела даже свет включить, метнулась в комнату, сшибла по пути кресло и журнальный столик и в последнюю секунду схватила трубку.

— Ну наконец-то! — раздался мамин голос. — Где

ты бегаешь? Или я теперь свою дочь только по телевизору видеть буду?

— По какому телевизору?

— Дорогая, в новостях о вас целых два дня говорили. Я уже вся испереживалась! Ты ведь могла погибнуть! А ты вернулась и даже не звонишь!

— Не могла я погибнуть. — Динка покосилась на Костю. — У нас такой отличный командир, мамочка, что за ним как за каменной стеной.

— Ты выходишь замуж? — почему-то спросила мама.

— С чего ты взяла?

— «Как за каменной стеной» говорят о муже.

Динка поморщилась. Мама всегда так громко кричала в трубку, словно звонила не из Москвы, а с Камчатки. Косте, наверное, все слышно.

— Скажи: да, — подсказал он.

— Кому?

— Маме, — улыбнулся Костя.

— Он у тебя? — тут же заорала мама. Что-что, а слух у нее был превосходный.

— Да.

— Поздравляю! Наконец-то!

— Мама, — растерялась Динка. — Ты не так поняла...

Но остановить поток маминого красноречия было не так-то просто. Костя протянул руку, забрал у Динки трубку и сказал:

— Спасибо. Кстати, я как раз хотел попросить у вас руки вашей дочери.

— Ты что?! — Динка попыталась отнять трубку. — Шуточки у тебя!

— А я не шучу, — повернулся к ней Костя.

— А ты меня спросил?

— Такие вопросы решаются по старшинству. — Он отстранил Динку, удерживая ее на расстоянии одной рукой, а сам продолжал диалог с ее мамой: — Конечно, Дина помнит о юбилее. Мы непременно придем. Да, и тогда же объявим о помолвке...

Динка села в кресло и ошалело уставилась на Костю:

— Ты что несешь? Как я это, по-твоему, должна расхлебывать?!

— Ну конечно! — горячо заверял Костя ее маму. — Я ее очень люблю! И это чувство у нас взаимно!

— Все, — сказала Динка. — Хватит.

Она потянулась и быстро нажала клавишу отбоя, прервав разговор.

Костя огорченно повертел в руках трубку и положил на аппарат.

— Ну вот, а мы только нашли общий язык...

— Что ты юродствуешь?! — взорвалась Динка. — Ты мою маму не знаешь! Сейчас об этом счастливом событии будет знать пол-Москвы! Как ты предлагаешь мне выкручиваться?!

— А зачем? — повернулся к ней Костя. — Мы ведь и вправду можем пожениться.

— С какой радости? — оторопела Динка.

— Просто потому, что мы любим друг друга, — заявил Костя.

— Кто тебе сказал, что я тебя люблю?!

— Пока никто. — Он осторожно притянул ее к себе и обнял, заглянув в глаза. — Но я могу подождать еще... пару минут.

Нет, Динка не могла противиться этому поцелую. Он ей был просто необходим. Разум отказывался верить его словам, а губы послушно соглашались с теми доводами, которые приводили его губы.

А доводы были вполне весомые — так страстно и нежно Динку еще никто не целовал.

Костя проснулся среди ночи, протянул руку... и не обнаружил рядом Динку. Он испуганно вскочил. Из-за плотно прикрытой кухонной двери в комнату просачивался слабый, приглушенный свет. Там кто-то был, слышалась какая-то слабая возня.

Костя на цыпочках подкрался к двери, рывком распахнул ее и замер на пороге.

Динка повернулась к нему и вздрогнула от неожиданности.

Над столом горело бра, а на столе поверх старенького покрывала была разложена Костина белая форменная рубашка. Только что постиранная, еще влажная. Динка досушивала ее утюгом.

— Я проснулся, а тебя нет... — виновато потупился Костя.

Динка смущенно улыбнулась:

— Я вспомнила... Тебе же сегодня на комиссию. А рубашка грязная была.

Костя подошел и обнял ее сзади, прижал к себе. Динка потерлась щекой о его щеку.

— Ты знаешь, что мне предсказала Инна Аполлинарьевна? — шепнул ей Костя.

— М-м? — мурлыкнула Динка.

— Она мне сказала, что в моем экипаже есть девушка по имени Дина. И цена ей миллион баксов.

— Твоя бабушка была абсолютно права, — кивнула Динка.

— Нет! — счастливо засмеялся Костя. — Она ошиблась! Ты гораздо дороже!

Сколько ни всматривайся в бесконечную голубизну неба, никогда не разглядишь с земли летящий там, выше облаков, совсем рядом с солнцем, такой маленький по сравнению с бескрайним простором самолетик.

Он кажется только крохотной точкой на радарх аэропортовых КДП, малой песчинкой в путающей вышине.

Но там идет жизнь, такая же, как и на земле. Сидят в креслах пассажиры, едят, пьют, читают, разговари-

вают, думают о своем, о земном. Улыбчивые стюардессы разносят обед, экипаж следит за приборами...

Все так буднично — и так необычно. Ведь вы не на земле. Вы летите по воздуху. Гигантская стальная птица несет вас в своем чреве...

Но Динке некогда было думать о несопоставимости земли и неба, она торопливо разогревала обед для экипажа. Необычный обед — настоящие сибирские пельмени. Вчера они все вместе целый вечер лепили их под чутким руководством Евлампии.

Это Косте вместо осточертевшей уже курицы — Динка щедро выложила ему в тарелку целую горку маленьких, пухлых, аппетитных пельмешек, которые сами проскальзывали в горло, да еще прибавила к ним несколько бутербродов с ветчиной и беконом.

Костя, оказывается, такой обжора! А с виду худенький, никогда не подумаешь... Он смеется, что у него много сил уходит на Динку.

— Динуль, готово? — спросил он из кабины по громкой связи.

— Несу.

Динка подхватила сразу несколько подносов с обедами, да еще тарелку бутербродов, даже дверь смогла открыть с трудом.

— Кормилица ты наша! — восторженно приветствовал ее Костя.

— Приятного аппетита, мой командир. — Она нагнулась и поцеловала его в щеку.

Он открыл крышку подноса и с наслаждением втянул носом аромат.

— Динка, знаешь, ты лучшая стюардесса Аэрофлота!

— А почему не мира? — фыркнула она. — Дешево ценишь! Лопай быстрее, пока не остыли.

— Посиди со мной, — попросил он.

— С ума сошел! — округлила глаза Динка. — А еще командир! У меня там дел по горло!

Она эффектно развернулась на каблучках и покинула кабину.

Танька Шохина как раз собирала у пассажиров подносы.

— Помочь? — спросила Динка.

— Ага, во втором салоне убери.

Динка прошла во второй салон. За два часа полета она еще ни разу сюда не заглянула. Танька прекрасно справлялась, а Динка впервые осваивалась в роли старшей стюардессы и потому больше внимания уделяла новеньким в бизнес-классе, контролировала, чтоб все прошло гладко, без эксцессов. Да и к Косте старалась заглядывать почаще. Очень уж хотелось то кофе ему принести, то бутербродом угостить, а то и просто посмотреть на него хоть секундочку...

Динка счастливо улыбнулась. Приятный черноглазый итальянец, сидящий в крайнем к проходу кресле, улыбнулся ей в ответ и тут же принялся заигрывать:

— Сеньорита, мы могли бы с вами поболтать и выпить чашечку кофе?

— Кофе я вам принесу с удовольствием, а вести разговоры во время работы мне мой жених не позволяет, — вежливо отшила его Динка.

— Ну, жених! Он далеко, не узнает, — настаивал итальянец.

— Напротив, он рядом, — гордо сообщила Динка. — Это наш командир.

— Весьма сожалею, — галантно склонил голову итальянец.

Динка забрала у него поднос и потянулась к его соседу. Тот задремал у окошка, прислонившись щекой к спинке кресла. Сидеть так было неудобно, и Динке был виден только его стриженный седой затылок. Поднос с обедом на откидном столике был едва тронут.

— Ваш сосед давно спит? — спросила она итальянца. — Он не жаловался на сердце?

Тот пожал плечами.

Динка потянулась через кресло и осторожно тронула спящего. Только не ЧП! Только не инфаркт!

Она прикоснулась пальцем к шее, нащупала вену и почувствовала слабое биение пульса. Слава богу! Живой. А она уж испугалась, больно неестественная была у спящего поза...

От прикосновения пассажир проснулся, медленно повернулся и глянул на Динку.

Она отпрянула и похолодела от страха. Мгновенно липкий пот покрыл все тело, а ноги ослабли...

На нее в упор смотрел седой. Папа...

— Извините, вам ничего не нужно? — Динка заставила себя улыбнуться.

А тот вдруг изумленно приподнял брови и заразительно расхохотался:

— Ой, девушка, вы что, НЛО увидели?

— Вроде того, — с трудом выдавила Динка.

От смеха щечки у седого покраснели, у глаз порезались морщинки, и сходство сразу исчезло. Теперь пассажир был похож скорее на доброго Санта Клауса, только бороды не хватало.

Она быстро собрала подносы и пошла по салону. Ей надо было продолжать свою работу. Обычную, ничем не примечательную, совсем не героическую работу на высоте десять тысяч метров.

Литературно-художественное издание

Елена Николаевна Ласкарова

СТЮАРДЕССА

Редактор *Н. В. Анашина*

Художественный редактор *О. Н. Адашкина*

Технический редактор *Н. А. Сперанская*

Корректор *Г. И. Иванова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 31.05.01.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Печать высокая
с ФПФ. Бумага типографская. Усл. печ. л. 19,32.
Тираж 10 000 экз. Заказ 1092.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000

ООО «Издательство «Олимп»
Изд. лш. ЛР № 065910 от 18.05.98
129085, Москва, пр. Олимпийского, д. 3а, стр. 3
E-mail: olimpus@dol.ru

ООО «Издательство АСТ».
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчило, д. 84.
Наша электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astipub@aha.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от
10.01.2001. 220040, Минск, ул. М. Богдановича, 155-1204.

Налоговая льгота — Общегосударственный
классификатор Республики Беларусь
ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.300.

Республиканское унитарное предприятие
«Полиграфический комбинат имени Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редационно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 10 000 названий книг самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы можете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также можете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

В Москве:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Арбат, д. 12, тел. 291-61-01
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

В Санкт-Петербурге:

- проспект Просвещения, д. 76, тел. (812) 591-16-81
(магазин «Книжный дом»)

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.

Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Издательская группа АСТ представляет

ЭТО — РОССИЯ!

**ШОКИРУЮЩЕЕ И СЕНСАЦИОННОЕ
В ПРИВЫЧНОМ И ОБЫДЕННОМ!**

**Хотите заглянуть туда, куда вас
не пустит охрана?**

**Хотите увидеть скрытую от посто-
ронних глаз жизнь перронов и
номеров-люкс, офисов и студий,
ресторанов и рынков?**

ВЫХОДЯТ В СЕРИИ:

- Олег Андреев. **Отель**
- Олег Андреев. **Вокзал**
- Олег Андреев.
Телевидение
- Александр Платов.
Толкучка

Серия продолжается!

Вашему вниманию предлагается супер-проект «Россия» — серия книг, которые безусловно порадуют поклонников Артура Хейли и заставят вспомнить об удивительных перипетиях авантюрных романов Сидни Шелдона. Но на этот раз действие происходит не где-то в Нью-Йорке или Чикаго, а здесь, сейчас, рядом с нами.

Держащий в постоянном напряжении криминальный сюжет, трогательные романтические истории — и все это на фоне почти документального репортажа о том, как работают явные и скрытые механизмы огромных производств — отеля, вокзала, рынка, телевидения...

Эти книги читаются куда увлекательнее, чем любой детектив, и снабжают вас эксклюзивной информацией, которую вы не найдете в газетах.

Не пропустите!

**ЛИРИЧЕСКАЯ ДИЛОГИЯ
ЕКАТЕРИНЫ ВИЛЬМОНТ, ИЛИ**

НУЖНЫ ЛИ БАБАМ-ДУРАМ МУЖИКИ-КОЗЛЫ?

Екатерина Вильмонт.
Полоса везения,
или Все мужики козлы.

Екатерина Вильмонт.
Путешествие оптимистки,
или Все бабы дуры.

Екатерина Вильмонт — мастер лирической прозы. Ее привлекает душевный мир независимых женщин, способных управлять обстоятельствами.

У переводчицы Марии Шубиной из повести «Полоса везения, или Все мужики козлы» есть хорошая работа, деньги. К ней наконец приходит любовь. К тому же таинственный незнакомец постоянно присылает ей роскошные букеты цветов и дорогие конфеты. Но два вопроса терзают Марию: кто же этот незнакомец и действительно ли все мужики козлы, или встречаются исключения?

Героиня повести «Путешествие оптимистки, или Все бабы дуры» Кира Мурашева неожиданно встречает отца своей взрослой дочери, которого не видела двадцать лет. Он и теперь клянется в своей любви, но можно ли верить этим словам?..

Серия «1000»

**1000 ВОПРОСОВ, 1000 ФАКТОВ,
1000 РЕКОРДОВ...**

Новая серия книг адресована всем любителям необычного, невероятного, непознанного, загадочного. Возьмите в руки любую из этих книг, и она откроет перед вами 1000 новых граней мира, в котором мы живем, с его чудесами и парадоксами, катастрофами и рекордными достижениями.

Эта великолепная коллекция всего самого удивительного на свете — отличный подарок и взрослому эрудиту, и маленькому почемучке.

- «1000 вопросов обо всем на свете»
- «1000 необъяснимых феноменов»
- «1000 тайн планеты Земля»
- «1000 катастроф»
- «1000 поразительных фактов»
- «1000 рекордов»
- «1000 чудес мира животных»
- «1000 приключений»
- «1000 детских вопросов»
- «1000 вопросов и ответов»

Серия продолжается!

350 ПРИЧЕСОК ДЛЯ ВСЕХ ВОЗРАСТОВ

И НЕПОВТОРИМЫЙ СТИЛЬ ТОЛЬКО ДЛЯ ВАС!

350 причёсок

213 x 275 мм, 96 с.

Как постричься на этот раз?

Какой стиль выбрать, если у вас тонкие волосы или круглое лицо?

Как правильно отращивать длинные волосы и заплетать косы?

Будет ли вам к лицу короткая стрижка?

Как пользоваться гелями и муссами?

Как экспериментировать со своей внешностью, не допуская досадных промахов?

Как подобрать причёску, соответствующую вашему образу жизни?

Ответы на все эти вопросы вы найдете в книге «350 причёсок», которая предлагает вам большой набор оригинальных стилистических решений для мужчин и женщин разных возрастов.

Это великолепно иллюстрированное издание подарочного формата — не просто каталог модных причёсок, но и целый кладезь профессиональных советов о том, как создать и поддерживать ваш неповторимый имидж. С этой книгой можно пойти к парикмахеру, а можно сесть перед зеркалом дома и поработать над причёской самостоятельно.

Держайте и изменяйте свой облик! Ищите свой стиль, экспериментируйте! Желаем вам удач и восхищенных взглядов!
